



В

ПЛЕНУ

ОГНЯ

Татьяна Мещёрская

Annotation

Жениться, пылая от ярости? Мой вариант. У девушки нет шансов отказаться. Она станет моей женой, но я в неё не влюблён. История от лица мужчины.

Глава 1. Точка отсчёта

Анриан

Раннее утро. Я бегу по парковой дорожке, полной грудью вдыхая прохладный, напоенный свежестью начинающегося дня воздух. Он пока не раскалён, не впитал в себя жара уже проснувшегося солнца. Да и само солнце маячит на горизонте не пылающим шаром, а бледно-розовым. Просвечивает сквозь дымку тумана.

Бежать хорошо. Под ногами пружинит земля, в лёгкие поступает кислород, а кровь толчками мчится по венам, подчиняясь ударам сердца. Бег задаёт ритм. Давай, Андр! Ты сможешь. Ещё метров восемьсот, а потом с ускорением. От взятого темпа в груди жжёт, но я всё равно бегу. Люблю борьбу и преодоление. Со стороны жилых домов ветер принёс запахи еды, и я с жадностью втянул его носом. Поесть обожаю, как любой мужик, хотя в еде предпочитаю скорее разнообразие, чем количество. Иными словами: я гурман, а не обжора. Вот ещё почему люблю утро: за незамутнённую ясность мыслей. Но самое главное достоинство столь ранних минут — это отсутствие людей. Практически роскошь, как по мне. Тишина и спокойствие всегда были у меня в приоритете, так как по рабочей необходимости я вечно в центре внимания. Огромный штат подчинённых в офисе, боящихся меня, чего уж греха таить, и многочисленная родня дома... В основном женского пола. О тишине и спокойствии можно только мечтать! А сейчас город только просыпается, жители в своих постелях, парк восхитительно пуст и вокруг никого. Даже жаворонки-таксисты отсутствуют.

По соседней дорожке промчался поджарый бегун в наушниках, но мне не помешал. Отметил наличие «соседа» краем глаза и продолжил бег. Беги. Просто переставляй ноги, Анриан. В голове пусто, все мысли прочь.

...Пусто? Как бы не так!

Сознание внезапно прошивает мысль, что я не столько бегу, сколько заставляю себя бежать. Голова, обычно пустая во время пробежки (это уже потом я заполняю её цифрами и отчётами), полна заезженных со вчерашнего вечера раздумий. Обрывков воспоминаний, в которых я прокручиваю события с некой девчонкой. И в то же время пытаюсь о ней не вспоминать. Также имеются сожаления о моём неподобающем поведении... Недостойном мужчины и главы крупной корпорации. Зачем я так себя вёл? Что на меня нашло? И эта девчонка, Ксания. Это она во всём виновата!

Я резко останавливаюсь и перевариваю пришедшую в голову мысль. Никогда не врал сам себе, и сейчас не собираюсь. Я злюсь, потому что не могу сдержать данное самому себе обещание не думать о вредной пигалице. А ведь собирался выкинуть её из головы! Зло скриплю зубами: Кс-сания! Невыносимая, хрупкая, упрямая! Опять в моих мыслях! Украла радость пробежки, расслабленность утра (да, и её тоже!) и за одно девчонке следует придумать самое страшное наказание. Какое счастье, что она — моя подчинённая. Уж я отыграюсь!

...А, может, лучше подойти, наорать и пригрозить, что вышвырну из компании?

Так, Анриан. Взял себя в руки и побежал дальше! Хочу свободу от дум и лёгкое тело. Прохладный ветерок гуляет меж деревьев, овеивает лицо и незаметно истаивает, уступая место разогревающимся струям воздуха. Скоро парк прогреется, и бежать станет невыносимо. Надо ускориться. Однако всё происходит с точностью до наоборот. Вместо

того, чтобы продолжить бег я останавливаюсь и мрачно смотрю перед собой. Воспоминания уносят меня под вчерашний дождь и его шёпот заполняет голову. Снова скриплю зубами. Хорошо! Обдумаю всё! Только на этот раз без сентиментальных сентенций. И сам не замечаю, как соскальзываю именно в них.

...Худенькое, дрожащее тело. Я помню мокрую Ксанию до мельчайших подробностей. Как и свой взгляд, скользящий по девичьей фигуре с головы до ног и обратно.

Сам не ожидал, что меня так прострелит. Ливень вымочил бедняжку полностью. Не оставил ни единой сухой нитки на теле. И она, вздрагивающая от прикосновения холодных капель, стоит, словно обнажённая передо мной. Непередаваемо это видеть. Тоненькая, трясётся вся. Вижу судорожно сцепившиеся у груди пальчики в попытке сберечь хоть малую толику тепла — надо сказать, безуспешной попытке — но не сдаётся. Глаза... Такие непокорные. Зубки выстукивают дробь. Умрёт, а пощады не попросит. Всё взвыло внутри. Взрыв непонятных эмоций ошеломил меня самого. Пожалел ли я её? Не знаю. Зато прекрасно помню, как ухватился за волну знакомой удушливой злости. Мне не подчиняются и не собираются подчиняться, мыслимо ли?! Судя по выражению глаз девчонки, та готова стоять до последнего. Чувствую себя тираном. Да ещё мой визитёр, которого я ожидал и который, наконец, объявился на этой парковке, добил:

«Иногда ты слишком жесток, Андриан».

Дьявол. Я не садист! Но помутнение рассудка от сожалений и растрёпанных чувств отрезвило нормальное желание сломать, поставить на место, подчинить себе. Ощутить успокаивающий голос собственного превосходства. Это правильно. Так и должно быть в случае мужчины. Начальника. Рывкнул на Ксанию. Раз уж я заставил её отрабатывать провинность на парковке, почему не додумалась взять зонт? Ушёл, оставив девчонку под дождём, но потом зачем-то вернулся. Словно почувствовал что.

...Выдернул её буквально из-под колёс. Прижал к себе. Растяпа! Как можно не заметить едущее сбоку авто?! Неважно, что ливень лупит тугими струями, будто решил выколотить на асфальте ямы. Фары-то у машины горят! Однако рычал упрёки мысленно. Душой и телом горел. Впечатление было такое, словно схватил в объятия кусочек пламени. Очень женственного пламени. Ксения худенькая, хрупкая. И одновременно сложена так, что мужчина во мне взвыл даже под ледяным ливнем. К моей груди притиснуты весьма приятные женские выпуклости. Держу жертву в руках и невольно наслаждаюсь. Капли воды по лицу, глаза в глаза, слившиеся взгляды. Шёпот дождя в ушах. И чувство тёплого, близкого мне человека. Если бы не успел, то большее, чем этой миниатюрной девушке было бы мне самому.

Оттолкнул её, конечно.

Дождь лупит по моим плечам, втиснутым в пиджак, отскакивает брызгами, и до меня дошло, что девчонка, наверное, замёрзла. Дал ей пиджак. Швырнул в руки.

«Не заботишься о своей чести, так хотя бы о чести моей компании позаботься!»

Резкие слова. О них я тут же пожалел, строптивица их не заслужила, но остановиться уже не мог. В груди пылал огонь лютой ярости от понимания собственной уязвимости. Я беспомощен перед ней! Схватил в объятия и поплыл. И бешенство. И желание сделать большее, потому что она... Не сдаётся. Почему она не сдаётся?! От моего напора ломаются крепкие мужики!

Сердце пикнуло, когда продрогшая насквозь Ксения на мгновение прижала пиджак к груди. Я видел, как она прикрыла глаза, погрузив пальчики в тепло его складок, а затем

гордо оторвала от себя.

«Мне это не нужно».

Пренебрегла моей помощью?! Едва не зарычал. Такое простить точно нельзя! В долгу не остался. Резанул другими обидными словами, специально подбирая поязвительней. А затем выехал за город и долго метался под дождём, переваривая случившееся. Нет, я не буду думать о какой-то девчонке!

Оглянувшись по сторонам, я резко выдохнул сквозь зубы. Парк налился солнечным светом, стало слишком тепло для пробежки, но зато решение было принято. Я был прав тогда и прав теперь, выкидывая Ксанию из головы. Не хочу жить в сумятице чувств. И так один-единственный вечер, и девчонка стала источником моих страданий. Я фыркнул: больше не повторится! Мне вообще нравятся женщины покрупнее. Не то что эта... малявка.

Решено! Перестану травить Ксанию на работе, чтобы потом не испытывать несвойственных сожалений. Позволю остаться в компании. Но это будет не жалость, а стратегический ход. Иногда ведь для победы нужно выждать и немного отступить, нежели переть напролом, верно? Девчонка неопытна, скоро сама сделает непростительную ошибку. А я получу возможность уволить её на законных основаниях. Не упущу возможности воспользоваться ситуацией. Все знают, что Андриан Алмазов ошибок не прощает. Эта мысль меня успокоила и, почувствовав умиротворение, я побежал дальше.

За неделю до описываемых событий.

Ксания

Лучик солнца осветил старый дом. А когда в нём зазвучал радостный звонкий девичий голосок, и вовсе будто засиял.

— Тётя, доброе утро!

Стремительная, словно колибри, сияющая и хрупкая темноволосая девушка ворвалась в гостиную. Вихрем промчалась по ней, направляясь на кухню. Небольшая комната, носящая гордое звание гостиной, была проходной. В неё попадали из таких же крохотных спален в количестве трёх штук и шли либо на кухню, либо к мизерной прихожей и двери, ведущей на улицу.

Тётя, которую звала девушка, ни в гостиной, ни на кухне не находилась, но Ксания отлично знала, что та её слышит. Маленький домик прослушивался отлично, настолько тонкие в нём были стены. К тому же дверь в спальню тёти была чуть приоткрыта. Изнутри донеслось яростное кряхтение, показывающее, что тётя проснулась. Подобные звуки всегда сопровождали пробуждение родственницы. И без них было бы несколько... одиноко. Ксания прислушалась. Кивнула головой, убедившись, что всё нормально (у тёти была астма. Больше надуманная, чем реальная, а ещё больное сердце) и собралась заняться завтраком. Она и её сестрёнка Стефания готовили по очереди.

Ах, какое чудесное утро! Ксания, танцую, прокрутилась на месте, на ходу подхватив длинные волосы и соорудив на голове небрежный пучок. Неважно, что вышел художественный беспорядок! Так даже интереснее. Главное, чтобы при готовке волосы не мешались.

— Ой!

Ксания замерла прямо «в танце», с руками в волосах и даже присела от неожиданности. Проскакивая мимо старого дивана с ободранной спинкой, она не сразу заметила, что в гостиной находится не одна. И теперь совершенно неожиданно натолкнулась на взгляд

мужчины. Тот сидел на диване и с явным удовольствием наблюдал за ней.

— Что Вы здесь делаете, Влас?

Голубые глаза гостя лучились удовольствием. Наблюдал он за ней пристально, с довольным видом и даже слишком увлечённо. Ещё немного и облизнётся. Ксания поёжилась. Совсем вылетело из головы, что с некоторого времени в их домике есть квартирант! Денег было в обрез, и тётя решила заработать таким образом: сдавая одну комнату. Мать (приёмная для Ксании) бесконечно возила отца по санаториям из-за его парализованных ног, а финансовые дела с каждым днём всё больше уходили в минус. Тётя бесконечно ворчала по этому поводу, подчёркивая, что на её шее две девушки на выданье. И обе кушать хотят. Ксания же, хоть и худенькая, аппетит у неё отменный, особенно на сладости. Стефания не отстаёт. А домик у них почти в центре города. Ну и пусть, что обшарпанный! Зато тот, кто поселится, будет знатно экономить на транспорте и времени.

Ксания подозревала, что подобным финтом тётя собиралась не только подзаработать. Недаром в постояльцы выбрала незамужнего мужчину! И в ворчаниях подчёркивала про девушек на выданье. Хитрая баба намеревалась убить двух зайцев одним выстрелом. Наверняка мечтает, чтобы она или Стефи выскочили за постояльца замуж. Окрутили бы его. Или сам Влас соблазнился. Но им обоим мужчина категорически не понравился. Нет, внешне он был хорош. Не кривой и не хромой. Глаза голубые, волосы каштановые, кожа чистая. Рост средний. Выше обеих девушек. На фигуру тоже особо не жаловался. Разве что чуть полноват постоялец, но зато по профессии адвокат, подаёт надежды. Тётя всё-всё у него выпросила. А ещё Влас всегда ласков. Говорит, будто патоку льёт. Именно эти чрезмерно сладкие речи внушали девушкам опасение. Особенно Ксании. Инстинктивное беспокойство заставляло держаться от постояльца подальше. Мягко стелет, как говорится. И слишком щедро платит. Отвалил тёте сразу за полгода. Откуда у него такие деньги, даже если он адвокат?

Убавив радость, Ксания прошла на кухню уже чинно, незаметно с облегчением выдыхая. Хорошо одетая из комнаты выскочила, а то могла и в сорочке.

— И Вам доброе утро, дорогая Ксания, — пропел в ответ Влас, пряча весёлый огонёк в глазах. — Мне не спалось на новом месте, поэтому я тут. Простите, если напугал.

— Не напугали.

Интересно, ей показалось или квартирант взглянул как-то по-особенному? Под тяжеловатыми веками на миг мелькнуло нечто липкое, влажное, охватившее её фигуру подобно клею? Ксания неуверенно переступила с ноги на ногу, поправляя ворот тонкой рубашки. Тот сполз, приоткрывая часть плеча. Постоялец отследил и этот жест. Он будто пытался взглядом спустить ворот ниже... Но через секунду взгляд молодого мужчины снова стал весёлым и ласковым, даже по-родственному тёплым. Показалось, наверное. Ксания поспешила укрыться на кухне, хватаясь за кастрюльки как за спасение.

— Значит, Вам не спалось, — весело протараторила она, и тут же замахала руками, заметив, что молодой человек показался в проёме, намереваясь присоединиться к ней. — Нет-нет, сидите, отдыхайте. Вы гость!

«Хотел бы я быть не только гостем», — мрачно процедил про себя Влас, маскируя недовольство улыбкой. Девушка вела себя простовато, выдавая себя за глупышку, но из его уловок-ловушек выскальзывала рыбка. Очень ловкой и юркой. Это бесило и разжигало аппетит. Никакая она не глупышка! Умная и предусмотрительная. Это ж суметь ещё надо: сначала разгадать его намерение, а потом увильнуть. Так же его корбило нежелание

Ксании принять помощь. Но ничего, он терпеливый!

Издавля Влас следил за ловкими движениями девушки, сожалея, что не может приблизиться. В домашней рубашке и тонких брючках она такая... сладкая! Вожделение плеснуло по нервам. И ничего ему не спалось. Специально выпихнул себя из кровати раньше, за пару дней проживания в доме уяснив, что Ксания — ранняя пташка. Вечно вскакивает ни свет ни заря. Желание увидеть её именно такую: лёгкую и растрёпанную — подхлестнуло и вытащило ленивого адвоката из постели. Понежиться и поспать Влас, вообще-то, любил. Но Ксания оказалась чудо как хороша! Раннее пробуждение определённо того стоило. Маскируя истинные чувства за снисходительной, доброй улыбкой, он продолжил наблюдать за ней.

Ксания, оказавшись в родной стихии, забыла о существовании Власа. Радость солнечного утра переполняла её. Тёплые блики на полу грели стопы, и она замурлыкала весёлую песенку, готовя завтрак. Итак, чай или кофе? О, она сделает и то, и то! Чай с имбирём и мёдом, а кофе — капучино. Взбитое горячее молоко так приятно шипит, когда тихонько льётся на чёрную жидкость. Будто море шепчет. Ещё горячие блинчики? Точно! Порхнув к шкафу, Ксания вытащила глубокий ковш и бухнула его на плиту. Плеснула внутрь молока, не забыв отрегулировать огонь, чтобы не убежало. Ловкие пальчики уже вскрывали коробочки с чаем и зёрнами кофе. Жужжала кофемолка. Склонившись над чашечкой, Ксания, зажмурившись, потянула аромат носом. Это же прелесть что такое! И пусть их с сестрой в старый домик к тётке поселили обстоятельства не так чтобы радужные, она всё равно довольна. Верно говорят: всё, что не происходит, случается к лучшему.

Теперь они живут здесь, в Бостоне. А в Лансинге осталось мрачное происшествие, которое заставило их буквально бежать оттуда. Неудачная свадьба сестры, к которой она косвенно приложила руку... Ксания очень надеялась, что смена обстановки пойдёт Стефи на пользу. В конце концов, Бостон не зря называют самым европейским городом в США. Жизнь здесь разнообразна, бьёт ключом, и занятие находится для каждого. Будь то бизнесмен или домохозяйка. Так, Стефания с удовольствием подключилась к тётке в ведении домашнего хозяйства, а она, Ксания, пойдёт работать!

Влив на шипящую сковородку кружочек теста, Ксания заулыбалась. Переезд сулил ей очень личную, очень конкретную приятность. Работа! Это самая прекрасная новость за последнее время. Ей даже сны на этой почве снятся самые радужные. Всё кажется, будто она парит в небесах. Вокруг расплывается жемчужное свечение. А когда она приземляется, с ней произойдёт нечто необыкновенное. Просто чудесное! Хотя она пока не знает что.

— Тётя-тётя, просыпайтесь! — звонко закричала она, выключая конфорку под пыхнувшим кофе, давая гуще подняться и опасть. От джезвы плыл пряный аромат, распространяясь по всему дому. — Пора вставать! Стефи-и-и! Хватит спать, сестра! Всё утро проспий!

Блинчики тоже готовы, они благоухали на столе будто румяные солнышки, под стать волшебному настроению. Взбить молоко для капучино — дело нескольких секунд!

Всё у неё ладилось и спорилось. Забывшись, Ксания вела себя как обычно. Пританцовывала, напевала. А Влас, затаившись на диване, с трепетом следил за ней. Ах, какая! Особенно следил за губами. Ксания не отдавала себе отчёт как солнечно и соблазнительно она улыбалась. Как изгибались уголки её губ, обещая блаженство. Ох, знала бы милая недотрога, что случайности не случайны. Он специально постояльцем сюда пробрался, чтобы быть ближе к красавице. Но хорошо маскировался, пока никак не проявляя

своих намерений.

Посмотрев вперёд и заново заметив Власа, Ксания хихикнула, посылая молодому человеку улыбку. По наивности она совершенно не догадывалась о его мыслях. И даже не думала, что тётя может прочить постояльца в женихи именно ей, а не старшей сестре, девице гораздо больше на выданье, чем она. Она просто на эту тему не думала. Для неё квартирант был всего лишь квартирант.

— Тётя! Стефи!

Ответом на зов было усиленно сипение из комнаты тёти и бодрый голос сестры из другой:

— Иду! Только кровать заправлю!

— Ох, Стрекоза! Никакого покоя от тебя нет, — в гостиную вплыла дородная женщина.

Тётю звали Мадлина. По дому она перемещалась в неизменном бежевом халате, покроем напоминающем кимоно, и близким людям царственно позволяла называть себя Мадди.

— Вскокиваешь чуть свет, когда все нормальные люди ещё спят. Тебе и мужа надо похожего искать. Только где же такого сыщешь?!

— Может, и есть такой ранний?! — лукаво улыбнулась Ксания, подавая тёте чашечку ароматного напитка. — Может, где бегает... Да Вы пейте, пейте! Это я так, пошутила. Зачем мне муж, если я собираюсь работать. Вот для работы как раз и надо вставать рано.

Тётя Мадди закашлялась, подавившись чаем. Подскочившая Стефания застучала её по спине, делая сестре страшные глаза.

— Работу? Какую такую работу? — прокашлявшись, тётя воинственно вспыхнула, упирая руки в бока. — Где это видано, чтобы женщины работали?!

— Но нам нужно на что-то жить. Тётя, я хочу помочь! И мы с Вами уже обсуждали это.

— На самом деле многие женщины сейчас работают, — примирительно выдал Влас, о существовании которого женское трио на время забыло. Но не успела Ксания посмотреть на него с благодарностью, как мужчина тут же добавил: — Но я тоже считаю, что женщине лучше быть дома и заниматься хозяйством.

— Вот! Послушай, что тебе умные люди говорят! — тётя Мадлина затрясла пальцем, указывая на постояльца. — Глядишь, ума разума наберёшься и не станешь предлагать ерунду.

— И ничего это не ерунда.

При поддержке Стефании разбушевавшуюся тётю удалось утихомирить, а затем и умиротворить завтраком.

— Я обязательно буду работать в большой компании, где у босса денег столько, что он ими может кидаться! — бурчала Ксания, спеша по улице, когда домашние дела были переделаны.

Стефания нейтрализовала тётю списком покупок на рынке, и благодаря этому из дома можно было выбраться беспрепятственно. В запасе у неё несколько свободных часов и их Ксания собиралась с пользой. На визит в отдел кадров огромного офиса, присмотренного заранее. Да-да, работу она почти нашла.

И вот огромное здание из стекла и бетона, не менее впечатляющий сверкающий стилем хай-тек холл, и на неё смотрят две чванливые девицы. Но она им подходит! О чём девицы, недовольно поджав губки, ей сообщают. Как и то, что самый главный босс у них мужчина. Однако он слишком важный, чтобы заниматься подбором настолько мелких сошек, как она.

Её непосредственной начальницей станет девушка, красивая и эффектная.

Ксания улыбнулась. Смешные они, в том офисе. Такие выражения... современные. И юбки, юбки очень короткие. Всё время хотелось прикрыть глаза ладонью, чтобы не смотреть на сверкающие коленки. Что же по поводу самого главного босса, то ну и не надо. Не больно то и хотелось! Даже лучше, что её начальницей будет девушка. Легче найти общий язык. Потому что по поводу босса не уверена. Его она, кстати, умудрилась увидеть со спины. Мелькнул широченными плечами и скрылся. Всё, что она успела подумать, это то, что человек он достаточно молодой и даже сзади выглядит внушительно. И ещё умудрилась подслушать забавную сценку. Одна из секретарш, вся в ворохе бумаг, случайно врезалась в него, и босс остался дико недоволен. Что до девушки, то она смертельно побледнела.

«Простите», — пролепетала бедняжка.

А этот, который босс, ответил так:

«Моё прощение дорого стоит, я не даю его абы кому».

Ну и сноб! Невольно фыркнула. Действительно прекрасно, что непосредственной начальницей будет девушка, а не он.

Выйдя из офиса, Ксания оглянулась. На высоте нескольких этажей красовался яркий логотип компании: «Андрвис». Сколько же чудес её здесь ждёт?

Глава 2. Ты мне должен

Андриан

Давно не ругался, но сейчас использовал весь запас матерных. Цедил ругательства сквозь зубы, мечась по комнате от стенки к стенке, сжимая кулаки, пока не полегчало. Сегодня у меня неудачный день! Недаром он начался с несвойственных мне мыслей, больше похожих на сожаления. И... с Ксании. Дьявол. Эта девчонка — сущее наказание! Стоит ей мелькнуть в мыслях, как в размеренном, достойном порядке моей жизни начинается сущий кавардак. Но кто бы мог подумать, что после пробежки в парке меня ещё ждёт тяжёлый разговор с бабушкой. Бабуля, от тебя я такого не ожидал.

Сначала всё шло неплохо. Сонный особняк встретил вернувшегося меня тишиной и благополучием. Аурой обеспеченности, когда даже от стен веет достатком. На полу танцевали тёплые яркие пятна солнечных лучей, проникшие в высокие эркерные окна. Умиротворяли. Это вовремя, потому что из-за мрачных мыслей во время пробежки я нахожусь не в самом благодушном состоянии. Мягкая тишина дома разбавляется невнятным копошением на кухне. Я знаю, что там меня ждёт завтрак, приготовленный персонально для меня и сервированный на одного. Я очень ранняя пташка и после пробежки дико голоден. Для завтраков в неурочное время нанял приходящую кухарку. Иногда ору на неё, если еда кажется недостаточно вкусной, но в целом кухарка дело своё знает. И ничего, потерпит мой нрав. Я плачú. Я — хозяин.

Быстро поднимаюсь в комнату, принимаю душ, переодеваюсь, спускаюсь в столовую и ем, даже не чувствуя вкуса. Еда хороша, но я продолжаю додумывать свою линию поведения с Ксанией. Новую линию поведения. Уверен, девчонка будет удивлена. Кажется, она уже привыкла и ждёт, что я стану травить её. Так вот, милая, тебя ожидает сюрприз. А чтобы ты не приняла отсутствие травли за проявление слабости, завалю тебя настолько нудной работой, что сама убежишь. От бумажной волокиты воют и опытные сотрудники. Так что больше никаких парковок. И — упаси Бог! — объятий под дождём. Я поморщился, вспомнив, как непростительно размяк. Как пялился на девушку в прилипшей мокрой одежде, будто красивой женщины раньше не видел. Да-а, слишком двусмысленными вышли объятия. Как бы Ксания не придумала себе лишнего.

«Просто спас глупую пигалицу от машины», — встал на правильный путь мозг.

Бесшумная кухарка, заметив, что я замер над тарелкой и больше не жую, подвинула мне чашечку свежесваренного кофе. Ополовинил её одним глотком, всё так же не ощущая вкуса. С утренним кофе обычно дела обстоят лучше, особенно когда компанию мне составляет двоюродный брат Селиван, но сегодня ему в офис к десяти, поэтому брат бессовестно спит. Правда, может ещё бабушка появиться. У неё давно старческая бессонница.

— Нелли, можете быть свободны, — строгий голос той, о ком я вспомнил секунду назад раздался от дверей в столовую, и я малодушно подумал, что завтрак следует спешно сворачивать.

И бежать. Слишком уж безапелляционно звучала бабушка. А это значит, задумала разговор.

— Андриан, не уезжай в офис. Мне нужно с тобой поговорить!

Как знал. Сбежать стало поздно, и я обречённо прикрыл глаза, играя желваками на скулах. Угадываю, о чём пойдёт разговор. Последнее время бабушка насаждает на меня с

вопросом женитьбы. Этим начинаются или заканчиваются все наши совместные беседы. А я, хоть и привык отбивать нападки, удивлён настойчивостью старушки. Упорства у неё почти как у меня, сказывается фамильное родство, но что-то в этот раз конкретно прижало. Прямо идея фикс. И моя родная сестра бабушку поддерживает. Или молчит, хотя обычно меня защищала. Мысленно жалею о своём закончившемся одиночестве, а также о том, что я глава компании «Андрвис». И деловая хватка у меня как у бульдога. Будь старшим Селиван (не в плане возраста; тут мы почти ровесники), то женщины взялись бы женить его. Хотя сдаётся мне, Селиван бы не сопротивлялся. В семье он Селя, и этим всё сказано. Парня быстренько отправили бы к алтарю, а затем снова атаковали бы меня.

Бабулю слушаю, прикрыв глаза и молча скрипя зубами. Действительно угадал: речь про брак. Выдержки хватило ненадолго. Прошипев: «Что за мода вешать на всех ярмо отношений!», выскочил из дома. Лучше работать! Брак — это как просрать свою жизнь. А отношений горизонтальных, вьющихся у четырёх ножек кровати, мне и так хватает!

* * *

— Айдана, он ушёл посреди разговора!

Возмущению бабушки нет предела. Сверкая умными, совсем не по возрасту живыми глазами, она смотрит на девушку, стоящую перед ней. Девушка выглядит смущённой. Красивое платье мерцает благородными переливами дорогой ткани. На изящной руке, на пальчике кольцо с крупным бриллиантом — символ замужества. В осанке и чертах девушки яркое сходство с недавно вылетевшим из дома молодым мужчиной. Вылетел тот в лютом гневе. Саданул дверью так, что штукатурка посыпалась.

— Скажи брату, что так поступать нельзя! Он уже взрослый мужчина, а не маленький мальчик. Когда он вернётся, мы продолжим.

— Бабушка, Вы слишком давите на него, — попыталась заступиться за брата девушка. — Естественно, он сопротивляется.

— Нет, это всё его несносный характер! — негодуяще фыркнула старушка. — Но я всё равно добьюсь своего, не будь я ваша бабушка!

Девушка тоскливо вздохнула, не споря. Бабушка. Против неё не попрёшь. Особенно учитывая, что они с Андрианом сироты почти с детских лет, а бабушка растила их всю свою жизнь. Они выросли. Андриан стал кормильцем семьи, хотя был младше её, Айданы, на пять лет. Но бабушке всё равно. Она контролирует. Андриан же неоднократно предупреждал, что если бабушка добьётся цели, то его брак станет идеальным только потому, что закончится идеальным разводом. Быстро. Её младшенький ужасно упрям. Причём проявляет данную черту характера с завидным постоянством.

— Для него есть только бизнес и переговоры, — попыталась зайти с другой стороны она. — Ему некогда.

— Чушь! В прошлый раз он выгнал из дома семейство, отважившееся прийти со сватовством!

— Я помню это.

Молодая и пожилая женщины помолчали, вспоминая позорное происшествие. Скандал и шум стояли такие, что от стыда хотелось провалиться сквозь землю. Многие уважаемые семьи после него отказываются рассматривать Андриана в роли жениха. А тот и рад.

— И ведь он далеко не подарок! — в унисон выводам выдохнула бабушка. — Гневлив. Резок. Скор на выводы. Склонен рубить с плеча. Даром, что красив, как дьявол. Девушки на выданье не станут бегать за ним вечно! Но раз уж я начала, то доведу дело до конца. Сегодня Андриану не поможет то, что он сбежал. Я придумала новую стратегию. Айдана, мы не станем ждать, пока он вернётся домой! Зови водителя. Ближе к обеду поеду прямо в «Андрвис». Поговорю с внуком там.

Андриан

Не думал, что бабушка до такой степени хочет взять меня под контроль! Я мрачно уставился на старушку, которая приехала ко мне в офис, не поленилась. Теперь сидит в удобном кресле, с комфортом расположившись напротив меня, и уходить не собирается. Я же лихорадочно собираю мысли в кучу. Пытаюсь опомниться от удара.

— Выбирай, Андриан.

Бабушка коротким жестом отодвинула от себя стакан воды, который секретарь принёс ей до того, как мы начали беседу. Улыбнулась мне, лаская тёплым выражением глаз, смягчая тем самым выдвинутый недавно ультиматум. Однако я, по овладевшему мной бешенству, был склонен видеть в её улыбке не родственное тепло, а торжество победителя. Значит, высказалась, увидела, что я впал в ступор и радуется? Это вгоняло в ярость. А бабушка, будто не замечая поднимающейся во мне лавины гнева, уверенно продолжила, расшифровывая требования.

— Или ты женишься в течение месяца, — произнесла она, не сводя с меня требовательного взгляда, — или я передам управление своими акциями другому лицу. Месяц — ровно столько мне потребуется, чтобы приготовить всё необходимое для твоей свадьбы. А акции, о которых я говорю — это именные ценные бумаги, что были вложены мной в «Андрвис» девять лет назад. Вдруг ты забыл. Они до сих пор оформлены на меня, — добавила бабушка, словно я мог не понять о каких бумагах идёт речь. — Ты услышал меня, внук?

— Да, — выплюнул я.

Ещё бы не услышать! Это был жестокий удар под дых от человека, от которого не ожидал. Под пристальным взглядом родственницы я ощущал себя огнедышащим драконом, которому наступили на хвост, но который не может пыхнуть огнём в ответ, так как подпалит сам себя. Было совершенно очевидно, что бабушка всё просчитала. Готовилась. Явилась в офис во всеоружии, чтобы поставить меня в безвыходное положение. Проклятье! Как же я ненавижу, когда мной командуют!

Доля акций в компании у моей не в меру активной бабушки не так чтоб большая, но весомая. Речь о тридцати процентах ценных бумаг, вложенных ей в мой в бизнес и управление которыми она передала мне, когда я только начал строить свою империю. С тех пор бабушка ни разу не вспоминала о них, и я расслабился, считал, что так будет всегда. Непростительно расслабился. А ещё бабушка не могла не знать, что нынешняя обстановка в «Андрвис» не самая благоприятная для резких движений с моей стороны. Я не смогу просто вспылить и послать всё к чёрту, проигнорировав шантаж. Впрочем, в любом случае бы не смог. Несколько крупных контрактов, которые я получал именно благодаря своей внушительной доле капитала, маячили у меня на носу; малейшее движение в активах могло пустить их под откос, а бабушка вела себя как враг, шантажируя меня именно в этот момент. Однако минутой позже пришло осознание, что потому она и пришла. Бабуля действительно

всё просчитала, чтоб её артрит разбил! Хотя нет, артрита не надо. Навела справки, оценила ситуацию, и я ничуть не сомневаюсь, что заявленную угрозу она выполнит. Шах и мат, Андриан! Тем не менее, выбрасывать белый флаг и соглашаться на требования не хотелось.

— И кому же? — холодно поинтересовался под пристальным взглядом родственницы, тогда как внутри всё клокотало подобно вулкану.

— Джеймсу Келлеру.

Бабушка назвала имя давнего конкурента «Андрвис», и я мысленно зарычал. Только этого пройдохи тут не хватало! Келлер давно облизывался на мою фирму. Спал и видел, как бы пролезть внутрь. И, попади такому акции, станет плохо. Нет, моя империя не рухнет, но её устойчивость сильно пошатнётся. Не говоря уже о том, что я просто не вынесу Келлера рядом. Пока есть я, «Андрвис» только моя.

— Не смотри на меня так, — почти извиняющимся тоном проговорила бабушка, капельку стусевавшись под моим кипящим взором. — Я не шучу. Джеймс с удовольствием войдёт в управляющий совет.

Нисколько не сомневаюсь! Но как же это не вовремя. Мысленно я рвал и метал. Очень хотелось вскочить и разнести кабинет в щепки, однако чувство благоразумия победило. Нарочито медленно я откинулся на спинку рабочего кресла, до боли вцепляясь в подлокотники. Быстро просчитал самый негативный вариант развития событий. Ну, очень негативный. Налился ещё бóльшей яростью.

Мириться с присутствием конкурента и шпиона под боком в любом случае не стоило, а это значит... Я зло выдохнул. Жениться, значит.

— Бабушка, Вы ведь понимаете, что это нечестный ход? — на всякий случай заявил я, пытаюсь воззвать к голосу её совести. — Это абсолютно не вовремя. У меня крупный контракт на носу. Поставщики, которые щепетильно относятся к лишней запятой в документах, а тут управляющий состав внезапно расширится. Я людей подгоняю, чтобы этот контракт состоялся, а тут Вы со своим воспитательным демаршем!

— Это не воспитательный демарш, Андриан. Это мольба пожилой женщины к внуку, который давно не прислушивается к обычным словам, — парировала старушка. — Очень настойчивая просьба. Мне уже не пятьдесят и даже не шестьдесят лет. У меня нет в запасе нескольких десятилетий, как у тебя, и я не могу ждать, когда ты, наконец, осчастливишь меня правнуками. Время работает против меня. Я знаю, что сыграла нечестно, но я отчаялась ждать. Поэтому месяц, внук. Я даже даю тебе возможность выбрать невесту самостоятельно. Но если не справишься, то у меня есть альбом с фотографиями девушек в брачном возрасте. Все красавицы. От них будут прекрасные детки.

— Даниэлла, это возмутительно! — от негодования назвал бабушку по имени, как когда-то в подростковом возрасте, когда не хотел признавать себя сиротой. От безумия ситуации слова вообще с трудом подбираются. — Прекрасные детки?! Вы словно жеребца меня скрещиваете!

— Не воспринимай так трагично.

— А альбом с фотографиями? Как в средние века, право. По портрету! Махровая дичь!

— Так я не настаиваю, — глаза бабушки сверкнули лукавством. — Найди невесту сам. Я сказала: фотографии — если не справишься.

Взявшись за переносицу, с усилием её тру.

— Бабушка!

— Андриан. — Моя родственница свела на переносице идеально ровные,

подкрашенные серым, в тон благородной седине, брови. — Не думай, что я отступлю. Это для твоей же пользы.

Как же. Мой мозг лихорадочно ищет выход. Всё во мне кричит и вопит. Требуется разобраться кардинально, жёстко, как я привык. Но если отринуть эмоции... Это для меня бабушка повела себя как враг. Её требование похоже на тотальный контроль, издёвку, манипуляторство, ведь я всегда очень щепетильно отношусь ко всему, что мешает моей свободе, а для неё это лишь давнее, ставшее идеей-фикс желание. И ба идёт к нему кратчайшим путём. Как бизнесмен я её даже понимаю. Акции — единственный способ влиять на меня.

Тем временем в кабинет заглядывает адвокат, видит моё зверское лицо и, приседая от страха, семенит к столу. Кладёт на матовую поверхность листок, заполненный убористым текстом. Боится поднять на меня взгляд (ему не жить, я запомнил его!), разворачивается и стремительно выскакивает за дверь.

— Что это? — убийственным тоном спрашиваю я, хотя заранее знаю ответ.

Требования бабушки, заверенные официально, разумеется. Повторяю догадку вслух, и бабушка кивает, подтверждая.

— Для того, чтобы у тебя не было искушения пойти на попятный. Или придумать что-нибудь ещё, дорогой внук. Андриан, — ба пытается говорить мягко. — Ты далеко не подарок. — (Тут я скептически хмыкаю) — Не каждая девушка согласится пойти за тебя замуж, тем более бóльшую часть невест ты успешно распугал. — (Тут согласен: старался. Славу себе создал соответствующую) — Тебе придётся потрудиться, чтобы найти жену. Тем более есть ещё одно обязательное условие, прописанное в контракте, и я его оглашу. Девушка, которую ты выберешь, непременно должна быть скромной. Консервативных семейных принципов. Уж постарайся.

— Что за?! — вскричал я, так как успел слегка примириться с ситуацией. Начал перебирать в памяти кандидатов, с кем брак был бы лёгок и необременителен. Без обязательств, как говорится. Современные девушки всегда за мной толпой бегали. Деньги и слава являлись отличным стимулирующим средством, не только мой внешний вид. Но вот скромницы... Что с ними делать-то?!

Бабушка усмехнулась, правильно расшифровав выражение моего лица.

— Именно, Андриан. Выбирай или выберу я. Но я в любом случае прослежу, чтобы это оказалась не вертихвостка Ирма Торрес.

Забыв о злости, я изумлённо вздёрнул бровь. Ирма тут причём? Хотя понятно. Должно быть, оказавшись в офисе, бабушка вдоволь насмотрелась на сверкающие коленки здешних сотрудниц. Те искренно считали, что короткое платье есть непрменный атрибут следования моде. А уж моя фигуристая Ирма вообще отличалась среди них ультра-мини. Надеюсь, она не столкнулась с ба в коридоре. И всё же удивительно, откуда информация. Я подумал о людях, которые могли донести бабушке про мою... э-э... скажем, секретаршу. Официально Ирма управляла отделом маркетинга и прогнозирования. Прогнозист из неё был отвратительный, зато фигура роскошная. И в постели хороша.

Значит, бабушке доносят. Логично. Она готовилась задолго. Навела справки о контрактах, выведала имя той, что время от времени согревает мне постель... Плевать. Отношения с Ирмой в любом случае ничего не значили для меня. Жениться на ней я никогда не собирался, о чём честно сообщил фигуристой красотке в самом начале знакомства. Едва оно наметило переход в горизонтальную плоскость. Однако отчитываться перед бабушкой о

своей личной жизни не хочу. Подавив законное желание заступиться за женщину, с которой приватно провожу время, я холодно воззрился на родственницу:

— Я обдумваю варианты.

— Скромные. — Старушка сурово сжимает губы. Она не собирается отступить. А я зло цежу, так как и без того с трудом сдерживаю ярость в узде.

— Сразу понял. Не нужно повторять дважды!

Мой проигрыш отвратителен сам по себе и, кажется, бабушка это понимает. Вздохнув, она выходит из кабинета, а я позволяю себе разразиться глухими ругательствами. Дьявол! Я яростно негодую! И в то же время понимаю, что мне пора начинать действовать. Итак, задача номер один: нужно срочно найти невесту. Скромную!

Глава 3. Предложение, от которого нельзя отказаться

Ксения

То, что босс перестал донимать меня придирками, ничего не меняет. Начал он прямо с нынешнего утра, но легче не стало. Придуманное взамен придирок задание — ссылка в архив — угнетает меня не меньше, чем работа на парковке в дождь. Хотя то, что босс огласил задание через секретаря, а не лично, сильно упростило дело. Не хочу его видеть! Но в остальном... Ох!

Я жалко мнусь в своём новом обиталище, неуверенно поглядывая по сторонам. Объём работы такой, что впору повеситься прямо тут. И главное, не по профилю! Я ему уборщица?! Ладно, допустим, я не гордая и уберусь. Но сомневаюсь, что это вообще кому-нибудь надо.

Передо мной пыльная комнатка размером два на три, с окном посередине. С крашеными стенами и серым потолком, не привлекающим внимания. Комната полна пустых, пыльных стеллажей, и стоят они вдоль незанятых окном стен, а также в два ряда посередине. Между ними же в царственном беспорядке свалены на пол кучи папок с нужным компании содержимым. Секретарь сказала, что внутри информация о прошлых коллекциях и фотографии с показов. У компании «Андрвис» обширная сфера деятельности. Фирма занимается логистикой, а ещё у неё есть приличное модное отделение, куда так стремятся попасть работать девушки в мини. Все валяющиеся на полу папки красивые, гляцевые, с верёвочками, не дающими вывалиться содержимому. Где-то они лежат стопочками, видимо кто-то когда-то пытался сортировать по порядку, но большей частью свалены бессистемно. Да так, будто задачей бросающего было закрыть максимальную часть пола. Вздыхаю. Моя работа — систематизировать эту «красоту». Расставить папки по полкам в хронологическом порядке, ориентируясь на дату коллекции. Затем составить нечто вроде каталога. Мне заранее себя жалко. Приказ сурового босса прост: Ксения Милан не выходит, пока не закончит.

Шмыгнув носом, стараюсь сосредоточиться и сообразить, за что хвататься. Вот кому, кому это надо? Кому вообще может потребоваться журнальный хлам, да ещё его систематизация?! Не могу отделаться от мысли, что так Андриан — кстати, его фамилия Алмазов, очень этому типу подходит! — мстит мне, просто по-другому. Чтоб ему икалось три дня и три ночи. После парковки убрал с глаз долой, лишь бы под ногами не путалась. В памяти так некстати всплывает шелест дождя, ощущение рельефной мужской груди, к которой я на мгновение оказалась прижата и крепких рук, обхватывающих за талию. Мой дьявольский босс... В тот вечер я как-то впервые увидела, что он красив. Горяч даже под дождём. Капли, текущие по его лицу и щекам... Он ведь такой весь из себя... Мужчина. Ксения потрясла головой, прогоняя видение. Хватит! Не время предаваться воспоминаниям. Если не выполнит задание, состарится тут. Вот демон будет рад! Демоном она стала звать босса после случая на парковке. А ещё Зазнайкой, только гораздо раньше.

Говоря о прозвищах, стоит упомянуть, что за глаза Андриана Алмазова в компании называют Русским Алмазом. Алмазом понятно почему. Потому что твёрдый и негибкий. А русским, так как по слухам его семья — выходцы из России. Хотя от славянских корней уже давно только фамилия осталась. Последние поколения Алмазовых чистокровные

Бостонцы. О своём прозвище главное чудовище «Андрвиса» вроде как знает, но не протестует. И, конечно, в лицо его так никто не зовёт; здоровье берегут. Ужасно авторитарный, совершенно несоциализированный тип может и в лоб дать. Судя по крепости рук, что её обнимали, с физическими данными у Русского Алмаза всё в полном порядке. Тьфу, опять она об этом!

— Прости, Господи! — тихим голосом прошептала я, сложив ладошки вместе. — Больше не буду о нём, правда-правда!

Поднявшаяся пыль щекочет нос, и я громко чихаю. Спасите! Тут так пыльно, душно и тихо, что начинаю медленно сходиться с ума. Ненавижу тишину! Даже не верится, что за дверью полный офис сотрудников. Гомон голосов, трели телефонов и вообще — жизнь. В этой камерке как на каторге. Подбежав к двери, я слегка приоткрыла её и успокоилась, увидев вечное оживление. Фух, так лучше. Нет больше чувства, что я одна-одинёшенька на белом свете. И хорошо, что в месте моего заточения окно есть. После тишины больше всего на свете я боюсь замкнутых помещений. И первое, что сделала, войдя сюда — это открыла окно.

Но не время комплексовать. Оставив дверь приоткрытой, я рьяно взялась за дело. Если алмазный Зазнайка рассчитывал, что я здесь умру, утонув в завале документов, то он сильно ошибся! Не дожждётся! Не будет демон торжествовать. Он ещё увидит, как я выйду отсюда с гордо поднятой головой, разобравшись со всеми папками! И если он думал, что от этого задания я взбешусь и сама уволюсь, то он тоже просчитался. У-у, гонитель невинных! Надо обязательно стрясти с него за услуги уборщицы, потому что так-то ей только папочки поручили. Но не шлёпать же их на пыльные полки.

Воинственно осмотрев фронт работ, я сняла с рук браслеты один за другим — их сегодня одела по шесть на каждую, чтобы звякали, и сбегала за водой с тряпками. С большим удовольствием избавилась от серых залежей на одном из стеллажей, и распахнула первую папку. Вот тут-то и выяснилось основное коварство, о котором Зазнайка-Алмаз, чтоб ему треснуть, ни слова не упомянул. Внутри папки не были подписаны, не пронумерованы, не помечены. У них не имелось никаких опознавательных знаков от слова совсем. Как понять, к какому году материалы относятся? Возможно, Андриан Алмазов помнит всё происходящее в собственной компании наизусть, но я-то не он! Он сгноить её тут решил, точно. Я яростно пнула ногой одну из стопок, разваливая её окончательно. Может, сбежать отсюда в окно, пока никто не видит?

Между тем внутри папок красочные фотографии нарядов с показов мод. Их устраивал тот самый отдел, куда стремятся девушки в «Андрвис». Ещё документы. У меня мелькнула разумная мысль сбежать в тот отдел за помощью. Привести кого-нибудь, кто в курсе. Но сразу возникло два вывода. Босс наверняка дал указания никому мне не помогать, так что не стоит подставлять людей просьбой. А ещё она в компании без года неделя. Даже если указаний не помогать не было, никто не отзовется. Лодырничать в «Андрвис» Зазнайка не давал никому, и у каждого тут собственной работы завал. Остался самый тернистый путь. Вооружившись карандашом, я принялась ворошить документы и глянцевого фото, выискивая среди текста даты. Это долго. Как же это долго! Но ничего, прорвусь! Итак, найти дату, написать её на стикере, поставить папку на чистый стеллаж...

Незаметно я нырнула в мир волшебства и дивных нарядов. Эти платья, накидки, костюмы — они невероятно женственны и чудо как хороши! Почти сказочны. Даже не верится, что подобная красота создана под руководством сухаря Алмазова! Ведь он... тиран.

А наряды невесомые; нежные, как цветы! Летящие, воздушные. Выполненные с непередаваемым вкусом. Создать такие может лишь человек с чувствующей душой.

— Не преувеличивай, Ксания, — зашептала я сама себе. — Без чудес и лирики. У демона целый штат подчинённых. Дизайнеры там всякие, модельеры. Сам лично он ничего не создаёт, только выносит вердикт.

Голос совести царапает, что вердикт тоже нужно выносить с умом. Для этого требуется вкус и душа в тандеме с коммерческой чуйкой. Но я с голосом борюсь и побеждаю. А вот битву с нарядами проигрываю. Буквально проваливаюсь в параллельную реальность красок и стиля. Забываю о настоящем.

— ...В чём ценность твоего труда для компании? — резкий вопрос, заданный незнакомым голосом, привёл меня в чувство.

С трудом разогнув затёкшую спину, я вынырнула из грёз, и заморгала, прислушиваясь. Вопрос задан не мне. Голос доносится из приоткрытой двери с ресепшена, но в нём звучат настолько властные, требовательные нотки, что я машинально бросила взгляд на собственное наработанное. Действительно, в чём ценность? Сделать я успела немало. Разобранные и подписанные папки стоят на стеллаже длинной вереницей, однако всё равно смотрятся жалко. Куда больше впечатляет кавардак на полу. Трудиться мне ещё и трудиться! А потом стало остро любопытно, кого это так отчитывают. Кто вообще, кроме главного демона, имеет право распекать сотрудников «Андрвис»?

Крадучись, я подошла к двери и выглянула в щёлочку. Неизвестная женщина стоит ко мне спиной. У неё величественная осанка, статная фигура, седые волосы, уложенные в элегантный пучок, и весьма эффектный наряд, выглядящий дорого даже со спины. Перед женщиной в напряжённой позе Ирма Торрес. Та самая красивая девушка, под крыло которой её, Ксанию, вроде как взяли. А по факту она стала девочкой для битья у главного босса. Ирма — высокая, фигуристая черноволосая красотка с пухлыми губами. Эффектная и уверенная в себе. Обычно за словом в карман не лезет, а тут растерялась, мнётся. Вопрос поставил её в тупик. И ещё Ирма тянет, тянет по ногам вниз короткую юбку, безуспешно одёргивая синее платье. У платья к тому же одно плечо обнажено. И седой женщине это явно не нравится.

«Даниэлла. Даниэлла Алмазова», — несутся шепотки.

Кто это? Мать Андриана? Нет, слишком пожилая. Скорее бабушка.

Да-а... Строга. А вообще: полный восторг! Это же надо чванливую Ирму одним взглядом построить?! От восхищения почти не дышу. Торрес — тоже зазнайка. От неё ей, Ксании, достаётся не меньше, чем от босса. Но по сравнению с Андрианом Ирма сильно глупее, поэтому издёвки у неё грубые, без фантазии. А вот нагрянувшая гостья определённо умна. Распекает так, что и возразить нечего.

Суровая бабушка стала медленно поворачиваться, и я поспешно отскочила от двери, чтобы не попасться. Но женщину разглядеть успела. Подкрашенные, грамотно оттеняющие благородную седину волосы, классически правильные черты лица. Раздражённо поджатые губы. От сходства кое с кем хочется зажмуриться. И манера поведения такая же. Почесав зазудевший от любопытства нос, я заставила себя вернуться к папкам. Но дело больше не идёт. Я всё время прислушиваюсь к тому, что творится за дверью, а желудок настойчиво напоминает о подпирающем обеденном времени. Ещё пить хочется... Всё, не могу здесь больше сидеть! Суровый босс, может, и приказал работать до упора, но не умирать же мне тут! В конце концов Андриан Алмазов под дверью меня не караулит, у него есть дела

поважнее. Осторожно высунув нос из архива, я убедилась, что так и есть. Седая гостья тоже уехала. А водичка в кулере такая соблазнительная! Манит меня. И кулер рядом с кафе. Дрожащие ноги сами несут меня туда, словно заговорённые. И лишь в последний миг соображаю одеть браслеты и взять с собой пару папок. Вроде как по делам иду, не просто так бегаю. Это для прикрытия. Вдруг злобной Ирме на глаза попадусь!

Анриан

Дзинь... Дзинь... Мелодичный звон привлёк внимание. Что это? Браслеты? Подобные звуки настолько редкое явление в моём офисе, что на секунду замираю и вслушиваюсь, не веря ушам своим. Я точно слышу или мне мерещится? Озадаченный мозг настолько перегружен поисками «невесты», что не сразу соображаю, что звон действительно реален. Последний час я перебираю в памяти всех знакомых женского пола. Примеряю на роль будущей супруги и раздосадован: они все не подходят. Так или иначе, но известные мне девушки не попадают в категорию «скромные». Ирма отпала сразу. И не потому, что бабушка высказалась против неё так категорично. Сам забраковал. Если отбросить потрясающую сексуальность Торрес и аппетитные изгибы её фигуры, то в ней не оставалось ни единого качества, которое могло бы меня привлечь как мужа. Сам удивлён. Скромность? Только не у Ирмы. Почтительность и понимание, так приветствующиеся в семье Алмазовых? Я вас умоляю. Любовь к детям? Торрес их терпеть не может, предпочитая жить для себя и развлекаться на полную катушку. Прекрасное качество для весёлой любовницы, но никакое для жены. В общем, сам потрясён, насколько в «моей» девушке мало того, что требуется для брака. Что я тоже хотел бы видеть в своей супруге. Впрочем, я ни разу не анализировал Торрес с точки зрения создания семьи. А теперь размышляю, почему вообще обратил на неё внимание. Кстати, надо сказать ей, что у нас всё кончено.

Задумчиво постукивая карандашом по бумаге, я тем же подходом проанализировал ещё парочку бывших. Нет. Затем переключился на их подруг, с которыми так или иначе общался и которые в большом разнообразии маячили в моём окружении. Тоже нет. Начал испытывать раздражение. И заводился. Это просто вызов какой-то! И что же получается: из массы знакомых девушек нет ни одной подходящей на роль жены? Полная печаль. Но соглашаться на кандидаток из альбома бабушки не хочу. Тогда выйдет позорный провал. Крушение всего, за что я так или иначе боролся. Не могу подобное допустить, ведь согласие на брак УЖЕ огромная уступка бабушке. Жену я обязан выбрать сам! А факт женитьбы спишу как вынужденную меру в угоду собственному самолюбию.

В голову пришла мысль позвонить в соответствующее агентство и заказать жену. Пусть будет экстрим: женюсь на той, которую ни разу не видел! Но остановила мысль о бабушке. Велика вероятность нарваться на одну её кандидаток. Откуда она набрала невест? Часть по знакомым, а другая часть? Брачные агентства, разумеется. Кстати, надо бы разочаровать старушку. Кто составляет анкеты девушкам в брачных агентствах? То-то же!

Дзинь... Дзинь... До меня дошло, что звон браслетов я слышу на самом деле. Подскочил на месте. Оглядываюсь, благо прозрачные стены кабинета позволяют видеть происходящее практически во всём офисе. И получаю удар под дых: Ксения! Это она источник звука. Худенькая девчонка крадёт по коридору лёгким шагом и каждое её движение полно изящества. Подмышкой пигалицы зажаты папки, а я судорожно соображаю зачем. Ах да, я же утром сослал её... Куда я её там сослал? В архив.

Озираю преступницу с головы до ног. Ужасное консервативное платье, скромная причёска... Просто коса. Густая, да. Волосы роскошные. Но она ПРОСТО. Без малейшего

намёка на знакомство с салонами красоты. Смотреть не на что. Память тела, правда, ярко напоминает сколь приятные выпуклости я ощутил у девушки под дождём.

«Скромная, скромная!» — радостно скандируют мысли, игнорируя то, что я вроде как должен злиться. Приказал же девчонке сидеть в архиве! Сказал, что не хочу её больше видеть. Однако от малышки глаз не оторвать. Воровато оглядываясь, она, боясь, что её застукают, прижимает рукавами звякающие браслеты. Звук пропадает. Теперь Ксания крадётся совершенно бесшумно, а я невольно усмехаюсь. Поздно, милая, я уже всё услышал. Страшный Андриан Алмазов давно смотрит на тебя. И прежде чем успеваю додумать мысль, распахиваю стеклянную перегородку:

— Ксания Милан! — рывкаю на весь коридор. — Зайди ко мне в кабинет!

Ксания

О-о, и зачем я только вышла из архива! Когда раздался резкий требовательный рык Демона, я чуть не подпрыгнула. Орнул так, что мурашки по коже. Под коленями возникло чувство слабости, и на подкашивающихся ногах я поплелась на зов. Попутно смотрела на Алмазова, впиваясь в широкоплечую фигуру взглядом. Высокий, статный, черноволосый. Лицо волевое, губы твёрдо сжаты... Не дал досмотреть. И мне показалось, или его глаза похожи на грозное небо? Что-то задумал. Самое время молиться, чтобы не наказал ещё больше. Но как тут молиться, когда душа от страха покрывается корочкой льда? Ох, глупая! Хорошо же было в архиве, зачем вышла? Пыль, полки, папки и ни души рядом. Особенно босса.

Судорожно прижимаю к груди захваченные с собой документы. Что придумать? Как оправдаться? Может, сказать, что пришла в искренний восторг коллекциями и шла в отдел мод выразить восхищение? Нет, не прокатит. Кто я такая, чтобы дизайнерам коллекции одобрять. Сказать, что не нашла даты среди конкретных фотографий? А вот это похоже на правду. Теперь ищу, кто бы подсказал. Надеюсь, сам босс не вызовется. Папки я схватила не глядя. А ну как открою при нём, а даты там на самом видном месте проставлены. Только дурочкой и лгунишкой себя выставлю.

Однако действительность превзошла все мои мрачные ожидания.

Нехотя перешагнув порог, я оказалась в кабинете. Босс выглядит... странно. Сидит и смотрит на меня, будто овощи на рынке выбирает. Уставился фирменным пронзительным взором. А по столу задумчиво катает маленький, поблёскивающий ребристыми гранями шарик. Мне же почему-то глаз не оторвать от размеренных движений длинных красивых пальцев. Тело окатывает жаркой волной, я сглатываю и поспешно отворачиваюсь. Осматриваю кабинет, чтобы отвлечься.

Андриан

А девчонка-то боится меня до дрожи! С удовольствием вспоминаю момент, как она присела от моего рыка в коридоре, округлив золотистые, маняще-непокорные очи. Это хорошо. И неудивительно, учитывая наши прежние столкновения. А также весьма кстати, если принять во внимание роль, которую я ей уготовил. Будет слушаться. Должна же она хоть чему-то научиться после наших стычек! Выучить мой характер. Сердце греет мысль, что я всё-таки нашёл.

Ксания нервничает, переминается с ноги на ногу, а я не могу удержаться от искушения и рассматриваю её дотошно. Оцениваю внешние качества. Внутренние, увы, пока оценить не

могу. Займусь этим позже. Хотя в большинстве случаев внешнее есть отражение внутреннего, верно? Есть люди, которые ловко могут притворяться. Вводят внешним видом в заблуждение, показывая то, чем не являются на самом деле, но я уверен, Ксания не из их числа. Так что это жуткое платье и коса есть показатели такой же внутренней скромности. Ура. Как заказывали. Радостно ухмыляюсь. Из любопытства представляю девушку в другой, более презентабельной одежде и мысленно ахаю. А она изумительна! Перед внутренним взором образ, слепленный на мой лад. Современное платье на такой стройной фигурке, ммм... Да я счастливчик!

Девушка по-прежнему обмирает от страха, и я командую:

— Повернись.

Находясь в шоковом состоянии, она крутится вокруг своей оси, мелко переступая с ножки на ножку. Озирается. Хоть и напугана, и в движениях чувствуется неуверенность, жесты изящества не утратили.

— Стой.

Девушка останавливается, прижимает папки к груди, как защиту.

— Документы отложи.

В золотистых глазах появляется выражение шока. А у меня в крови начинает бурлить азарт. Девчонка-то, правда, хороша! Я бы женился на ней, даже если бы её фигура была далека от идеала. Но ведь я уже видел её... мокрой. Прекрасно представляю, как сложенá. Усилием воли подавляю воспоминание об упругой девичьей груди, которую прочувствовал, когда выдёргивал Ксанию с траектории движения машины. Несмотря на хрупкость, красавица сложенá весьма женственно, так что меня ожидают очень увлекательные ночи. С блаженством представляю, как буду познавать её... Так, Андриан, стоп! Как-то ты слишком увлёкся ролью будущего мужа. В любом случае это будет договорной брак, и с пигалицей ты заключишь контракт. Не хочу, чтобы, когда подойдёт время к разводу (а оно подойдёт!) девчонка оттяпала у тебя половину состояния. Такие миленькие и глазастенькие как раз самыми опасными по итогу оказываются. Но я это предусмотрю.

«А вообще заделаю ей ребёночка, — думаю тут же. — Будет сидеть дома и заниматься хозяйством. Могу даже отдельный от семьи дом купить. В районе, где экология получше. И все женщины семьи будут довольны. Все при деле».

Прищурившись, снова озираю девчонку. Сам не заметил, как поднялся с места и приблизился к ней, дополнительно обозревая. Краснеет, бледнеет... Оу, да что с ней такое? Оказывается, от близости женщины я машинально начал раздеваться и сейчас как раз расстёгиваю пиджак, плавно освобождая из петель пуговицу за пуговицей. Глаза девушки следят за моими пальцами заворожённо и медленно округляются. Забавно, о чём она думает? Нарочно стал раздеваться ещё медленней. Стянул пиджак с плеч и, не торопясь, положил его на спинку кресла. Глаза Ксании стали совершенно огромными. Золотистый взгляд обжёг мою грудь. Я усмехнулся. Значит, не такая уж она наивная. Подоплёку раздеваний мужчины понимает.

Ксания

Он сумасшедший! Эти приказы... О чём Андриан думает? И смотрит так, что мурашки по коже. Но это ещё не всё. Демон приближается, окутывая мужской аурой силы. И он... Он раздевается! Я ёжусь, пытаюсь отодвинуться от него хоть на шаг.

— Ч-что-то случилось, мистер Алмазов? — жалко лепечу, пытаюсь не показать, как мне

страшно.

Одновременно поправляю сползший с плеча ворот. И сплываю, когда карий взгляд отслеживает моё движение. Жарко. Гóлодно. Словно кипятком облил. По крайней мере, ощущение именно такое. Даже мурашки появились. И голос у меня под стать: хриплый.

— Случилось, — кивает босс.

И ухмылка у него такая довольная! Хвала Богам, от меня отошёл. Стоит чуть в стороне, засунув руки в карманы, и смотрит с непередаваемым выражением.

— Я тебе должен кое-что сообщить.

Я незаметно выдохнула, радуясь относительной свободе. Когда он рядом, кислород в груди как-то резко кончается.

— Вы? Мне? — голос по-прежнему звучит сипло.

— Представь себе.

— И... Что?

На всякий случай продолжаю пятиться, готовая в любой момент дать из кабинета начальства дёру. Алмазов молчит. Чувство, будто окончательные подсчёты делает, после которых хода назад уже не будет.

— Мы женимся, — наконец, отрывисто выдаёт он. — Точнее, ты выходишь за меня замуж. Отказа не принимаю.

Ксения

«Отказа не принимаю!»

Меня согнуло пополам, и я закашлялась, подавившись вдруг ставшим очень густым воздухом. И кашляла до потемнения в глазах. Очнулась, когда под носом оказался стакан с водой. Схватила, не замечая, что при этом коснулась пальцев Андриана, и одним махом выдула половину.

— Полегчало? — холодный голос начальника звучал совсем рядом.

— Да. Нет. — Не могу выбрать одно из двух очевидных ответов. Оба звучат как-то двусмысленно. По-всякому перевернуть можно. — Я, наверное, неправильно расслышала, — просипела я, и карие глаза мужчины потемнели. — Не могли бы Вы повторить?

Алмазов повторяет, и на меня внезапно накатывает темнота.

Андриан

«Мы женимся», — сказал я, а эта пигалица пискнула и упала в обморок.

Н-да, не так я себе представлял реакцию на своё предложение! Но ничего, главное с самим предложением разобрались, осталось разобраться с самочувствием будущей супруги. Подхватил девушку на руки, изумляясь какая она лёгонькая, и отнёс на диван. На нём она сможет спокойно прийти в себя. На диване я бы её и оставил, если б не разлившаяся по лицу пигалицы бледность. Она волновала до глубины души.

— Ксения! Ксения! — начал звать, легонько встряхивая малявку за плечи.

Совершенно неподвижна. Неужели я настолько страшен, что невеста так глубоко отключилась? В том, что Ксения не притворяется, не сомневался. Слишком расслаблено тело, слишком безвольны руки. А я прекрасно помнил упругость девичьего стана, когда строптивца в сознании. В рвении привести девушку в чувства, я едва замечал столпившихся возле кабинета сотрудников и их вытянутые лица. Дал им повод для сплетен. Сейчас побегут рассказывать остальным. Прозрачные стены моего обиталища теперь скорее минус, чем плюс, но зрителей я игнорирую. Мне жизненно важно привести в чувства Ксанию. И получить ответ, чёрт возьми!

Ксения

— Ксения! — взволнованный голос зовёт меня.

Интонации звучат нервно и меня вроде как встряхивают. За плечи, деликатно. Крепкие ладони поддерживают спину, и я даже замутнённым сознанием понимаю, что это великий и ужасный босс «Андрвис». Тем не менее, он тактичен. Мужские руки не позволяют себе лишнего. Хотя пальцы время от времени касаются плеч там, где сползает ворот и дотрагиваются до обнажённой кожи. Когда я в панике распахиваю глаза, на меня взирают карие омуты глаз босса, и в них светится тревога. Ох. При падении я, должно быть, ударила головой! Андриан Алмазов не способен испытывать тревогу за какую-то там сотрудницу. Подумаешь, в обморок грохнулась. Но тем не менее. Ещё не до конца придя в себя, задумчиво скольжу взглядом по мужскому лицу. У Андриана притягивающие взор черты. Высокие скулы, красивый излом бровей, чётко очерченные губы. Тоже красивого рисунка, но сейчас нервно сжатые. Короткая щетина на щеках делает образ горячим.

Алмазов молчит. Не говорит ни слова, отслеживает мой взгляд.

«А ведь его глаза действительно похожи на грозное небо», — думаю я, утопая в их глубине. И тут же, опомнившись, отвожу взгляд в сторону. С ума сошла, раз такие вещи в голову лезут! Осторожно касаюсь виска и морщусь.

— Очнулась? — сухо вато резюмирует Андриан и, отпустив меня, шагает к своему столу. Скосив глаза, вижу, как он выдвигает ящик, шуршит блистером, а затем возвращается ко мне, протягивая таблетку. — Держи. Это от головной боли.

Таблетку я машинально беру, и у меня перед носом вторично оказывается стакан с водой. Тоже беру. И только на половине этого действия приходит на ум, что голова у меня болит как раз от него! И не от боли мне таблетка нужна, а от настырного Демона. Откуда только он такой на мою голову свалился! Упрямый. Это от него у меня в висках шумит и стучит. Замуж предложил... Я судорожно дёргаюсь. Запоздало думаю, что нужно было не принимать от него воду, а в лицо стакан ему выплеснуть. Но теперь уже поздно. Сообразив, что продолжаю полулежать перед ним, пытаюсь подняться.

Алмазов любезно подаёт мне руку, но тут уж я отыгрываюсь, игнорирую ладонь, словно её нет вовсе. Чёрные брови Демона грозно сдвигаются на переносице, а на скулах проступают желваки. Ничего, переживёт! И он действительно смолчал. А когда я поднялась, вздёрнул подбородок и с вызовом смерил меня взглядом:

— Что ответишь на предложение? Вижу, оно тебя потрясло, — всё так же сухо произнёс он. — В обморок ты грохнулась не иначе как от радости. Сейчас обговорим детали и назначим день свадьбы. Ещё нужно представить тебя семье. Ресторан, меню и прочую ерунду по организации беру на себя. Церемония будет в моём доме.

Он так самоуверен!

— Нет! — взвизгнула я, до глубины души шокированная его наглостью. Всё моё только что обретенное спокойствие разлетелось вдребезги. — С чего Вы взяли, что я согласна?

— А с чего тебе отказываться? — искренно изумился Алмазов. — Ладно, церемонию мы можем распределить между домами. Чтобы никому не обидно было.

Ты смотри, какой предупредительный! Никогда бы не подумала, глядя на эту самоуверенную физиономию! Очень самонадеян.

«Должно быть, у него хорошая семья», — мелькнуло в голове, хотя сама мысль о том, что у такого как Алмазов есть родные, кажется крамольной. Бабушки там, братья, сёстры...

— Я не хочу выходить замуж! — выдаю быстро-быстро, пока он не начал говорить что-то ещё, столь же возмутительное. Прикусить себе язык за честную болтливость не успеваю, и вырывается откровенное: — Тем более за Вас! С какой стати Вы вообще возжелали на мне жениться?

Андриан поперхнулся. Судя по пунцовым пятнам на щеках — мужчина шокирован. Значит стакан с водой, который до сих пор маячит в поле зрения, нужнее ему.

— В-вот... — заикнувшись, протягиваю стакан Демону. — П-простите.

Я, правда, не знаю, зачем так резко сказала! Но он... А я... И вообще, зачем ему правда приспичило жениться? Но мне лучше не знать. Какая разница!

Чёрные брови начальника вновь сходятся на переносице, глаза метают молнии.

— Может... выберете другую? — жалобно предлагаю я и прикусываю нижнюю губу, чтобы ещё чего лишнего не сболтнуть.

Андриан

— Я уже выбрал.

Зло цежу слова сквозь зубы, вне себя от ярости. Эта... пигалица смеет отказывать мне?! По смущённому румянцу на лице вижу, что она не шутит. Замуж действительно не хочет. А должна быть счастлива тем, что ей предлагают. Я предлагаю! И смотрит ведь так жалобно. Подавляю в себе хищные инстинкты, которые зовут забросить миниатюрную женщину на плечо и немедленно отволочь к алтарю. Как она смеет сопротивляться? И всё же, выдохнув, стараясь не смотреть на прикусываемую губку, холодно интересуюсь:

— Почему? Почему не хочешь?

Впиваюсь в неё взглядом.

— И Вы ещё спрашиваете?! — девчонка экспрессивно взмахивает руками.

Хорошо, стакан с водой успел отобрать, а то бы окатила, забывшись.

— Вы забыли сколько неприятностей мне причинили? Вы тот, кто тиранит меня день за днём с самой первой минуты моей работы здесь. Из-за Вас я под машину чуть не попала! Вы...

— Дело прошлое, — прервал я, небрежно отмахнувшись. Так, с причинами разобрались. — Не вижу, как это может помешать нам в дальнейшем.

Ксения выпучила на меня глаза, начиная медленно пятиться к двери. Я прищурился: сбежать задумала? Не дам, пока не согласится. Хотя по шокированному выражению её глаз мне кажется, что она всерьёз начинает считать меня сумасшедшим. Ну, нет, дорогуша, со мной всё в порядке. Просто ты мотивов моих не знаешь.

— А как же любовь? — тем временем тянет девушка и на её лице появляется мечтательное выражение. — Как быть с тем, что люди обязательно должны жениться по любви? Это же на всю жизнь.

— Брак по любви — это стратегическая глупость.

— Что?!

Ксения

Его прямолинейность выбивает из колеи. Так же, как и прагматичный подход. Я задыхаюсь. Понятно, что в выдвинутом предложении о браке речи нет о любви и нежности, но всё равно обидно. О них мечтает всякая девушка. А Демон отринул с порога. Брак — это же на всю жизнь! Но для Алмазова такое не аргумент.

— Я... Я работать хочу! — придумываю на ходу.

— Ты не умеешь, — жёстко парирует он. Карие глаза пылают. — И тебя долго учить. Тебя с детства готовили быть женой. Это твоя работа.

В какой-то мере он прав, но... Интуиция подсказывает, что мне надо бежать. Прятаться! Желательно рвануть в свой пыльный архив, запереть дверь на швабру, а потом вылезти через окно и бежать до ближайшего корабля через океан. Тогда, возможно, спасусь от этого хищника, назначившего меня своей жертвой. В смысле невестой. Я что-то бормочу, пятясь к двери, и совершаю ошибку, встретившись взглядом с Андрианом. Сразу попадаю в капкан карего омута. Всё он понимает! Вон как насторожился, отслеживает мои движения. Прищурился, склонив голову на бок.

— Мне нужно подумать! — «изобретаю» извечную женскую отговорку, на ещё один шаг приближаясь к двери.

Текучим движением Алмазов сокращает дистанцию.

— Это было очень неожиданное предложение.

Ещё шажок.

Мужчина так же медленно, ни слова не говоря, подступает. Его глаза — глаза умного, хищного зверя, который прекрасно осознаёт, что я делаю и зачем. И что бессовестно вру.

— На такое предложение слёту не отвечают. Тут нужно всё взвесить. Да, взвесить! Спросить разрешения у старших. У мамы с папой спросить. У тёти.

Прервав свои бормотания, я с придушенным писком бросаюсь к двери, но он опередил меня.

— Куда?!

Врезаюсь в твёрдую руку. Какой же он быстрый! Успел догнать и прижал створку двери, перекрывая путь. А я боюсь! Боюсь даже в лицо ему посмотреть. Наверняка оно бешенное, тёмное от гнева. Я зажмуриваюсь, съёживаюсь, снова в страхе прикусывая нижнюю губу.

— Я тебя не отпускал, — мрачным тоном констатирует Андриан и тут же рявкает: — Хватит губку прикусывать, отвлекает!

Андриан

Совершенно невозможно с ней разговаривать! Эта припухшая от прикусываний губка... Пигалица вообще соображает, что делает?

— Ксания, — с чувством позвал я, испытывая острую недостаточность от того, что вместо непокорных золотисто-ореховых глаз наблюдаю зажмуренные веки.

Согласен, напугал девушку, но её вид...

— Открой глаза.

Сам оказался не готов к тому, как мягко и воркующе у меня получилось. Ксания изумлённо распахнула огромные глазищи, и уставилась на меня, приоткрывая ротик. Чёрт. Я несколько раз вдохнул, собираясь с мыслями.

— Признаю: я неудачно начал, — проговорил я. — Возможно, даже напугал тебя. Исправим это. Прежде чем перейдём на уровень решения проблем с семьями, решим их сначала между собой. Не вижу причин, по которым ты можешь мне отказать в браке, но дам тебе время привыкнуть к этой мысли. Обсудим моё предложение в другой обстановке.

— В смысле? — Ксания ошарашенно хлопает ресницами.

— Ужин. В ресторане. — Бросаю взгляд на часы. — Сегодня в семь. Это невероятная уступка с моей стороны, Ксания, потому что обычно я предпочитаю решать дела сразу.

— Я не приду, — как-то придушенно пискнула она, и я выдохнул, желая себе всяческого терпения.

— В семь. А сейчас можешь идти домой и подготовиться. Машину я за тобой пришлю. Родным пока не сообщай.

Убрав руку от двери, я наблюдаю, как Ксания рванула прочь. Бежала так, что чуть не свалилась с лестницы, потому что поминутно оглядывалась. Мило. Да её постоянно спасать надо! Удивительная разиня. Впрочем, о чём это я. Она машину на парковке умудрилась не разглядеть. От того, как я дёрнулся ей в след, чтобы не дать пересчитать боками ступеньки, девчонка округлила глаза ещё больше и побежала быстрее. Дзинь-дзинь-дзинь... Вырвавшиеся на свободу браслеты мелодично звякали. Приятный звук. Умиряет. Выдохнув, я уселся на рабочее место, намереваясь за оставшееся до ужина время переделать накопившиеся дела. Визит бабушки и суматоха с женитьбой не повод бросать «Андрвис» на произвол судьбы.

Следующие два часа я разбирался с последствиями решения о браке и результатами своего поведения с Ксанией. Сначала ко мне в кабинет разгневанной фурией ворвалась Ирма, и начала кричать, что ситуация недопустима. Сначала её отчитала моя бабушка, которая видела её первый раз в жизни, но успела сделать выводы по короткому платью и выводы негативные (кстати, платье Ирма сменила), а потом я, оказывается, тискал в кабинете худосочную девицу. У всех на виду. И ладно бы кого, а то Ксанию! Презренную рэднеки!*

Значит, доложили уже. Тем лучше. Я холодно смотрел на возмущённую Ирму, ожидая, пока та откричится. Вот так всегда. Вроде и не давал женщине никаких обязательств, а она, оказывается, всё равно их лелеяла. Ведёт себя будто моя почти супруга и имеет на меня полное право. Да ещё прозвище «Рэднеки», данное Ксании по её приходу в компанию, неприятно резануло нервы. Я знал, как малявку тут обзывали. Всё потому, что она не урождённая бóстонка. Перебралась сюда из другого города. Женский коллектив совместными сплетнями решил, что фермерского, и раньше я обзываниям не препятствовал. А сейчас ощутил потребность защитить.

— Хватит, Ирма! — грохнул кулаком по столу, и подруга испуганно замолчала.

Действительно испугалась. Как всегда, когда я начинал злиться. Ухоженное лицо Ирмы наполнилось страхом, затем подобострастным выражением, и я мысленно скривился. Ничего нового. Не то что с Ксанией. Та тоже боялась меня, но по-другому. Я уже успел выучить, что золотистые глаза малявки сначала напивались смесью опасения с трепетом, а затем стремлением дать отпор. Причём во всю силу. Это завораживало. А тут тупое подчинение, будто у Ирмы своего мнения нет.

Не вдаваясь в подробности, я поставил пассию в известность, что мы расстаёмся. Ирма отмерла, изумлённо и жалобно хлопая ресницами.

«...Но почему, Адричек?» (Как же меня бесит эта кличка!)

«...Мальщ, нам же было хорошо вместе!»

«...Я тебе разонравилась?»

«...Скажи, как ты хочешь, и я всё сделаю!»

Когда это ни к чему не привело, Ирма выскочила из кабинета с обещанием, что она ситуацию так не оставит.

Обязательно. Я такого же мнения. Сразу позвонил в отдел кадров и дал распоряжение уволить Торрес незамедлительно. Со всеми положенными выплатами, не отгулянными отпускными и премиями. Хотя, как по мне, я переплачивал. Подумал и приказал выписать бывшей подруге ещё один стандартный оклад в качестве компенсации от себя лично. А дальше началось самое интересное. Я вызвал в кабинет двоюродного брата Селивана и сообщил ему о своём намерении жениться. Так же в суть своего внезапного желания посвятил.

— Понятно, — в шоке проямлил Селя, нервно поправляя на носу очки. — Добрались до тебя. Потом за меня возьмутся. Мама давно ходит вокруг да около, намекает посмотреть фото невест.

Он как-то жалобно сморщился и передёрнул плечами, словно хотел что-то ещё сказать, но передумал. Я отмахнулся.

— Собирай юристов, будем думать, как решить проблему с акциями бабушки.

Сегодняшний инцидент показал мне, что всегда имеется лазейка, которой можно воспользоваться, а я таких сюрпризов не люблю. У бабушки в дальнейшем не останется

возможности помыкать мной. Жаль только, что дело это не быстрое.

— И ещё, Сель. Позвони Натану и вызови его в Бостон. Пусть проверит нашу систему безопасности. Он же вроде как на программиста учился.

— Да, закончил с отличием. Получил высшую квалификацию. Но брат, — Селиван неуверенно улыбнулся. — Как ты переживёшь его приезд? Натан наверняка поселится в особняке у нас.

— А что такое? Пусть заселяется, я не против.

— Ну-у... Он Адди тебя зовёт. Подшучивает вечно.

Чуть не забыл. Ещё одна кличка, уже от дальнего родственника.

— Перенесу. Защита «Андрвис» самое главное.

Напоследок я поручил Селивану то, чего не мог сделать лично. Ничуть не смущаясь, попросил вызнать всё что можно о семействе Милан. Бабушка шантажирует меня, а у меня должны быть свои козыри в рукаве. Очень уж строптива выбранная мной невеста. Я не сомневался, что в ресторан Ксания придёт. Не осмелится отказаться. А вот как повернётся дело дальше, предугадать не мог. Но сделаю всё, чтобы направить беседу в нужное русло. Не дам малявке ни единого шанса увильнуть.

— Узнай, чем она дышит.

— Может, всё-таки другую девушку? — совсем в духе Ксании предложил брат, разнервничавшись от того, что ему предстояло, и я хмыкнул.

— Не хочу другую. Не будет такого, чтобы Андриан Алмазов сделал предложение, а ему вдруг отказали. Это уже дело принципа, брат.

— Ну да, конечно.

* * *

Едва время направилось к семи, как я вихрем примчался в особняк. Взлетел по лестнице, подогреваемый мыслью, что в ресторане должен выглядеть соответственно. Рывком стягивая рабочий костюм, думал о том, что давно не испытывал такого азарта. Это как охота за редким контрактом в бизнесе, только ещё интереснее! Я буду очень, очень убедителен! Поменяв рубашку и костюм на свежие, я уехал так же быстро, как появился, отказавшись от ужина.

* * *

— Что это с Андрианом? — тихонько проговорила Айдана, когда мелькнувший, словно метеор, брат скрылся с глаз. Дверь громко хлопнула за ним, вернув дому тишину. — Носится, как ужаленный.

— Он на пороге больших перемен в жизни, — усмехнулась бабушка. — Внушенька, сделай мне имбирного чая, пожалуйста, — она протянула пустую чашку девушке. И тихо добавила: — Знаешь, теперь можно быть уверенной, что Андриан не отступит. Сдаётся мне, он нашёл девушку. И она — та ещё заноза!

Рэднеки — жаргонное название белых фермеров, жителей сельской глубинки США.

Примерно соответствует русскому «деревенщина» или «колхозник». Но также может применяться как ругательное, наподобие русского «жлоб» или «быдло».

Ксения

Непонятно почему, но я делаю так, как просил Зазнайка. Наверное, у Алмазова особый дар убеждения, потому что стоит мне подумать, что нужно поступить наперекор, рассказать о его непристойном предложении сестре или тётё (и не явиться в ресторан, как грозились!) то внутри рождается бурный протест. Мысли всякие... О, Боги, он меня что, загипнотизировал?! Хотя с другой стороны... Внутренний голос услужливо подсказывает, что рассказывать-то мне вообще-то нечего. Ну, предложил. Пока ни до чего не договорились. А вот если добавить к предложению историю о том, как я отошью заносчивого сноба в ресторане! Радостно улыбаюсь. Точно! Поведаю родным расширенную версию. От пикантного предложения самоуверенного самца, до моего дерзкого отказа. Когда информации больше, это всегда лучше.

А ещё, кроме подобных мыслей, меня невыносимо жжёт любопытство. Самое разное. До этого никто не приглашал меня в ресторан. В кафе — да, ходила. Но это же совсем не то. А вот ресторан! Понятия не имею, как там всё устроено. Наверняка это необычайно интересное, почти волшебное место, где к тому же кормят вкусно. Хотя я не кушать туда иду. И обстановка внутри определённо не как в большинстве забегаловок, где я бываю время от времени. Горько вздыхаю. Такое оно, когда в семье мало денег. По ресторанам не ходим. Крутые театры и путешествия нам только снятся. В утешение тётя говорит, что нечего обычной девушке по всяким ресторанам-курортам-театрам шляться. Если она делает это не с мужем, а самостоятельно, то значит ищет приключений на одно место. А если она это делает, то уже неприличная девушка. По такой ремень плачет. Вывод очевиден: надо идти. Алмазов мне не муж, но спутник хоть куда. Да ещё платит. Когда ещё представится шанс побывать в самом настоящем ресторане?

В общем, родным о наметившемся свидании... Тьфу. Не свидании! Не поэтому у меня так сердечко колотится и бьётся! В общем, родным о наметившейся встрече ничего не говорю. Но к сестре всё-таки подлезаю. Хочется хоть немного намекнуть, прошептать. Поинтриговать и заинтересовать. Стефания возится на кухне, расставляет посуду по шкафчикам, и вся она какая-то задумчивая последнее время. Бывает, улыбается невпопад. Или грустит. Если бы знала её меньше, обязательно решила бы, что Стефи влюбилась. Но она же кроме рынка никуда не ходит, в кого ей влюбляться?

— Стефи-и-и! — загадочно тяну я, подскакивая к сестре и шепча ей на ухо всякие нежности. — Мне нужно тебе кое-что рассказать!

Но сестра намёков не понимает. Звякает себе кастрюльками. А у меня задача сообщить так, чтобы не услышала тётя, у которой ушки вечно на макушке. Достойное оправдание, для чего мне нужно выбраться из дома в неурочный час, я давно сочинила. Но не могу же уйти просто так, не поинтриговав немного?

— Стефи, тебе правда не интересно?

А я ведь уже смакую как обеспечу яркое приключение своему боссу! Я иду, чтобы обеспечить неожиданное приключение своему боссу. Он ждёт от меня покорного согласия, так пусть удивится. Приду и откажу ему! Я фыркнула, представив, как забавно вытянется его лицо. Зовёт тут, понимаешь... замуж! Я даже речь отказную продумала.

Моим поведением неожиданно заинтересовывается Влас. Квартирант

материализовывается на кухне, жадно следит, ошупывает взглядом мой наряд, отмечая его не-будничность.

— Что-то случилось, Ксания? Может быть, Вы мне расскажете? Мне можно доверять.

И выражение лица такое масляное-масляное. Выкручиваюсь в последний момент. Ляпаю нечто незначительное, совсем не то, что собиралась сказать сестре. Однако Влас не отступает. Трётся рядом, помогает разбирать посуду, умудряется вставать так, что каждый раз оказывается между мной и сестрой. Задаёт один и тот же вопрос в разных интерпретациях.

— Вы куда-то собираетесь, Ксания? — настороженным взглядом он буквально впивается в моё лицо. — Выглядите очень красиво. Вас надо куда-то сопроводить? Я могу. Исключительно по-дружески, не подумайте плохого.

И смотрит, смотрит... Меня передёргивает. Ох. Не знаю, что с адвокатом не так, но его предложение воспринимается как противоестественное. Не сходится его лёгкий тон и напряжённое внимание. И услуги сопровождения мне не нужны. Отказываю довольно резко, хотя до этого всегда была мила с Власом, он же квартирант. Гость и источник денег. Но мне всё равно не нравится, как он смотрит. Лучше уж взгляд взбешённого Андриана, чем такой: липкий.

Невольно будоражусь от мысли о боссе. Будто наяву вижу потрясение на мужском лице, когда Алмазов меня увидит. Уф, от одного представления делается жарко! И хочется вытереть вспотевшие ладони об юбку алого платья, шёлкового и очень красивого. Но вовремя вспоминаю, что такое платье у меня единственное. Испорчу — переодеваться не во что. Да-да, я приделась. Исключительно по поводу ресторана. Не для Алмазова. Но пусть оценит, что я не только в задрипанных офисных одеждах хожу!

Забыв о Власе, машу ладонями на раскрасневшееся лицо. Подскакиваю к открытому окну, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Ксания, не сходи с ума! Это будет не свидание, а схватка! И не станет Андриан Алмазов на меня восхищённо смотреть. По слухам, он высоких и грудастых любит. А меня зачем-то заставляет выйти за себя. Именно заставляет. А я... не хочу? Задумываюсь, копаясь в собственных ощущениях. На секунду — всего на секундочку — представляю себя состоявшейся женой Андриана Алмазова. Ксания Алмазова... И он... Щёки вспыхнули ещё больше. Это значит, что я буду заботиться о нём. Ждать его с работы домой, когда он будет приходить усталый после многочисленных совещаний. Готовить ему еду. Ложиться в постель. Он будет иметь право меня трогать. И каждую ночь... Мурашки превращаются в полыхающий костёр. Спихнув с места Стефанию, несусь к графину с водой, чтобы попить.

— Эй, Ксан! — сестра смеётся, наконец-то придя в себя. — Что с тобой такое?

— Вечером расскажу, — загадочным тоном шепчу я и перехватываю страшный взгляд Власа. — Я скоро буду, сестра! Тёте всё объяснила!

Выскакиваю из дома, лопатками чувствуя чужое внимание. Оглянувшись, вижу Власа. Помрачневшая физиономия адвоката торчит в окне, и квартирант выглядит злым. Но я уже несусь по улице, как алое пламя, в намерении скорей достигнуть угла. Там я собираюсь перехватить машину, которую грозился направить за мной Алмазов. Не хочу, чтобы хоть кто-нибудь из дома видел её. Это ж проблем потом не оберёшься! И допрос от тётки гарантирован. Так что сейчас я сажусь в авто, быстро доезжаю и говорю жуткому Зазнайке, чтобы искал другую дуру для замужества. Он же меня пыль заставил в офисе разгребать! И до этого одни тычки от него видела. Я не сумасшедшая за него замуж идти! Приеду и откажу.

Андриан

Она не посмеет не явиться, не посмеет! Бросаю хмурый взгляд на часы: девятнадцать ноль-ноль. И отказать не посмеет! Раздражённо шипя ругательства, утыкаюсь носом в планшет, по ходу ожидания решая важные вопросы фирмы. Свидание... — тьфу, деловая встреча с Ксанией! — не повод игнорировать работу. Хотя о чём это я. Именно сегодня сорвался с работы раньше, приехав в ресторан за десять минут до назначенного времени. Уж себя-то обманывать не надо. Но оправдываю собственное поведение тем, что мне нужно скорее завершить дело с вынужденной женитьбой, чтобы «Андрвис» оказалась в безопасности. И это случится, как только я вырву согласие у девчонки.

Девятнадцать ноль-пять. Почему так долго? Игнорирую меню, что официант принёс мне в самом начале. Раздражение кипит, почти выплёскивается через край. Может, Ксания умудрилась не заметить машину и теперь топает до ресторана пешком? Предположения с каждым разом невероятнее. В груди грызёт. Её: «Я не приду!» вспоминается очень чётко. Вдруг выполнит угрозу? Она необычная. Она может. Я уже готов звонить водителю, чтобы узнать, в чём проблема. Отвлекая, на планшете мигнул значок входящего сообщения, и я сосредоточился на нём: Селиван. Брат отчитался, что мою просьбу Натану он передал и кузен ответил согласием. Через пару дней будет в Бостоне. Что ж, хоть какая-то хорошая новость.

Девятнадцать десять. Возле столика, усиливая моё недовольство, материализовался официант. Вышколенный, с залысинами на висках и странно блестящими глазами.

— Сервировать на двоих? — спрашивает он, хотя видит, что сижу я совершенно один. — У нас сегодня чуждые стейки, а для вашей половинки могу предложить нежные кусочки барашка в сырной корочке. Или прекрасные тефтели в кляре.

Награждаю идиота кипящим взглядом.

— Ты видишь тут мою половинку? — интересуюсь ледяным голосом, и официант втягивает голову в плечи.

Нет, они издеваются? Сначала бабушка, теперь этот. На мне клеймо поставлено, что я обязан быть женат? Да, скоро женюсь (в мыслях вспыхивает образ худенькой девчонки с косичкой через плечо), но это исключительно по необходимости! Никакой половинкой она мне не является. Да и вообще половинок не существует. Глупые сказки о любви, которыми утешаются неудачники.

Официант ретируется бодрой рысью, и я посылаю ему в спину грозный взгляд. И тут... Замираю, когда в поле зрения оказывается входная дверь. Ксания пришла. Она не посмела не прийти, так и знал! Настроение стремительно подскочило вверх, но торжествующая мысль мелькнула отстранённо. Потому что я... смотрю. В аллом изумительном платье девушка как огонь. Живой лепесток пламени: яркий, неуловимый и трепетный. Нежный и обжигающий. Зависаю. Сглатываю. Дьявол! Подбери слюни, Андриан.

Пигалица впорхнула и остановилась, оглядываясь, ища взглядом столик. Спрашивает у официанта. Я выдохнул, осознав, что какое-то время не дышал. Пожалуй, прошу ей опоздание. Выглядит моя невеста волшебным образом. А когда Ксания шагает навстречу, с трудом отрываю взгляд от движения её бёдер. Шёлк танцует вокруг них, подчёркивая очертания и стройность. Заставляю себя думать, что платье у девчонки не дорогое. Откуда ей взять по-настоящему брендовую вещь? Но эффект ошеломительный. Я совершенно не замечаю стоимости наряда. И волосы Ксания распустила. На меня такое действует безотказно. Тону

взглядом в тёмных густых прядях, представляя, какие они наощупь. Женюсь — обязательно потрогаю.

Рядом с девушкой уже семенит мой «давний» знакомец — тот самый официант, и я разбираю его услужливую фразу:

— Столик на двоих? Вам и тому господину?

Ксания останавливается, проследив за его взглядом.

— Вы считаете, мы с ним пара?! — она возмущённо всплёскивает ладонями. — А, впрочем, да. Да! Столик на двоих. Одно место для него, второе для его высокомерия!

Я зло рычу. Про себя. И сразу соображаю, что она отказать мне пришла. Настрой несносной пигалицы читается по лицу, угадывается в сжатых губках, напряжённом развороте плечиков, спинке... И конечно же, по взгляду. Я мстительно прищуриваюсь, поймав боевое выражение в переливающихся очах. Изумительная из неё получится жена. Решительная. Но ты, девочка моя, не на того напала. Совсем не знаешь Андриана Алмазова. Не предполагаешь, на что я способен. Подходи, поиграем. Я готов начать партию, о которой ты и не ведаешь. Мысленно касаюсь бумаги во внутреннем кармане пиджака. У меня за плечами опыт множества деловых переговоров и инструментов давления тоже достаточно. Начнём, пожалуй.

Встаю с места, показывая Ксании, что жду и когда она приблизилась, отодвинул для будущей жены соседний стул. Красавица как-то сразу сбилась с шага и уставилась на меня шокированными глазами.

— Ксания. — Я невозмутимо указал глазами на стул. — Присаживайся.

Она неуверенно оглянулась, словно собиралась выпалить мне в лицо отказ и сбежать. Перед ней что, никогда не выдвигали стул, раз это её так потрясло? Печально.

— Эспрессо, — бросаю маячившему сзади официанту и с удовольствием наблюдаю за ступором девушки. — Тебе, Ксания?

Та ошарашенно моргает.

— А?

Ксания

Ресторан очень красивый! Его внутреннее убранство потрясает. Делаю вдох, вдруг сообразив, что некоторое время от восторга просто не дышала. Осматриваю заведение. Здесь так... статусно! Капельку пафосно, но не перебор. Зал большой, стены óхристые, с щедрым добавлением мазков пурпурной краски, отчего от них словно исходит тёплое сияние. Есть ниши, с подсветкой другого тона и там располагаются столики с кожаными диванами и очень высокими спинками. Обивка сдержанная, на контрасте со стенами. Справа от ниш череда высоких окон с тяжёлыми двухцветными портъерами. Окна задрапированы так густо, что почти не пропускают уличный свет, оставляя освещение внутри ресторана рассеянным. А ниши, если присмотреться, оформлены как ряд арочных колонн, визуально отделяющих пространство. На столах белоснежные скатерти, сияние начищенного стекла. Но самое большое удивление вызывает потолок. Он не привычно гладкий, как я ожидала. А ребристый. Сказочные вензеля по-особенному закручиваются, наводя на мысль о задуманном узоре. Приглядевшись, понимаю, что так и есть: это перья. О, Боги, узор на потолке имитирует перья!словно взятые из хвостов гигантских жар-птиц, они извиваются, укладываются рядом друг с другом, создают орнамент. Посередине «перьевого» великолепия свисает хрустальная люстра. Даже не верится, что в такое место можно приходиться кушать!

Это же музей! В нём следует вести себя с благоговением! В душе усиливается трепет от такого романтического места. И пусть повод меня сюда привёл не самый приятный, я предвкушаю особенный вечер.

Босс-Зазнайка уже ждёт меня. Он невероятно хорош в строгом костюме, и дыхание снова перехватывает, когда мужчина встаёт, а я встречаюсь с ним взглядом. Эти чёрные волосы, уверенная осанка... Мистер Алмазов выдвинул для меня стул, когда я подошла, и я присела, хотя не собиралась. Я же не собиралась?! Но галантный какой, надо же. И всегда с этим Демоном так: любой план идёт наперекосяк. Изначально.

— Эспresso, — резким тоном произносит мужчина, чем-то недовольный. Смотрит на меня. — Ксания, тебе?

Мм... Что тут сказать? В ступоре наблюдаю, как Андриан обходит стол и усаживается на своё место. Я ведь не ужинать сюда пришла. Но выжидающее присутствие официанта так неудобно, и сидеть за пустым столом вроде как неприлично...

— То же самое, — повторяю заказ, и уголок губ Андриана дёргается вверх в намёке на улыбку. Поманив к себе пальцем официанта, он что-то негромко говорит ему на ухо.

— Что вы ему сказали? — недовольно бурчу, и мужчина усмехается.

— Тебе понравится. Позволь поухаживать за будущей женой.

— Я не... — но он предупреждающе поднял руку.

— Мы это позже обсудим. А пока посидим, попьём кофе, как нормальные люди.

По его интонациям совсем не скажешь, что как нормальные. Но я молчу, концентрируя в себе злость. Откуда этому Демону знать, что мне нравится? Я не рассказывала о своих вкусах! Вместо кофе я вообще чай предпочитаю, с молоком. Но сейчас решила не выделяться. Хмурюсь, а босс, как назло, вальяжно откинулся на спинку стула, который тут вполне за кресло сойти может и с насмешкой смотрит на меня.

— Ксания, не бойся. Я не кусаюсь, — заверяет он.

Может и не кусается, но всё его поведение говорит о том, что он что-то задумал. Слишком спокоен. Для вспыльчивого босса, чей темперамент известен всей фирме до последнего курьера, это всё равно что затишье перед бурей. Такая мысль заставляет дёргаться, выбивает из колеи. Что у него на уме? Вглядываюсь в серьёзное лицо, но физиономия просто непроницаемая. Затаился, Демон, и ждёт.

Кофе приносят быстро. У моего начальника напиток в чашке чёрный, как ночь, а у меня... Я глянула и расцвела в улыбке. У меня пенка! Коричневато-кремовая, пышная, а на ней рисунок: роза! Красивая роза, нарисованная прямо на кофе. Или самим кофе, если быть точной. Это же прелесть что такое! До этого только на картинках видела подобное чудо; его даже пить жалко! Смотрю с восторгом, приближаю нос к чашке, впитывая дразнящий аромат.

— Какая красота! — не сдержавшись, восклицаю я, и, кажется, даже слегка подпрыгиваю на стуле. Так вот что босс шепнул на ухо официанту! И хорошо сделал, а то мне тоже принесли бы чёрный кофе, как у него. Это скучно.

Заворожённая, я вытянула палец и дотронулась до пенки в чашке: пушистая! А потом, не удержавшись, мазнула больше и слизнула кусочек прямо с подушечки. Страшно портить такую прелесть, но попробовать-то хочется. М-м-м! Закатываю глаза от наслаждения, радуясь насыщенному вкусу. А когда открываю их, то вижу, что у сидящего напротив Андриана взгляд почернел. Он как-то пронзительно смотрит на меня, прикрываясь собственной чашкой. Наверняка шокирован невоспитанной деревенщиной.

А, мне всё равно! Приблизив нос к чашке, я нюхаю-нюхаю-нюхаю, а потом всё-таки касаюсь губами, зная, что пенка повисает на кончике носа в том числе. Прелесть, как пахнет! Андриан усмехается. Миг — и передо мной оказывается салфетка, но я предпочитаю вытереть нос пальцами и облизываюсь.

Андриан

Ксания слизывает пенку с губ, а я не могу оторвать от неё взгляда. Млею от её непосредственности, от движений розового язычка, скользнувшего по соблазнительным губкам. И ведь она, я вижу, ничего эдакого в свои движения не вкладывает. А я... Срочно прикрываюсь чашкой с горячим кофе, чтобы сконцентрироваться на нём, а не на девушке. Затем с преувеличенной тщательностью раскладываю салфетку на коленях. Ксания же полностью увлечена процессом. Она так старательно разглядывает рисунок на кофе, нюхает его, касается пальчиком, потом сует палец в рот и жмурится... Я поспешно глотаю свой кофе, едва не обжигаясь при этом. Она милая. И очень забавная. Другая давно бы стушевалась или попыталась вести себя под стать обстановке, выдавливая из себя то, чем не является, а тут полная искренность. Наблюдая за ней, подавляю в себе желание подозвать официанта и заказать ещё сливок, целый баллон. Интересно, как пигалица отреагирует, если добавить их в чашку прямо у неё перед носом, когда она расправится с этими? И наблюдать, как она снова окунёт в них пальчик. Похоже, баловать девчонку очень легко и неожиданно приятно. Потрясённый этой мыслью я усмехаясь и делаю официанту знак рукой. Сливки — не сливки, но пусть принесёт ещё что-нибудь, чтобы наша импровизированная встреча не закончилась слишком быстро. Ксания осторожно пьёт, жмурится, старается не повредить рисунок и почти не замечает, как нам приносят графин с соком и лёгкие закуски.

— Как они это делают? — её восторгу от пенки на капучино нет границ.

— Не знаю. Никогда не интересовался.

В самом деле, меня действительно ни разу не интересовало, как бариста создают на кофе рисунок. А сейчас становится любопытно. Пигалица же ворчит что-то ещё; я невольно прислушиваюсь.

— Запах был лучше, — в своём стиле бурчит она. Потом, заметив мою приподнятую бровь, торопливо исправляется. — Ну, то есть я хочу сказать, что по запаху ожидала несколько иной вкус.

Решила не обижать меня, потому что это я заказал ей кофе?

— И он не сладкий.

Я фыркаю.

— Размешай. Сахар часто оседает на дне.

— А Вы? — от своей чашки с остатками кофе она переводит взгляд на мою с чёрным эспрессо.

— Я без сахара пью. Диабет, — после небольшой паузы добавил я, решив, что такую информацию ей в любом случае стоит знать. И опять тянет улыбнуться от мелькнувшего сочувствия в золотом взгляде. Она точно милая.

Ксания

Андриан умный. Ну, то есть я всегда знала, что Андриан Алмазов умён, иначе он не управлял бы такой огромной империей в бизнесе, но сейчас оцениваю его интеллект в новом свете. Он так тактично повёл себя, когда я восторгалась пенкой; ни одним движением

не выдал, что его покорило моё поведение деревенщины. Сто баллов на его счёт. Мы же при всём народе сидим, а Алмазов даже бровью не повёл. И потом так сказал про диабет... Сочувствие обожгло душу. Моя решимость говорить с ним на повышенных тонах резко тает, а затем накатывает веселье.

Он сказал диабет? Так мой «жених» немного бракованный? Я фыркаю и прикрываюсь ладошкой, чтобы Зазнайка не увидел. Да уж, он не подарок, особенно если добавить сюда его гонор и выходки. Интересный экземпляр мне судьба подкинула. Но если вспомнить, что тётя за мои проступки вечно называет меня сумасшедшей, а ещё чертёнком и егозой, то всё логично.

— Что? — Алмазов вопросительно приподнял бровь, заметив моё веселье. — Что смешного?

— Просто подумалось. — Отставив чашку, я облизнула с губ остатки сладкого кофе, невольно отмечая, как взгляд сидящего напротив мужчины темнеет и останавливается на моих губах. — Девичьи заморочки. Вряд ли Вам будет интересно, что я подумала по поводу нашей совместимости.

Невольно краснею. Я сказала: «нашей»? Насмешливый блеск глаз Андриана показывает, что он тоже заметил. Сцепив пальцы в замок, он подался вперёд.

— И?

Хитрец. Это он начало трудного разговора на меня сваливает?

— Зачем Вам жениться на мне, — дерзко, в лоб спрашиваю я, решив, что мы достаточно намолчались.

Уголки губ Андриана опускаются вниз. Но он молчит, глядя на меня поверх сцепленных пальцев, словно из засады наблюдает.

— Нужно, — наконец лаконично роняет он, и я фыркаю: ну да, ну да, ответ в стиле Алмазова. Другого я и не ждала. Этот Зазнайка только в свою сторону играет честно, а меня предпочитает держать в неведении.

— А если я сейчас откажусь, Вас это огорчит?

Смешно звучит. Словно я оправдываюсь за отказ. Но после небольшого чуда с кофе так не хочется вести себя грубо!

Андриан хмыкает.

— Меня это на несколько миллионов долларов огорчит, — бурчит он и тут же обжигает взглядом. — Ты закончила? Если да, то давай перейдём к делу. Моё предложение по-прежнему в силе, Ксания, и я желаю обойтись без скандала. Жду от тебя исключительно положительный ответ, потому что это будет очень выгодная сделка для нас двоих.

— Сделка? — забыв о благих намерениях, я взвизгиваю и едва не подпрыгиваю на месте. — Вы так говорите, словно нам предстоит не супружество, а контракт какой-то! А это семейная жизнь. Не договор!

— Именно договор. — Алмазов тяжело прищуривается. — Взаимовыгодный. По нему ты получишь деньги, определённую их часть, положение в обществе. Весьма неплохо для девушки из бедной семьи.

— Опять Вы о своём! Кто о чём, а великий и ужасный Андриан Алмазов всегда говорит о деньгах!

— А что с моими деньгами не так? — озлился мой собеседник. Потемнел, смотрит ещё тяжелее, давит взглядом. — Я уже говорил тебе, что это основа всего.

— Но семья... То есть, я хочу сказать... Гораздо важнее денег — чувства! Когда двое...

В супружестве должно быть уважение, ощущение родственной души, близость характеров.

— Угу. И ты, конечно же, ждёшь идиота, который с первой секунды влюбится в твой внутренний мир.

Ахнув, я застыла на месте. А Андриан, подавшись ко мне через стол, насмешливо выгнул бровь:

— Я прав?

— Это отвратительно! Вы так сказали, словно... Я Ваше коммерческое предложение...!

— Жизненно, Ксания. Просто жизненно. — Вернувшись в нормальное положение Алмазов смотрит на меня так, будто объясняет прописные истины неразумному ребёнку. — Жизнь вообще далека от идеала. Более слабые, зависимые или несостоятельные могут жить, надеясь на снисхождение сильных. Или — если имеют что-то нужное сильным — рассчитывать на выгодное партнёрское взаимодействие. У нас с тобой будет как раз такое.

— Да, и Вы добиваетесь его силой, — ядовито подвожу итог я. — Давите на меня, а ведь я уже сказала, что не хочу замуж. У меня есть свои собственные чувства и желания, но Вы к ним не прислушиваетесь. Всё упирается в Вашу силу. И о партнёрстве толкуете так, будто это единственный вариант. А я лучше поработаю!

— Оу. — Андриан хмуро сложил на груди руки. — Мы снова вернулись к разговору о работе. Ну, так я уже пояснял: работать ты не умеешь. Не принимай только на свой счёт, потому что сейчас я почти всех женщин имею в виду.

— Неправда!

— Это реалии. Женщины плохо работают. Они слабы и глупы. Они действуют, поддаваясь эмоциям.

— Мужчины тоже не всегда образец мудрости и благоразумия, — зашипела я. — А некоторые так вообще ставят себя превыше всех остальных!

Андриан закатил глаза.

— Доминирование для тебя большая тема? — рыкнул он. Кажется, он тоже начал заводится, хотя внешне излучал просто непоколебимое спокойствие. И от этой непробиваемости у меня уже дёргается глаз. — В таком случае могу тебя обрадовать. Если верить Библии, Бог создал вас вторыми. Ева из ребра Адама, работоспособная ты моя, а значит, все женщины, то бишь Евы, априори не могут быть сообразительней и лучше.

— Какие рёбра, такие и Евы! — под стать мужчине рыкнула я, и на скулах Андриана вздулись желваки. Он как-то странно на меня покосился, раздувая ноздри. Вот как ему объяснить?! Он же бизнесмен, должен понимать! А он вместо семейных ценностей толкует о партнёрстве, которое не что иное, как навязанная мне судьба, что он пытается завернуть в яркий фантик. Искать себе жену таким образом: как ловко! Как вообще можно быть таким?

— Потому что я трезвый, отдающий отчёт во всех своих действиях человек, — чеканя фразы ответил Андриан, и я сообразила, что последнее выдала вслух.

Вместо очередного пассажа яростно кошусь на графин с соком, который официант так предусмотрительно выставил на нашем столе. Руки прямо-таки тянутся к нему, как к самому тяжёлому предмету в зоне досягаемости. Прости, Господи, обычно я очень мирный человек, ты знаешь, но сейчас есть стойкое желание разбить этот графин об одну упрямую черноволосую голову! А потом смотреть, как оранжевые струи потекут по лицу и будут капать вниз, на безупречный пиджак, скользя по щетине. Андриан прищуривается, уловив мой взгляд.

— Сока налить? — невинным тоном интересуется он, будто не замечает моей ярости.

Но, судя по издевательским вспышкам в карей глубине глаз, прекрасно понимает. Видит их и наслаждается моим бессилием. Уголок мужских губ подрагивает в ухмылке.

— Послушайте, — я несколько раз глубоко вздохнула, прогоняя внезапную кровожадность. — Я не хочу замуж. Ни за кого. Брак — это Божье благословение. Выходить замуж без этого, всё равно что обесценить собственную жизнь заранее. Наши традиции ясно говорят об этом. Моя тётя, — тут Алмазов прищурился, впиваясь в меня взглядом, — конечно, очень мечтает выдать меня замуж. Но я хочу для себя другого. — Голос внезапно дрогнул и почти чёрные от злости глаза мужчины вернули себе нормальный оттенок. — Я мечтаю, чтобы в будущем у меня была нормальная семья. Любящий и любимый муж, дети, которым я буду дарить всё своё душевное тепло, но пока такого человека нет в моей жизни, нет смысла выходить замуж. Поэтому я не хочу становиться миссис Алмазовой, как бы ни было соблазнительно Ваше предложение. Ваша кандидатура... — Расслабившийся было Андриан снова напрягся, и я осеклась, сообразив, что сейчас скажу лишнее, но всё же героически продолжила. — Вы можете отречься от чувств и традиций общества, но я этого сделать не могу. И когда Вы женитесь, а потом наиграетесь, или в нашем партнёрском соглашении закончится нужда, что станет со мной? Вы...

В глазах Алмазова полыхнула дикая ярость.

— Хватит! — рыкнул он, стремительно подаваясь ко мне через стол.

В карих глазах пылал такой огонь, будто я сказала нечто запредельно ужасное. Мне стало по-настоящему страшно. Нет, оказывается, всё это время он не был спокоен. Просто хорошо держал себя в руках. Сейчас же злость вырвалась из-под контроля, и мужчина стал похож на клокочущий вулкан. А ещё я поняла, что моя пламенная речь не произвела на него никакого впечатления. Я зажмурилась, чтобы не видеть гнева на перекосившемся потемневшем лице.

Андриан

Ангельское личико с крепко-крепко зажмуренными глазами прямо передо мной. Невозможно устоять от искушения. Я протягиваю руку, чтобы ощутить тепло кожи Ксании и заодно убедиться, что девушка настоящая. Помедлив мгновение, опускаю руку. Только что эта пигалица умудрилась всколыхнуть всех демонов в моей душе, когда заявила — иносказательно, конечно — что я могу воспользоваться ей и опозорить. Та часть моего прошлого, о котором я предпочитаю не вспоминать, снова навалилась на меня и сердце зашкаливает, надрываясь в бешеной гонке между прошлым и настоящим. Неблаговидный поступок отца тенью лежит в ворохе минувших дней, похороненный под их давностью, но всё равно неразрывно связан со всем, что преследовало меня позже.

Тяжело дышу, глядя на зажмурившуюся девчонку. Я зол, но я понял, что Ксания пыталась мне сказать. А слова о любящем и любимом муже неожиданно глубоко запали в душу. На секунду я даже пожалел, что это было сказано не обо мне.

— Хватит, — через мгновение уже более спокойно проскрежетал я. — Достаточно высокоумных сентенций.

Голос сух и царапает по нервам меня самого. Не жалеть! Ни в коем случае не жалеть. Ни единой поблажки, пока не услышу вожделенное: «Согласна». Отказ Ксании совершенно невыносим. Только она смеет перечить мне. Такое вообще бывает? Однако сквозь звенящее струной бешенство испытываю восхищение. Строптивость девчонки горячит кровь. Бодрит и возбуждает. Это даже хорошо, что пигалица не согласилась сразу. Удивительно, но я стал

больше уважать её. Вот она, настоящая девушка: раз за разом отстаивает свои убеждения, хотя — я вижу! — боится меня до дрожи. И — о-о! — какое же изысканное удовольствие будет всё-таки сломить и получить её себе в жёны. Не представляю как раньше жил без подобного.

— Я услышал тебя, Ксения, — проговорил я, старательно гася негодование. — Но я держу свои клятвы. Всякие. А тебе, раз ты такая непонятливая, объясню ещё раз. Я молод, обеспечен, из хорошей семьи и мой статус намного выше твоего. Уверен, твоя семья это оценит, когда узнает. Та же тётя, едва только поймёт, кто выбрал тебя. Что тут думать? Лучшего предложения ты не получишь никогда. И если тебе вдруг от этого станет легче, — в моих словах всё-таки зазвенела ярость, — можешь считать моё предложение компенсацией за прежние свои обиды. Видишь, как всё отлично складывается, мисс Милан! Прямо воля свыше. — Я придержал (совсем немного, чтобы всё-таки прочувствовала) язвительные интонации. — Но, если ты не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

Забравшись во внутренний карман пиджака, я вытащил оттуда сложенный лист и положил его перед своей жертвой, которая до сих пор сидела зажмурившись.

— Открой глаза и взгляни.

С удовольствием наблюдаю, как распахнулись золотистые очи, и Ксения с опаской взглянула сначала на меня, а затем на листок.

— Читай, — рычу я.

Судя по взгляду, она мечтает схватить листок, смять его в комок и запустить мне в лицо.

Спокойно, Андриан, не заводись, советую сам себе, хотя совет безнадежно опоздал. За время нашей непростой, набирающей обороты беседы у меня буквально пар из ушей идёт. Весь спектр эмоций от восторга до ярости испытал, это точно. Усилием воли заставляю себя смотреть на нежное личико, впитывая каждую эмоцию Ксении. Хотя нет, вру, на это усилий как раз не нужно. Наоборот, с тайным наслаждением наблюдаю, как она читает. Брови красавицы дрогнули и поползли вверх, когда она усвоила содержимое бумаги.

— Но это не официальный документ, — напряжённо отозвалась она, и я порадовался, хотя должен был расстроиться. Умная девочка! И чертовски храбрая малышка: пытается подпихнуть бумагу обратно, но я придерживаю лист пальцами.

— Верно. Это то, что я начеркал на фирменном бланке.

Умалчиваю о том, что мне это недавно диктовал Селиван. То, что он успел узнать за недолгое время про семью Милан. Кстати, брат при докладе как-то странно затыкался и запинаясь, мямлил, говоря сведения, и голос у него был такой, будто Селя летает в розовых мечтах.

— Пока это просто список для мягкого воздействия на тебя. Но ему никогда не поздно стать полноценным документом. Это очень легко, Ксения, когда в твоём распоряжении целый штат юристов.

— «Мягкого»! — она недовольно хмурится. — Шантажируете меня.

— А ты дерзишь.

...Нужно кое-что проверить. Нежная ручка Ксении лежит на столе прямо передо мной, и я накрываю её своей ладонью. Рука девушки напрягается, Ксения дёргается, чтобы отобрать руку, но я не пустил. Начинаю поглаживать, ласкать. Моя рука плавно скользит по её пальцам вверх, к запястью, вызывая мурашки у меня самого, затем спускается к пальцам вниз, и вновь скользит выше. Снова и снова. Незамысловатая ласка, от которой становится жарко. Щёки девушки пылают, что внушает надежду. Чуть давлю своими пальцами между

пальчиков Ксании, вынуждая раскрыться и переплестись, но она сопротивляется. Я не отступаю.

— У вас ведь закладная на дом? — шепчу я, вновь подбираясь пальцами к запястью, только на этот раз с внутренней стороны. Там, где бешено стучит тоненькая голубая жилка.

— Д-да, — Ксания дёрнула рукой.

Сердце вот-вот выскочит из груди, и я не знаю, что делать, если она откажет в ставшей вдруг такой нужной и необходимой мне самому ласке. Очень чувственной ласке. Резко выдернет свою ладонь, например. Но Ксания руку не убирает, смотрит прямо мне в глаза. Учащённое дыхание выдаёт её волнение. Хочется верить, что это из-за прикосновений, а не из-за бумаги.

— Первое правило бизнеса: всегда думай о том, как повернуть дело в свою пользу, — мой голос хриплый, и я надеюсь, что Ксания припишет мои слова именно к ситуации с домом, а не к тому, что и она воздействует на меня, если прислушается к интонациям. Мысль прострелила, и я сильнее сжал свои пальцы на её ручке. Надавил крепче, и она, наконец, расслабила кисть, позволяя нашим пальцам переплестись. Моя ладонь скользнула по её раздвинутым пальчикам и мягко охватила их. — Ты не в том положении, чтобы отказывать. Я могу выкупить ваш дом и стать его полноправным владельцем. Ну, а что я могу сделать как владелец, ты сама понимаешь.

— Вы так не поступите, — опомнившись, она дёргает руку, но я препятствую.

Не отдам!

— Уверена? Выходи за меня замуж, Ксания.

Как всегда очень не вовремя звонит Селиван.

— Да? — раздражённо рявкаю в трубку, взбешённый тем, что брат вклинивается в такой момент.

Оказывается, он сообщит новости юридического отдела. А также о том, до чего они додумались с юристами для противодействия бабушке в будущем. Если прикупить акций фирмы... — название скользнуло мимо, вытесненное близостью горячей ладошки, и я усвоил только, что это сработает противовесом. Сразу ухватился за идею.

— Покупай! — отрывисто приказал и уловил, как дёрнулась нежная ручка в моей руке.

Ага! Догадываюсь, о чём она подумала. Я медленно перевёл взгляд на Ксанию. Глаза моей упрямой визави широко распахнуты, она смотрит в полнейшей панике.

— Покупай, Селиван, — с расстановкой повторил я, вглядываясь в перепуганное личико.

— Не надо, — шепчет красавица.

...Ей не узнать о чём я на самом деле разговариваю.

Селиван уже отключился, о чём свидетельствует тихий зумм телефона, но я продолжаю говорить в трубку, «отдавая» приказания.

— Покупай дом целиком и сразу направь документы для официального оформления собственности. Как только я стану владельцем сразу начну наводить порядок по своему усмотрению.

— Не надо! — громче восклицает Ксания и уже по собственной инициативе сжимает мои пальцы. — Я согласна!

Глава 6. Ещё один парень для девушки

Раннее утро в Бостоне не отличается большим разнообразием температур: оно всегда прохладно. По части окружающих видов тоже особо не разгуляться, особенно в аэропорту. И всё же сошедший с трапа молодой человек с удовольствием оглянулся по сторонам, осматривая местность, и с явным наслаждением потянул воздух носом. Он только что прилетел. Засиделся за долгие почти двадцать пять часов лёта, и весь его вид выражал удовлетворение завершением пути.

— Мм! — молодой мужчина — весьма симпатичный, кстати, для полного счастья потянулся. Замер с разведёнными руками, смакуя, как приятным напряжением отзываются на упражнение мышцы, и весело гаркнул: — Привет, Бостон!

На него укоризненно покосились, но парень подмигнул недовольным, ничуть не смущаясь.

— Да-а-авненько я тут не был! Есть разница, как пахнет в Австралии и как здесь. И небо другое.

Объяснившись, молодой человек точным жестом поставил на куртке воротник стоечкой, озорно усмехнулся и бодро шагнул вперёд. Внешность у него была нетипичная для Бостона, явно южная. Чёрные волосы лежали волной, кожа смуглая, но не чрезмерно. Карие выразительные глаза поблёскивали под дугами бровей. Привычка сосредоточенно хмуриться проложила две ранних вертикальных морщины на лбу, но знойным чертам суровости это не придавало. Её стирала приятная улыбка красиво изогнутых мужских губ и ямочка, ямочка на подбородке! Невозможно было не улыбнуться в ответ, видя искреннюю радость от жизни на лице парня. Парень, как солнышко, излучал счастье. Завершали образ кожаная куртка, явно любимая. Объёмная сумка, в которой поместились все взятые им в дорогу вещи; яркая футболка на мускулистом торсе, джинсы в обтяг и кроссовки, делающие шаг восхитительно упругим — таким появился в Бостоне Натан Кермт, вызванный Андрианом Алмазовым. Дальний родственник, программист, которого в семье часто в шутку называли НК. Натан был не против, с юмором сроднившись с прозвищем. Он вообще родился с юмором.

Перекинув лямку внушительной сумки через плечо, Натан зашагал к выходу. Одухотворённое выражение на его лице стало лукавым. Скоро их мужское трио воссоединится. Наговорятся всласть. Он увидит Андриана, создавшего личную бизнес-империю, парня жутко серьёзного и скрытного, даром что молодой. Его очкарика-брата, мягкого и незлобивого. Селиваном, кажется, помыкали все, даже дети. И тем не менее их компания выходила на редкость гармоничной. Суровость Адди и мягкость Сели он разбавлял своим авантюризмом, привнося в компанию нотку бесшабашности. А ещё есть кузина Айдана! И строгая, но справедливая бабушка, которая бабушкой ему, вообще-то, является с большой натяжкой. Но он всё равно зовёт её таковой, потому что любит, а она отвечает взаимностью. Ух, он соскучился! НК хмыкнул, нетерпеливо прибавляя шаг. Подошёл к группке пасущихся возле аэропорта такси, быстро выбрал одно и назвал адрес. Андриан вызвал его и говорил о важном деле, связанном с программированием. НК свою работу любил, а потому предвкушал. Для полного счастья осталось только найти девушку, которой у него пока не было. Шутка. НК ухмыльнулся.

— Стойте, я передумал, — заявил он водителю такси. Назвал другой адрес. — Везите меня туда. Кузен вечно торчит на работе, а мне не терпится узнать, что у него стряслось,

ради чего он позвал меня с другого конца мира!

Ксения

— Сестра, сестра, — я шепчу, подбираясь к мирно спящей Стефании.

Ещё раннее утро, не больше пяти, но мне не спится. Всю ночь я вертелась в кровати, протирая в простынях дыру. И встать нельзя, сразу всех перебуду в маленьком домике, и спать после вчерашнего нет никакой возможности. Вот так свидание мне мистер Алмазов устроил! С огоньком. Так что ждать пробуждения Стефи больше никак не могу.

— Сестра! — рыкаю уже требовательно.

Но Стефания невнятно мычит и натягивает на голову одеяло. Вот как ей объяснить, что я мучаюсь и мне совершенно срочно нужно с ней переговорить? Андриан Алмазов всё же украл мой покой. Так предложил, ну ТАК предложил, что и отказаться нельзя! А ещё вчера сразу из ресторана нацелился явиться в наш скромный дом и переговорить по поводу свадьбы с тётёй. И с родителями по телефону рвался поговорить. То, что на расстоянии беседы о таком не ведутся, его не смущает. Стремительный! Еле отговорила. На секунду представила себе его вариант развития событий, и чуть поседела. Вечер, наш маленький дом, тут стук в дверь, и я на пороге с мужчиной. Хором заявляем тётё, что женимся... Брр, даже мурашки по коже! Мысли тётё и её дальнейшие действия я вообразила так ярко, что меня передёрнуло. У неё на кухне скалка хранится, для особо сильных внушений. Не сомневаюсь, в данном случае она бы ей воспользовалась. Должно быть ужас, написанный на моём лице, был таким сильным, что впечатлил самого Алмазова.

— Что? — переспросил он, вздёрнув чёрную бровь, и напрягся снова, словно хищник перед прыжком. А до этого, получив согласие, такой довольный сидел! Еле отговорила его, сославшись на позднее время.

— Так не делается, — внушала я Демону, который в своём рвении жениться готов попать все приличия. Как говорится: вижу цель, не вижу препятствий. — Вы ночью моей руки просить собрались?

Язвительность не скрывала, злая от того, что он буквально вырвал моё «да». Алмазов на секунду завис, размышляя над фразой.

— Почему руки? — чуть ошарашенно пробормотал он, когда обдумал. — Я всю тебя просить собираюсь.

Едва не засмеялась. О, Боги! Ситуация — серьёзней не придумаешь. Меня шантажируют. Замуж волоком тащат, а мне смешно. Но с какой планеты этот Зазнайка? Таких вещей не знает.

— Так говорят, — терпеливо пояснила я. — Просить руки. В смысле, получать разрешение на женитьбу. Потому что колечко вы оденете на палец, на руку.

— Могу на шею, — ухмыльнулся он, прекрасно осознавая детали нашей женитьбы. — Закажу у ювелира необходимый размер.

Едва не зарычала. Кто сказал, что у Андрина Алмазова нет чувства юмора? Просто оно у него специфическое. Страдальчески закатила глаза. Руки чесались треснуть сноба. Однако улыбался он так солнечно, я бы даже сказала: мило, что невольно зависла. И смеяться, оказывается, умеет!

На секунду перестав тормозить Стефи, я утонула в воспоминаниях. Милый Зазнайка. Кто бы мог подумать. Пришлось мне его просветить, рассказать, как просят девушку замуж. Андриан не перебивал. Слушал. Правда, издевательские всполохи в карих глазах показывали,

что всё он прекрасно знает. Действительно, зачем распиналась? Я вздохнула. В нашем случае над самой формулировкой: «просить» можно хохотать до слёз. Какие уж тут просьбы, если Демон давно всё решил и даже дом собрался купить, чтобы я не передумала. И всё-то у него выходит гладко! Обозлившись, я вновь затормозила Стефанию за плечо. Та сладко завозилась, на губах заиграла мечтательная улыбка.

— Селиван, — пробормотала она в полусне, и я прислушалась.

Какой Селиван? Откуда? У Демона, между прочим, брат с таким именем. Двоюродный, но не суть. Неужели... Нет, не может быть! Я поспешно отогнала пришедшие на ум мысли.

— Сестра, сестра! — не успокаиваясь, я рьяно трясла засону и та на этот раз очнулась.

— Ксения? — распахнув глаза, она бросила взгляд на часы и недовольно застонала. — Ох, какая же ты! Разбудила в такую рань! — сестра определённо была не рада, но я терпеть больше не могла.

— Я замуж выхожу! — брякнула от души и Стефи застыла с открытым ртом.

— Что?! Ксения, с тобой всё в порядке? Ты не заболела? — она даже рукой лоб проверила, думая, что я не в себе. — Откуда это взялось про замужество? Ещё вчера ничего такого не наблюдалось. Ты про будущее говоришь? — беспокойство на лице сестры было искренним.

— Нет. Я скоро замуж выхожу. Завтра. А, может быть, послезавтра. Не знаю точно. Но мы уже договорились, и он собирается приехать, знакомиться. Он ещё вчера хотел, но я отговорила.

Степень шока, свалившегося на Стефанию, можно прочесть по её бледнеющему лицу. А я... Уф! Выговорилась и вроде легче стало. По крайней мере, ноша тайны перестала тяготить.

— Прости, Стефанюшка, что тебя разбудила, но я всю ночь и вечер мучилась, так рассказать хотела.

Стефи моргнула.

— А тётя знает? Родители?

— Нет, конечно! Тебе первой говорю.

— Но как же так, Ксения? — опомнившись, сестра зачастила вопросами. — Как же так вышло? Ещё пару дней назад ты ни о каком замужестве не помышляла. Откуда эта идея?

— Если бы моя! Но он предложил так, что нельзя отказаться.

— А такое бывает?!

— У него бывает. У него ВСЁ бывает, — с чувством бурчу я. У-у, Демон! Припомнил: листочек, на котором была написана вся подноготная нашей семьи. Небрежненько так. И сколько мы задолжали за дом. До цента!

— А ты?

— А что я? Я честно хотела отказаться. Но говорю же...

— Да я не про то! Он тебе нравится? Хоть немного?

«Я не могу допустить, чтобы наша семья оказалась на улице». Это было первое, что возникло в голове, а потом до меня дошёл смысл вопроса сестры. Нравится ли мне Алмазов? Эффектный темноволосый Демон? Мурашки хлынули по позвоночнику, а душу перевернуло воспоминание о невольных объятиях под дождём. А потом как он гладил мою руку в ресторане. Приятно гладил! Рождая другие мурашки. Он командовал ими! Руку нужно было отдернуть, не позволять вольности, но я... Не смогла. Все наши столкновения дают осознать, что Алмазов далеко не пушистый зайка. Он тот ещё дьявол! Но почему, когда он смотрит

мне в глаза, в сердце возникает чувство надёжности, будто Андриан — скала, способная защитить от любого ветра?

— Когда ты с ним познакомилась? — так и не дождавшись ответа, продолжила Стефания. — И договорились когда?

— Вчера. Он в ресторан позвал. Да и на работе тоже...

— Кто он? — сестра подозрительно прищурилась, начиная догадываться.

Говоря о работе, я бесконечно жаловалась только на одного человека. Подумав, что такое имя нельзя кричать на весь дом, даже утром, я придвинулась и зашептала Стефании на ухо. Сестра охнула.

— Андр Алма... — с ужасом начала она и зажала себе ладонью рот, заглушая и без того сдавленные звуки.

Сестра смотрела на меня круглыми глазами, в которых читался шальной испуг, и не менее шальной недоверчивый восторг. Я залилась краской, как наяву представив высокого мужчину с властным взором. Завидный холостяк Бостона и по совместительству лютый Демон, известный своим вспыльчивым нравом. Нет, не о таком женихе я мечтала!

* * *

Влас потихоньку отстранился от двери девичьей спальни, аккуратно притворив её до состояния узенькой щёлочки. Полчаса назад он так же тихо выцарапывал эту щёлочку, подкравшись к святой святых на цыпочках. Ещё с вечера бдил, поджидая Ксанию. Девушка вернулась сама не своя. Ворвалась в дом в большом возбуждении, бегала из угла в угол, бормоча и взмахивая руками, призывая богов в свидетели, но ничего полезного он из её неразборчивой речи не вынес. Только забеспокоился ещё больше. Стефания уже спала, поговорить Ксании было не с кем, но стоило ему выйти из засады и предложить чаю в надежде, что девушка разговорится, как Ксания убежала, зыркнув на него глазами. Будто обожгла. А уж он вертелся ужом, пытаясь выведать, что происходит! Тогда он решил подкараулить утром, зная, что разговорчивая красавица не утерпит. Девочки любят делиться секретами, и если у них не вышло вечером, то обязательно случится утром. Ради тайны младшенькой он пожертвовал сном и не прогадал, рискуя быть пойманным хозяйкой дома, прилипшим к двери девчонок. Вот только глубина узнанной тайны шокировала.

— Замуж?! — с ненавистью шептал Влас, до боли закусывая костяшки пальцев. — Так вот что ты таила, Ксания!

И вечером на свидание бегала! Интуиция и красивый наряд на девушке не обманули. Она встречалась с мужчиной! Но почему замуж так быстро? Влас, глухо ворча, заметался по гостиной. Кто этот неведомый соперник, кто?! Как жаль, что Ксания шепнула имя сестрёнке на ухо, он не расслышал. А ведь это было самое интересное! И Стефания... Тихая курица! Могла выдавить громче! А то булькнула нечто нечленораздельное, словно подавилась. Квартирант едва не подпрыгнул, от пришедшей догадки. Получается, Стефания мужчину знает. Нужно выведать, пока не поздно, на как расколоть старшенькую? Несмотря на внешнюю забитость, она похожа на тех, кто разбалтывает сердечные тайны.

Раздувая ноздри, Влас заставил себя успокоиться. Насколько он понял из болтовни сестёр, родители и тётя ещё ничего не знают. Нужно играть на опережение! Представить ситуацию в таком свете, когда молодая девушка не ведаёт, что творит. Некто задурил ей

голову, речи сладкие напел, но кто этот ненадёжный? Бедняжку спасать надо! Влас оскалился, понимая, что может подействовать. Тётя в этом семействе своеобразная, доверчивая к мужским речам. Старая дева. Ксании, конечно, влетит, но ничего, перетерпит. Он уже столько усилий потратил, задумав оставить эту светлую девочку себе. Подобрался так близко. Никто в семье Милан не подозревал, что он женат. Жена ему давно надоела, и он собирался стать в ничего не подозревающей семье женихом. Чем не партия для строптивой Ксании? Тётя спит и видит, как бы спихнуть её с рук. Осталось только привести план в исполнение.

Анриан

Невзирая на то, что утро было ранним, оно застало меня в компании. Да, вчера вечером, вместо того, чтобы ехать домой, я отправился в «Андрвис». Столько мыслей крутилось в голове. Нужно было все уложить, обдумать, чтобы при этом никто не мешал. Дома же, в вечном женском царстве удушающей заботы, внимания не избежать. Вырвав у Ксании «Согласна!», он был до неприличия доволен. И сестра первая начнёт допытываться, что с ним не так. Затем остальные подтянутся.

В итоге приехал в офис с темнотой, распугал охрану, вздремнул на диване в кабинете и, едва проснувшись, взялся за дела. Разумеется, предварительно освежившись в душевой и переодевшись в свежую рубашку. Всё это в офисе у меня имелось, только мало кто знал, где. Когда ко мне постучался Селиван, я уже был по уши в работе. Не дождавшись ответа, но прекрасно видя меня сквозь прозрачные стенки, брат зашёл и изумился, взглянув мне в лицо:

— Анриан, ты с которого часа тут? Ты сегодня спал?

— Нет, конечно. Только вздремнул. Столько дел. У нас договор о новых поставках на подходе. Вчера была встреча с Ксанией и нужно было предпринять контрмеры по надиктованному тобой на листочек, чтобы всё шло убедительно.

— О. — Селиван стеснительно улыбнулся, снимая и протирая очки. — Всё-таки эта девчонка въехала тебе в сердце.

Я недовольно нахмурился.

— Какое сердце, Селя? Просто она идеально подходит и мне некогда искать другую кандидатку. Скромную! — Я выразительно поднял глаза к потолку, припомнив требование бабушки.

— Конечно, — брат, как обычно, не стал спорить. — Но я должен тебе кое-что сказать, Андр.

Взгляд Сели плывёт, он странно расслаблен и, хотя смотрит прямо на меня, в его глазах отсутствующее выражение, будто я прозрачный. Мямлит нечто невразумительное. Такими судьбами я от него долго итога ждать буду. Послушав мычания ещё пару секунд, не выдержал.

— Конкретней.

— У Ксании есть сестра...

— Мне не нужна её сестра, — тут же оборвал я, уверенный, что брат тоже сватает мне другую, взамен упрямой малявки.

Что до меня, то я уже на триста процентов уверен, что второй такой, как Ксания, нет. И даже если у несносной пигалицы имеется клон, то мне в любом случае оригинал. На меньшее не согласен.

Однако на этот раз я с выводами просчитался. Улыбнувшись на моё заверение (как-то

романтично улыбнувшись), Селя водрузил очки на нос и, просияв, произнёс:

— Я не о том. Её сестра нужна мне.

— А? — до меня не сразу дошло. — В каком смысле нужна?

— В том самом. На всю жизнь нужна. Хочу жить с ней под одним потолком. И хочу, чтобы ты первый узнал.

Судорожно соображаю. Вчера то, что у Ксании есть сестра, я благополучно пропустил, увлечённый нежной ладошкой и поглаживанием под грохот собственного сердца, а ведь вроде читал «досье». Да, было там что-то такое про сестру. Как же её звали?

— Стефи совершенно необыкновенная, — мечтательно произнёс Селиван, заметив мой ступор и расценив его по-своему. — Две недели назад я встретил её на рынке, но она ушла, затерявшись в толпе, и я долго не знал кто она такая...

Из пространного, с отступлениями на эмоции и подробности рассказа, я узнал о таинственной незнакомке, которую брат встретил и потерял. А вчера, благодаря моему заданию, встретил вторично. Просьба разузнать подробности о семье Милан его сначала обрадовала, потому что это подло, но зато теперь он абсолютно и совершенно счастлив. И пришёл сказать мне спасибо.

Бывает же! Я смотрел в сияющие глаза счастливого брата, на его робкую и трепетную улыбку и думал, что с нормальными мужчинами делает женщина. Селя светился так, словно теперь вся его жизнь — праздник. А я вдруг подумал, не кажусь ли таким же идиотом со стороны, когда стою рядом с Ксанией. То, как брат говорил об этой... как её... ну да, Стефании, наверняка заразно. И как же я прав, когда предпочитаю пользоваться женщинами при определённой нужде и не влюбляюсь.

— Селиван, — прервал я его, как только уложил в голове две взаимосвязанные величины. — Если ты хочешь жениться только потому, что тебе понравилась девушка... И тебе не хватает женской ласки...

— Как ты мог подумать, Андриан! — гнев брата весьма натуральный. — Я много думал те две недели разлуки, и пришёл к выводу, что Стефи та-самая для меня! Единственная.

— Ладно, — я тоже не стал спорить. — Но что ты от меня хочешь?

— Поддержки. Ты же знаешь мою мать. Она никогда на Стефанию не согласится.

Я фыркнул.

«А ты уговори!» — собрался сказать, но прикусил язык. Это же Селя! Мы практически ровесники, но мне иногда кажется, будто я старше лет на десять. Своей матери он слова поперёк пикнуть не может. И всем известно стремление его родительницы женить сына чуть ли не на принцессе крови. Она поклялась, что отыщет Селе самую лучшую, потому что он сам не сможет, и активно включилась в процесс. Перебирала девушек настолько придирчиво, будто сама с ними жить собралась. Но, с другой стороны, только эта придирчивость спасала бедолагу Селивана. Иначе он давно стоял бы у алтаря.

— Можешь на меня рассчитывать, — пообещал я, и Селиван ушёл успокоенный.

Я же задумчиво откинулся на спинку кресла. Сёстры! Просто волосы дыбом. Не знаю, какова очаровавшая брата Стефания, пока не знаком, но Ксан... Золотистый взгляд девушки колдовским озером плеснул передо мной. Как она вчера сопротивлялась! Не ожидал. Никакого нелепого хихиканья, смущения или радости от самого факта предложения. Почему-то думал, что они обязательны. Чётко заявила: не хочу, и всё! Зато потом, когда накрыл рукой её ручку, щёки заалели. А когда согласилась, и её пальчики сжали в ответ мою руку... Прикосновение невесомое, ладошка прохладная, а горячит, как кипятки. Именно

после касаний я примчался в компанию как сумасшедший. Я! У которого было прилично женщин. И рьяно обеспечивал базу для дальнейших действий. Раз уж брякнул Ксании, что куплю их дом, если она не согласится, то надо соответствовать.

Ночью поднял на ноги арендодателя и владельца. Добился, чего хотел и теперь могу быть уверен, что всё пойдёт как по маслу. Пигалице нечего противопоставить мне. И даже если она додумается, что я блефовал — у неё, пожалуй, хватит ума влезть в это дело и самой разузнавать подробности — то теперь блеф соответствует действительности. Я усмехнулся, лелея в душе восхитительное чувство победителя. И всё-таки она сказала мне «да»!

Подвинув отложенные на время документы, я с удовлетворением погрузился в мир сводок и цифр. Ещё рано, но когда на работу придёт моя будущая жена, нужно повторить то касание пальчиками. Пусть привыкает. Однако раньше, чем встреча с Ксанией, у меня случилось другое «свидание».

— Адди! — широко раскинув руки для объятий, в кабинет шагнул австралийский кузен НК.

Натан Кермт, вообще-то. Но его почти никто так не зовёт. Короткое прозвище давно приклеилось. А вот то, что он зовёт меня «Адди» — единственный! — меня бесит.

Я внимательно осмотрел довольного кузена. Вырос. Возмужал. Стал мужчиной. Но чувство самосохранения так и не приобрёл, судя по всему. Всё так же рискует получить в лоб, обзываясь.

На плече НК висела объёмная сумка, и брови сами собой поползли вверх. Какого?! Мог бы и в особняк съездить, разместиться.

— Ты что, сюда из аэропорта примчался?

— Так и есть, — радостно подтвердил НК. — Заинтриговал ты меня заданием, какой тут отдых! Как дела, брат? Ты не меняешься, по-прежнему трудоголик. Селю я уже видел. Как в старые добрые времена! Очкарика к стулу приклеивать будем?

— Нет, — рассеянно отозвался я, прикидывая, где разместить кузена в офисе. Я, конечно, хочу запустить его в дебри компьютерных программ «Андрвис», чтобы повысить эффективность компании, но рассчитывал делать это несколько позже. — Его теперь нельзя.

— Понимаю. Он девушку встретил. — НК энергично кивает. — Он со мной поделился. Сказал, что красавица и имя звонкое... Я только забыл какое. На его похоже.

Присев на стул, Натан совершенно непринуждённо перескакивает на другую тему.

— Какие будут поручения? Кабинет выделишь? Готов приступить к выполнению обязанностей прямо сейчас. — Натан пошевелил пальцами, изображая, как печатает на клавиатуре. — Спасибо, что пригласил, кстати. Обещаю, что работу исполню грамотно и быстро. И отдельная благодарность за то, что сдёрнул из Австралии. Не думал, что в Бостоне встречу свою девушку.

Последнее бессовестно пропускаю мимо ушей и вообще не сконцентрировал бы на заявлении внимания, если бы НК не добавил:

— Работает в твоей компании. Настоящая красавица!

— Уволь меня от интимных подробностей, — бормочу я. Натан тот ещё ловелас. Влюбляется по пять раз на дню. Но... Австралийский фонтан не заткнуть.

— Не вижу ни единой причины, по которой ты не можешь меня выслушать. Столкнулся с ней у входа в офис. Хрупкая, стройная, грациозная! Двигается, словно по звенящей струне идёт. А глаза какие потрясающие!

...Ещё один. Я устало вздыхаю. Поветрие, должно быть.

— Жаль, видел её мельком.

— Натан, ты меня поражаешь.

— Люблю поражать. Я был бы не я, если б не поражал. Да что я тебе расписываю красотку, когда лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Так говорят у вас в Америке? Взгляни сам: вот же она!

НК так внезапно показывает рукой сквозь стекло кабинета, что я не удерживаюсь от поворота головы. Ошарашенно моргаю из-за увиденного. А потом внутри начинает кипеть. Голос превращается в рык, пальцы вцепляются в столешницу, но Натан ничего не замечает. Он восторженно сияет, любуясь на... Ксанию. Моя малявка как раз проходит мимо.

— Видишь её, да? Единственная девушка в твоём офисе, достойная внимания. Оказывается, есть такие в «Андрвис», вот уж не думал. Обязательно познакомлюсь с ней ближе и попрошусь в гости. Приду с букетом, как полагается, — голос Натана наполняется томной медлительностью. Звучит проникновенно. — Надеюсь, красавица посмотрит на меня благосклонно. Хотя, знаешь, такими глазами она может хоть как смотреть. Её взор, словно восточная сказка, полон тайн и невысказанных обещаний. И солнечных искорок. Глаза — как редкий янтарь.

«Скорее уж дикий мёд», — мысленно возражаю я своему не в меру восторженному родственнику. А по краю радужки действительно солнечные искорки.

— Волосы — чистый шёлк! — продолжает восхищаться НК, не подозревая, что я уже на грани убийства. — А грация движений такая, что...

— Хватит! — рявкнул я, доведённый до умопомрачения.

Вскочил с места, удивляясь собственной вспышке. Я что... ревную? Обуздав бешенство, сжал переносицу пальцами и с усилием потёр.

— НК, ты когда-нибудь молчишь? Если не заткнёшься немедленно, то отправишься высказывать свои восторги по поводу Ксании обратно в Австралию.

— Так её зовут Ксания? — взгляд кузена вновь изменился, став внимательным, чуть настороженным, но тон прозвучал по-прежнему весело. — Прекрасное имя. Оно так будоражит.

— Ты осторожнее будоражься, — с угрозой процедил я. Нужно сразу расставить точки над «i». — Ты сейчас о моей невесте говоришь. Я собираюсь жениться на Ксании.

— Серьёзно? — Натан воззрился на меня. — А как же разговоры о твоей свободе, что превыше всего? И тяготел ты всегда к красоткам другого плана.

Было такое. Всерьёз задумываюсь над сказанным. Я и на Ксанию с мужским интересом до некоторого момента не смотрел. Выбирал так, чтобы спереди побольше выдавалось... Да мне безразлично на самом деле! Не знаю, почему раньше в это упирался. И считал, что девушка должна быть одного со мной социального положения. Пф! Ставил дополнительные барьеры между собой и женитьбой. Теперь уверен: это незначительная мелочь. Тем более после женитьбы у Ксании будет моё социальное положение.

— Всё меняется, — ровным голосом проговорил я, не отпуская кузена взглядом.

Он опоздал. Ксания целиком и полностью моя, и он должен принять это. Однако Натан не дрогнул. Вырос мой кузен. Обнаглел.

— И когда свадьба?

— Мы в процессе решения. Но не позже, чем через месяц.

НК присвистнул:

— С чего вдруг у тебя такое нетерпение приключилось?

Я закашливаюсь. От немедленного убийства родственника меня спасло появление невесты. Та, о ком мы говорили, постучалась в кабинет. Зашла получить распоряжения по поводу работы.

— Мне на парковку или в архив? — с ехидцей поинтересовалась она, отчего НК перекошило от ухмылки.

«Умеешь ты ухаживать», — едва слышно пробурчал он мне.

А «мистер Алмазов» от Ксании и явное желание держаться подальше произвело на кузена неизгладимое впечатление. Он весело оценил пассажи девушки, затем моё сумрачное лицо (я был очень, очень недоволен; особенно дистанцией) и громко заявил:

— Так между вами ещё не до конца слажено? Не похоже, что тебя считают крепко любимым женихом, брат.

Натан приблизился к Ксании, и некоторое время я был вынужден наблюдать за их разговором. Весьма любезным, кстати. Эта малявка... Она ему улыбалась! НК говорил нечто приятное, шутил, и её первоначальное удивление перерастало в симпатию. Я чувствовал себя, как закипающий чайник.

— НК, тебе нужно работать, — наконец рыкнул я, утомившись смотреть на танцы павлина. — Ты хотел кабинет. Сейчас будет. Очень благодарен за то, что приехал, но сейчас иди.

— Ну, какая благодарность, Адди! — Ксания хихикнула, прикрывшись кулачком. — Я лучше развлеку Ксанию, прежде чем пойду.

«Я тебе развлеку!» — от всей души шипел я, но вслух ограничился яростным:

— Мисс Ксания Милан для тебя. Скоро Алмазова. Иди, пока я не передумал. И ты, Ксания... тоже.

Глава 7. Вы не имели права!

Анриан

То, что я не видел упрямую девчонку после нашего разговора несколько часов, дошло до меня не сразу. А ведь приказал ей идти и заняться работой. Правда, что именно делать — так и не сказал. По счастью, Натан сидел в выделенном ему кабинете, занимался делами, по офису не бродил (а, следовательно, с Ксанией не пересекался), и это меня успокаивало. Австралийский кузен на самом деле стал высококлассным специалистом. С первых же запущенных тестов он нашёл уязвимые места в электронной системе охраны моей фирмы, исправил их, а затем утонул в компьютерных выкладках. Работает теперь, анализирует, хмурится и больше ничем не напоминает отчаянного камикадзе, наперекор зовущего меня Адди.

Убедившись, что НК плотно завален работой, я вновь испытал зудящее беспокойство за невесту. Где эта неугомонная девчонка, чёрт возьми? Уйти из офиса без спроса она не могла, и я усиленно соображал, куда Ксания могла деться. Не додумавшись, набрал секретарей и задал животрепещущий вопрос.

— Где моя... — резко осёкся, прикусив язык. — Где мисс Милан?

— В архиве, доделывает данное ей Вами поручение.

— Что?!

Моя будущая жена не должна разгребать пыль! От возмущения я поднялся, сдавливая в руке трубку. Да, сам дал такое задание накануне, но ведь накануне же! Тогда я ещё не знал, что у Ксании будет задача важнее.

Пылая от ярости, я широко шагал по коридорам, вспоминая, где находится этот самый архив. Кажется, за ресепшеном. Там была комнатка, которую я забраковал, и долгое время не знал под что приспособить. Иду туда, почти не глядя по сторонам, тогда как на меня косятся и шепчутся с увлечением. Похоже, мои оговорки не прошли даром. Слухи о женитьбе просочились в массы и народ обсуждает. Около ресепшена целая толпа: менеджеры, логисты, пара секретарей другого отдела.

— Вон, — команду я, и всех их сдувает с места.

В архиве удивительно чисто. Все полки в идеальном порядке, пол блестит. Плотно закрыв за собой дверь, я с удивлением оглядываю наведённую красоту. Это всё Ксания сделала? Отсортированные папки выстроились на стеллажах стройными рядами, а я смутно припоминаю, какими безобразными кучами они валялись на полу. Все подписаны; в углу «архива» небольшой столик с письменными, и только небольшие стопочки тех же папок по углам говорят, что дело ещё не закончено. Особенно впечатляют два центральных ранее пустых стеллажа. До Ксании они смотрелись грустными скелетами, теперь же создают ощущение заполненности и закрывают обзор. За ними совершенно не видно Ксанию, тогда как я точно знаю, что она тут. За стеллажом слышится шорох и бормотание, периодически прерываемое мелодичным мурлыканьем. Она напевает?

Заинтригованный, обхожу стеллаж как можно осторожней и вижу невесту. Так и есть, Ксания поёт. Мотив немудрёный, но голос до того приятный, что я несколько секунд с удовольствием слушаю. Песенка нравится и Ксании. Нежные губы расплываются в улыбке, глаза сияют, и смотреть на одухотворённое лицо этой вредины невыразимо приятно. Не замечая меня, Ксания с увлечением перелистывает очередную папку. В руке ручка, волосы

растрепались, поза непринуждённая.

— Кхм! — громко кашляю, разрываясь от желания дать о себе знать и подойти тихо-тихо. Растормошить до конца волосы и полюбоваться на водопад прядей в свободном великолепии.

Взвизгнув, Ксания хватается за сердце. А золотистые глаза наполняются возмущением.

— Вы меня напугали!

— Что ты здесь делаешь? — задаю животрепещущий вопрос.

Не то чтобы я был недоволен нашим уединением, но факт, что девчонка снова поступила по-своему, раздражает.

Ксания отступает от меня к стене, что-то неразборчиво ворчит. А мне вдруг безумно интересно о чём она думает. Какие мысли бродят в этой хорошенькой, строптивой головке? Как она пережила вчерашний вечер, думала ли о моём предложении? У меня ещё не было случая узнать об этом. Охватываю её взглядом: на малявке снова скромное невзрачное платье, но я-то помню какая она была вчера! Лепесток огня! Фея. Шагаю ещё ближе, невольно отмечая, что девушка пятится.

— Ты меня боишься?

Ксания

Как бы не так! Хотя нет, вру. Боюсь, конечно. Вспыльчивый нрав Андриана Алмазова известен всем, а мне в особенности. Успела многократно испытать на собственной шкурке. Поэтому отвечаю с осторожностью, чтобы не спровоцировать вспышку.

— «Боюсь» — не совсем верное слово.

— А какое слово будет правильным? — Алмазов не отступает. Он всегда был дивно упрям.

Приближается ко мне, хмурится, а я, глядя в пасмурневшие карие глаза, думаю, что всё-то у него не как у людей. И даже в этой обычной фразе столько напряжения, словно мужчина жаждет услышать от меня нечто особенное.

— Опасаюсь. — Продолжаю пятиться. — Видели бы Вы себя сейчас в зеркале, тоже бы начали остерегаться.

— Это вряд ли, я не из пугливых, — он хмыкает. — Ксания, нам надо поговорить.

Его желание пообщаться трудно не заметить, но каждый раз, когда мы разговариваем, что-то происходит. Лучше не начинать! Поэтому, мысленно скрестив за спиной пальцы, выдаю нейтрально:

— Я работаю.

— Здесь я решаю, кто и когда работает. И кем. Я не давал тебе распоряжения идти в архив.

— А оно было нужно? Не люблю незавершённых дел и хотела довести это задание до конца.

— Хвалю твоё рвение, но на разборки завалов закончены.

Алмазов смотрит на меня, играя желваками на скулах. А потом, переведя взгляд на окно, косится в него, с явным неудовольствием прислушиваясь к врывающимся в открытые створки звукам улицы. Протягивает руку закрыть.

— Не надо! — резко реагирую я, чувствуя, как клетка сейчас захлопнется. И то, что в ней я буду не одна, только усугубляет панику. Я дёргаюсь, тоже косясь на окно.

— В чём дело? — Андриан замер с протянутой рукой.

— Я-аа... Не выношу замкнутых пространств, — признаюсь, краснея и стыдясь собственной слабости.

Ещё больше мне неловко от того, что в слабости приходится сознаваться ему. Хотя, с другой стороны... Он же сказал мне про диабет.

— Сильно не выношу. Боюсь.

— По тебе не скажешь, что ты чего-то боишься, — парирует мужчина, однако руку от окна убрал и створки оставил открытыми. — Ты вчера сказала мне «да», помнишь?

Он переходит к любимой теме и на лице вспыхивает выражение торжества.

— Теперь нам предстоит следующий шаг: знакомство с семьями. Предлагаю не затягивать. Помня, как вчера ты бодро отговаривала меня от немедленного визита к твоей тётке, аргументируя тем, что уже поздно, даю тебе выбор. Или сегодня ты едешь ко мне, или после работы я еду к тебе. Мы объявляем об отношениях и сообщаем о планируемой свадьбе. Всё ясно?

Вот так, без лишних экивоков. Умеет Алмазов не заморачиваться с формулировками. И снова это сказано так... В стиле Демона, в общем. Я страдальчески вздыхаю. Прости, Боженька, но он... Он дурачок! Кому вчера я рассказывала про смысл семьи и свадьбы? Всё прошло мимо его сознания. Или он специально пропустил.

— Я с вами поседею, — нервно бурчу, думая, как выкрутится.

Раз уж согласилась на брак с такой женщиной, нужно изобретать способы борьбы с ним. А взгляд Андриана неожиданно томно скользит по моим волосам.

— Это вряд ли, — мягко отзывается он, и нежный тон в голосе так удивителен, что я подвисяю.

Интересно, мне кажется, или правда во властных нотках проскальзывают бархатные мурлыканья? Тембр такой... тёплый. И смотрит по-особенному. Ух, аж мурашки по коже. Так, спокойно! Быстро ставлю себя на место. Обольщаться не стоит. Это же Алмазов. Наверняка ему просто от меня что-то надо. А точнее, раскручивает на визит к семье. Вчера вон по руке погладил, «да» вырвал, такой довольный потом сидел! Как бы его сейчас на подвиги не потянуло.

Изо всех сил дышу, пытаюсь успокоиться. Воспоминание о поглаживании было некстати. Оно обрушилось как чувственный водопад, воскресило всё, что я ощущала вчера. Лицо опалило жарким румянцем.

— Это просто выражение такое, я не буквально. — На всякий случай отодвигаюсь подальше к окну. — С Вами я скорее повешусь.

— Ничего не имею против.

— Что?!

— Ты сама предложила. — Андриан ухмыляется, глаза мерцают. — Согласен быстро стать вдовцом. Но свадьба всё-таки должна состояться.

— Не дождётесь! — тут же взвиваюсь я. — Это я Вам про жизнь говорю. Я планирую здравствовать долго!

— И в этом не сомневаюсь. Просто трудно было отказаться от столь заманчивого предложения.

Он снова ухмыляется. Ну и шутки! Я задыхаюсь, испытывая острое желание его прибить. Какой же он... изумительно наглый!

— Есть немного, — соглашается мужчина, и я понимаю, что выдала это вслух. — Но только когда меня провоцируют. Ксения, не беси меня! — отбросив насмешки, чеканит он.

Глаза зло чернеют. — После вчерашнего согласия твои пикировки — напрасная трата времени. Ты теперь моя и учишь подчиняться!

— Ваша?! — забыв о благоразумии, я подпрыгиваю на месте, упирая руки в бока. Даже подшагиваю к мужчине, не замечая собственного приближения. — Ваша я буду, когда Вы мне кольцо на палец оденете, а сейчас я ничья! Всего лишь «да» вчера сказала, а Вы уже и разлетелись! Умерьте свой пыл, Андриан Алмазов!

Андриан

Ух! От глаз девчонки искры сыплются! В золотистых очах столько яростно-непокорного выражения, что завожусь с пол оборота. Мне много и не надо. Соппротивление Ксании как красная тряпка для меня. А ведь вчера искренно считал, что дело сделано. Думал, что всё уладил. Теперь малявка станет послушной — должна такой стать! — но она покорней не становится. Её гнев под стать моему и это дополнительно заводит. Однако уцелевшей от ярости каплей сознания соображаю: с кольцом она правильно сказала. В этом замечании есть смысл. Скольжу взглядом по тонким пальчикам, хищно представляя, как одеваю на нужный кольцо. Собственноручно, при всех. И после этого моя! Чёрт возьми, быстрее бы. Потому что новой порции нравочений я не вынесу. Вчера «невеста» половину вечера внушала, как важно правильно сватать девушку. Мол, надо поступать, как нормальные люди. Они честно договариваются с семьёй, а не тайно за спинами решают. И вообще, Ксания вела себя так, будто я ничего про это не знаю. По её мнению, я с Луны свалился? С реалиями знаком. И с каждой минутой всё больше хочу быстрее устроить свадьбу. А полноценное знакомство с семьями можно потом. Если в нём останется нужда.

— Обязательно одену, — не могу удержаться от злорадства и лёгкой издёвки. — Даже не сомневайся. Колечком я тебя тоже помечу. И не только колечком, Ксания. — (Девушка краснеет). — Что касается семьи, то не переживай. Свадьбу проведём по всем правилам. Но пока мы поступим так, как я сказал. Я мужчина. Я принимаю решения. И сегодня ты явишься перед моими родственниками, как состоявшаяся невеста.

Я подумал о бабушке, которой следует предъявить найденную девушку. Пусть не думает, что мои поиски безуспешны. Подумал о семье Ксании, где пока не знают о столь важном изменении в судьбе дочери, а также о Натане, который нынешним вечером собрался к Ксании в гости. Насколько я знал, бабушка не пыталась связаться с Келлером, чтобы говорить с ним об акциях, а это значило, что она действительно ждёт, дав мне слово. Зато на бездействие со стороны Натана рассчитывать не приходится.

— А ещё ты переедешь ко мне.

Девушка ошарашенно моргнула.

Звуки улицы врываются в открытое окно, отвлекают, развеивая потрескивающие между нами с малявкой искры, и я мечтаю закрыть его, чтобы остаться со своей невестой в тишине. Но я помню, что Ксания сказала про боязнь замкнутых пространств, а потому оставляю окно как есть. Сосредотачиваюсь на девушке. Выражение её золотистых глаз бесценно! Смотрит на меня, явно переваривая новость о переезде, и нежные губки зачарованно приоткрываются. Мне становится трудно дышать. А что, если... Подшагиваю к ней, сокращая расстояние. Ксания пятится к окну, настороженно наблюдая за мной и явно с трудом переводит дыхание. Тянет пальчиком ворот. О-ох. Оголившаяся кожа — как откровение.

Ксания

Он колдун. Только что мы ругались и вот... Глаза Андриана стремительно темнеют. Он смотрит на меня так, что в окружении пропадают звуки. Зато витает напряжение, флюиды томности, как вчера вечером. Они смешиваются с терпкой аурой мужской властности. Я больше не слышу звуков из окна, не замечаю стеллажей, зато отчётливо замечаю, как напряжение отпускает плечи Андриана. Мужчина быстро и плавно подаётся ко мне, и от хищности этого «броска» волоски на руках поднимаются дыбом. Что он задумал? Андриан смотрит пристально. Тьма в его глазах завораживающе-мерцающая, словно обсидиан. Красиво. Хм, что-то последнее время я слишком часто замечаю перемены в цвете глаз босса. Прямо миллион оттенков Алмазова, и я уже выучила половину. Мне бы бежать, но я не могу оторвать от него взгляда.

Лицо мужчины приближается. Нахожу в себе силы попятиться к окну маленькими, крохотными шажками. Андриан тут же сокращает расстояние большим и уверенным. На секунду взглянув вниз — посмотреть, как я отступаю — Алмазов усмехнулся. Мурашки по коже, настолько эта усмешка полна коварного обещания. А затем он молниеносно оказывается вплотную. Смёл меня, прижал к полкам, и с той стороны на пол с глухим звуком шмякнулось несколько папок. А ведь я их с таким трудом разобрала и сортировала! Подаюсь в сторону, пытаюсь сбежать, но Андриан кладёт на стеллаж руку. Сначала одну, потом другую. Заключает в своеобразный плен. Он меня не касается, но вся крепкая фигура притиснута почти вплотную. Воздух звенит между телами, дышать становится тяжело.

— Это... лишнее, — лепечу я, ощущая, как мурашки стаяй понеслись к сердцу.

А потом в пятки, обжигая стремительной волной. Это ведь страх, да? Страх? Изо всех сил вжимаюсь в стеллаж, лишь бы избежать близости. В груди кипит. Алмазов меня сейчас совращает что ли?! Если думает, что ему всё можно, то он жестоко ошибается! И я ему сейчас об этом скажу! Однако дерзкие мысли вышибает из головы, как только Андриан касается моего лица. Невесомо ведёт костяшками пальцев по щеке, подбородку, очерчивает овал, и зрачки у него расширяются. Следит за движением собственных пальцев, за моей реакцией, глубоко дышит.

— Не надо меня бояться, — хрипло шепчет он.

Меня колотит. Хочется бежать от горячего мужского тела с воплем ужаса, но ноги не трогаются с места. Андриан прижимается. Так, что его жар пронизывает сквозь одежду. И запах. Он окунул меня в свою ауру. Мужчина пахнет грозой и ливнем. Это неожиданно приятно.

— Ксания, — шепчет Андриан.

В хриплом тоне обещание много чего разного. Упираюсь ладонями в твёрдую грудь. Она обжигает. Но я упрямо напрягаю руки, лишь бы оттолкнуть.

— Не надо, — непривычно ласково просит Алмазов. Сгребает мои ладошки в свои, и прижимается ещё теснее, стискивая мои руки между нами. — Не отталкивай меня.

В его прикосновениях столько дерзости, что сердце сбивается. Никто не готовил меня к такому поведению мужчины! А также к бархатным зовущим ноткам в мужском голосе. Знаю, что нужно оттолкнуть Андриана, но какое там! Меня тянет к этому мужчине словно магнитом. Хоп! И разум за грань. Нет больше рассудительной Ксании. А ведь она только что уверяла, что будет сопротивляться. На пол падает ещё несколько папок, но звук звонких шлепков не отрезвляет. Горячее дыхание босса обжигает скулу. Андриан утыкается носом мне в волосы, втягивает запах и тихо стонет. Это настолько маняще, что колени

подгибаются. А он словно догадывается. Обхватывает за талию, прижимает к себе. Мне нравится.

Через секунду горячие губы касаются виска. Ой, мамочки. Андриан меня целует? Целует?!

— Значит, страх замкнутых пространств, — шепчет босс, и его голос ещё больше напоминает мурлыканье. — А тесноты?

Крупные ладони скользят по спине. Одна смещается вверх, другая вниз, к бёдрам. Оо-ой. Хватка такая, что оторвать нельзя.

— Сейчас тебе страшно?

Именно сейчас мне не страшно, но я не могу дать определение захватившему чувству. Кожа пылает. Андриан проводит кончиками пальцев по моим губам, и тело предательски отзывается. Я почти всхлипываю. Из последних сил пытаюсь отшатнуться, и моя паника отражается на лице Андриана вспышкой удовольствия.

— Ясно, — усмехается он. — Мужчин у тебя ещё не было.

В его глазах столько удовлетворения, что даже не по себе.

— Я-а... — мой голос предательски дрожит.

Хочется опровергнуть Зазнайку. Сказать, что я опытная. Да! Но ведь не обманешь. Ещё сердца стучат рядом, и этот звук оглушает.

Добравшаяся до затылка рука сгребает всей пятернёй мои волосы, фиксируя голову, и губы Андриана накрывают мои.

Андриан

Забываю обо всём. Боже, какая она сладкая! Меня несёт. Ксания меня зажигает. Вспыхнув, впиваюсь девчонке в губы. Мягко покусываю, поглаживаю языком, задыхаюсь от острых ощущений. Буквально впечатываю девушку в себя. Ладонь, скользнув по её гибкой спинке, ложится на затылок, и я с удовольствием сминаю шёлковые пряди, наслаждаясь поцелуем. Затягиваю Ксанию в чувственный омут. Моя строптивица прерывисто дышит, но больше не отталкивает. Это ещё одно удовольствие. А я горю. Уже дымлюсь! Сердце бешено колотится, гулко отдаваясь в висках. Нежные губы девушки полностью в моей власти. О-о, меня ждёт очень насыщенная супружеская жизнь! Жадно владея ртом Ксании, я пользуюсь тем, что у неё не осталось сил на сопротивление, прижимаюсь бёдрами, где всё давно готово. Девушка же в растерянности лишь крепче хватается за мои плечи. Позволяет целовать. И ей явно нравится. Я скользнул языком чуть глубже, познавая в совсем откровенной ласке. В грохоте собственного сердца ликую, что поцелуй взаимен. Ксания мне ответила! Пусть не сразу. Робко и очень неопытно, но ответила. Моя, моя, теперь точно моя! Осталось только колечко одеть. Быстрее бы уже свадьба. Бабушка будет удивлена: скоро я стану подгонять её.

Дыхание кончилось, и я оторвался от губ Ксании. В запале (а ещё потому, что не хочу останавливаться) расцеловываю девичье лицо, запоминая черты губами. Касаюсь скул, щёк. Унимаю наше обоюдное сбитое дыхание.

— Жарко, — шепчет красавица.

Она млеет под моими ласками. Стоит, прикрыв глаза. Губки приоткрыты. И я немедленно срываю наисладчайший поцелуй, без всякого сопротивления. Обвожу пальцами линию точёных скул, удивляясь, что руки подрагивают, ползу ими к груди. Ммм!

— Значит, так для тебя уже жарко, — отзываюсь тихонько. — Буду иметь в виду,

нежная моя.

Ксания распахивает глаза, будто очнувшись от моего хриплого голоса. Как же безумно приятно держать её в объятиях! Продляю ласку, прижимая девушку к себе. Должно быть, вид у меня сейчас шальной, сам чувствую. Однако через секунду ледяной душ. Меня отрезвляют слова малявки:

— Мистер Алмазов, я не хочу к Вам переезжать.

Ксания

— Мистер Алмазов, я не хочу к Вам переезжать.

Бормочу, уткнувшись носом в широкую грудь. Получается сдавленно, глухо. Но уммм, дайте мне надышаться запахом этого мужчины! Напитаться его силой и терпкой уверенностью. Как я раньше без такого жила? Дышу-дышу-дышу, потому что скоро придётся разорвать объятия. Демон вспылит и начнёт орать. И хорошо, потому что сил оторваться от него самостоятельно у меня нет. За минуту он зацеловал меня до слабости в коленях и определённо доволен этим. Как такому сопротивляться?

Мужские руки на талии после моих слов тяжелеют, но не отпускают.

— Как это не хочешь? — вокруг Алмазова, кажется, раскаляется воздух. — Чем тебе мой дом не нравится? Или, может быть, я?

— Это неприличное предложение! — краснею я. — Что люди подумают? До свадьбы...

— К бесу «до свадьбы»!

Ну да. Где он, и где следование приличиям! У Русского Алмаза свои нормы. Обхватывает так, что не дёрнешься. Вот ведь упрямый, непрошибаемый Зазнаище!

— Поедешь ко мне, — припечатывает он.

— Нет.

— Ксания, я не безосновательно такое предлагаю! Ко мне домой.

— Нет!

В груди мужчины глухой рык. Ой, мамочки! Я точно с человеком сейчас целовалась? Едва нахожу в себе силы дёрнуться.

— Вы меня не заставите.

Босс глухо выдохнул. Он злится. Точно злится. Прикрыл глаза, усиленно дышит. Но себя контролирует. Потом распахнул глаза и смотрит прищурившись. Плотноядно.

— Я твой почти муж.

— Почти не считается.

— Кссания!

Шипит, как змей.

Спасая положение, в дверь архива кто-то стучит. Я вздрагиваю. Андриан тоже приходит в себя. Мы оба вспоминаем, где находимся. Конечно, эта компания для Демона собственность, он может творить что хочет, но я...

— Я занят! — рявкает Андриан, даже не думая выпускать меня из плена рук, хотя я оттуда уже рвусь.

Стучат снова.

— Мистер Алмазов, можно вас на минуточку? — в звучащем вопросе узнаю голос Натана. Того самого, что назвал грозного и ужасного босса «Адди». — Тут у нас производственные вопросы накопились. — В словах звучат ехидные интонации. — Может, выйдете?

На лице Андриана обещание страшенной бури.

— Идём, — фыркает он, явно собираясь выйти со мной подмышкой.

— Вы не имели права меня целовать. Вы...! — яростно шиплю, продолжая рваться из его рук.

А он не отпускает. Лишь сверкнул глазами, поворачиваясь к двери. Андриан словно тигр в клетке. И сейчас он из неё выпрыгнет.

Глава 8. Приключения объединяют

— Прогуляемся?

В словах Натана слышится осязаемая просьба. А я считаю себя виноватой, потому что совсем недавно славному парню влетело из-за меня. Впрочем, не то, чтобы совсем из-за меня. Скорее за то, что посмел выдернуть взбешённого Андриана из архива. Но не могу отделаться от ощущения, что первопричиной являюсь всё-таки я. Слишком уж многозначительно смотрели на меня сотрудники офиса, столпившиеся неподалёку, и слишком выразительно оба мужчины, когда оторвались от взаимных пререканий. Тогда, сгорая от смущения, я вышла в коридор после Алмазова, но не суть. Взрослым людям не нужны особые поводы, чтобы предположить, чем занимались мужчина и женщина наедине. Мне казалось, все о поцелуе. Тем более сама могла думать только о нём. Щёки пылали. Нацелованные губы горели. Мысленно я молила судьбу не оставаться больше с боссом наедине, и сама понимала, что лукавлю. Хочу. И ещё как! Едва держала себя в руках, чтобы не коснуться припухших губ. Сделаю это и под перекрёстным огнём взглядом меня сразу запишут в любовницы Алмазова. Нижнюю губу всё-таки прикусила на секунду; привычка. Крохотное мгновение, но в глазах Демона сразу полыхнул многообещающий огонь. Зато потом я демонстративно спокойно выпрямилась и с прямой спиной прошествовала мимо Алмазова, Натана и сотрудников, стараясь абстрагироваться от шепотка, несущегося следом.

«Это из-за неё они чуть не подрались», — доносилось приглушённо.

«Совсем недавно в компании, а мужчины сошли с ума».

«Не может быть! Чтобы сам Алмазов...».

«Такого ещё не бывало. Но ты видел их? Сцепились не на шутку».

Какой стыд! Хотелось провалиться сквозь землю. Лицо полыхало огнём. Тогда я едва подавила желание сорваться на бег и мчаться прочь без оглядки. Подальше от любопытных разглядываний. Спрятаться где-нибудь. Под столом, у Зазнайки в кабинете, да! Там будут искать в последнюю очередь. Хотя нет, плохая идея. Стены кабинета у Алмазова прозрачные. Сидит, будто в аквариуме. Рыбка золотая. Вернее, дьявольская.

Но обо всём по порядку. Андриан вылетел из архива, словно джин из бутылки. Устроил разнос. Всем. И правым, и виноватым. За то, что посмели отвлечь его от... — как он это назвал? — от индивидуального планирования, вот! Но больше всех досталось НК. С ним босс сцепился по-настоящему. Отчитал и за вмешательство, и за рабочие моменты, а гнев в словах кипел такой, будто Натан устроил конец света. А теперь НК приглашает меня выйти. Как бы чего не вышло.

— В каком смысле прогуляться? — оторопело спрашиваю я.

Он шутит, наверное. Или отчаянный на всю голову.

— Просто выйдем из офиса, тут парк совсем рядом. Пройдёмся по дорожкам, подышим свежим воздухом.

И смотрит так весело. Открыто подмигивает. Точно отчаянный!

— А ты уверен, что хочешь себе таких... эээ... проблем? — осторожно интересуюсь, представляя реакцию босса. Если Андриан так сердился за вмешательство в «индивидуальное планирование», то как он отреагирует на прогулку?

— Разве это проблемы? — всё так же весело реагирует Натан. — Это к тебе сам Андриан Алмазов с женьбой прицепился. Вот это — проблемы! А у меня так, временные

сложности.

Весело прыскаю в ладошку. То, что мы, по сути, говорим об одном и том же и то, что наши проблемы напрямую связаны, НК не смущает. Речь австралийского программиста звучит до того забавно, что не выдерживаю и смеюсь. Уверена, ещё никто не называл Андриана Алмазова «временной сложностью». Услышь он такое, его бы удар хватил. А Натан милый. Думаю о том, что в другое время с удовольствием погуляла бы с ним, тем более парк рядом с офисом очень красивый. Любуюсь всякий раз, когда бегу на работу. Но гулять с НК после скандала... Лучше не усугублять. Я уже готова отказать мягко улыбающемуся мужчине, как тут к нам подходит один из менеджеров и отдаёт мне записку, буквально впихнув её в руки. И быстро уходит. С недоумением разворачиваю бумагу.

«Через десять минут выйди на крыльцо офиса. А.» — гласит записка.

Сразу ясно от кого она. Неповторимый приказной стиль Алмазова во всей красе. Выйди и всё тут, возражения не принимаются. И почерк размашистый, уверенный. Посмотрев на Натана, грустно вздыхаю. Лучше выйти, пока Демон опять не разбушевался.

— Это от Адди? — молодой мужчина заглядывает в записку и мрачнеет. — Значит, не одному мне пришла в голову идея выгуляться... Простите, Ксения. Прогуляться. Я иногда путаю слова.

Н-да. Чудит Алмазов, а стыдно мне. Чувство противоречия захлёстывает с головой. Что это он себе позволяет? Он теперь всё за меня решать будет? Идея прогуляться с НК расцветает новыми красками. С ним — как с надёжным другом. А если кто-то злится, то это его проблемы.

— Давай прогуляемся. Думаю, получится очень увлекательная прогулка.

Натан энергично кивает.

Мы выходим из здания, но моим надеждам опередить Демона не суждено было сбыться. Андриан уже стоит снаружи и определённо ждёт. При виде Натана его глаза вспыхивают злостью, придавая лицу хищное выражение, и для полного эффекта Андриан ещё и голову набок склоняет, взирая на нас. Прямо мурашки по спине. Ни дать ни взять охотник на тропе войны, а мы его жертвы. В первую очередь НК, разумеется; судя по пристальному взгляду. А меня Андриан просто покусает. Потом.

— Мы решили прогулять, — неизвестно зачем сообщаю я, и прячу прихваченную с собой записку в карман, чтобы Андриан не увидел. Но он отслеживает и это движение.

— Угу. — Алмазов мрачен.

Зато НК не теряется.

— Обеденный перерыв, имеем право.

Он заходит вперёд, чтобы помочь спуститься со ступенек и галантным жестом берёт за руку.

— Рад, что ты согласилась, Ксения.

И тянет к себе. Глаза Андриана вспыхивают ярче. Он заходит с другой стороны, тоже протягивает руку, а потом, ощутимо сжав пальцы, перецепляет за талию. Прижимает к своему боку.

— Наконец-то ты вышла, дорогая, — в тон Натану говорит он.

А потом делает вообще невообразимое: целует в щёку. С ума сошёл?! Пока я пытаюсь отдышаться и переживаю сонм мурашек по позвоночнику, ехидный взгляд Андриана сталкивается с упрямым выражением на лице Натана. Эти двое меня довести решили? Что-то там напридумывали и давай бодаться?

— Перестаньте оба! — командую резко.

Избавившись от их рук, самостоятельно спускаюсь по ступенькам. Мужчины идут следом, каждый со своей стороны. Оба мрачные, полные решимости не уступить. Они как два огня справа и слева. И если по одиночке я могла бы их выдержать (с НК в любом случае получилось бы проще), то вместе... Их двух как-то много для меня одной. Я уже начинаю жалеть, что согласилась на прогулку. И невольно ловлю юмор ситуации. После ругани в архиве, прогулка сразу с двумя. Чувствую, как Андриан кипит: его горячие руки красноречивее слов, но чувство вины себе испытывать не позволяю, также как и стушеваться или сбиться с шага. Иду, словно так и надо. Стараясь не думать о том, как мы выглядим со стороны. Оба мужчины тоже напускают на себя невозмутимый вид.

Тянет нервно хихикнуть. Один подтянутый, в костюме с иголки. Другой тоже подтянутый, но джинсах и футболке. Натану невероятно идёт. Судя по весёлому насвистыванию, он начал получать удовольствие от прогулки. А я лелею надежду, что Алмазов не перенесёт своей злости и уйдёт. Тогда победу Натана можно будет считать свершившейся. НК будто думает о том же. Нарочито громко он начинает спрашивать у меня весёлые пустячки, уточнять, как я училась в школе, как выглядит мой дом... И прочее, прочее. Болтать он умеет! Причём делает это мило и интересно. Андриан хмурится, однако не сдаётся. Продолжает размеренно шествовать рядом, засунув руки в карманы. Болтать он не мастер, давит взглядом сощуренных глаз, и держится настолько близко, что чуть качнись я, и мы соприкоснёмся бёдрами. От осознания этого кровь бежит быстрее и периодически слабеют колени.

Пытаясь избавиться от тревожного ощущения, верчу головой по сторонам, осматриваю окрестности. Парк красивый! Тропинка, по которой мы идём, живописная. По краю усажена цветами и, чуть подалее, декоративным кустарником, источающим приятный аромат. За кустарником высажены деревья, образующие аллею. Аллея живописной лентой стремится вперёд, услаждая взор качающимися ветвями. А в конце дорожки маячит забытый долгострой. Всё портит, конечно. Даже удивительно откуда тут не доведённое до ума здание. Вздыхая, думаю, что прогулка была бы очень приятной, если бы не Андриан, шагающий впритирку. В его присутствии даже дышится с трудом, не то что гуляется. Намеренно отстаю, пропускаю обоих мужчин вперёд, и в это время у меня в сумочке вибрирует телефон. Сестра! Стефания волнуется, находясь под впечатлением утреннего разговора.

— Ксания, ты как? — без приветствия спрашивает она и, уловив посторонние звуки, уточняет. — Ты на улице? У тебя точно всё в порядке?

— Да, сестра, всё хорошо. Просто мы вышли погулять.

Кто «мы» не уточняю, но Стефания сама делает выводы.

— О, прости, что помешала. У тебя свидание.

— Эм, — я жарко краснею. — Ну какое свидание! Не выдумывай, Стефи.

Андриан и Натан оборачиваются и пристально смотрят на меня. Очень синхронно.

— Дальше мы сами, кузен, — говорит Андриан после секундной паузы, перехватывая инициативу. — Перелёт из Австралии тебя утомил. Отдохни.

— Прогулки полезны, — парирует Натан и улыбается. — Я с удовольствием гуляю, не переживай.

Во взглядах мужчин практически идентичное выражение. Перемирие явно закончено. Андриан шагает шире, заступает дорогу, и преграждает путь одновременно и мне, и Натану.

— Я настаиваю.

— Ну, что ты.

— Как только домашние узнают, что ты сразу с самолёта рванул в офис, они нас убьют.

Андриан ухмыляется, но оттенок злорадства в улыбке ему идёт. Нанке не сдаётся.

— Я тут подумал, Адди, — заявляет он, словно вдруг принял некое решение. — Задача, которую ты передо мной поставил, весьма обширна. Мне нужен помощник. Выдели на эту роль Ксанию и дело пойдёт быстрее. Я научу её анализировать выводы по программам, она станет писать заключения. Девушка видится мне для этого достаточно способной.

Ух! Дыхание останавливается. Прямо физически чувствую, как поднимается в Андриане гнев. Вскипает. Однако невероятным чудом Алмазов его сдерживает.

— Ты хорошо подумал? — роняет он, и даже глухой разобрал бы в его тоне угрозу.

Но НК точно камикадзе, потому что спокойно повторяет просьбу.

— Работая со мной, она наберётся опыта и узнает много нового, — аргументирует Натан. — А что она может узнать, разбирая архивы?

Удар ниже пояса. Андриан бледнеет. А я... Ой, какие перспективы открываются! Прямо другой горизонт. Я не против!

— Знаю я, зачем ты Ксанию к себе тянешь, — начинает Андриан, но я его перебиваю.

— Ничего, что я тут рядом с вами стою? — вскрикиваю, не в силах молчать. — Немедленно прекратите! Натан, от Вас я такого не ожидала.

Натан с извиняющимся выражением лица кладёт руку на грудь.

— А Вам, мистер Алмазов, я уже говорила и повторю снова: умерьте свой пыл! И если хотите загладить вину после случившегося в архиве, то объясняю на будущее: Вы должны учитывать и мои желания тоже!

Это я сейчас не только поцелуй имею в виду. Авторитарную записку в том числе. Однако Андриан всё понимает по-своему.

— Вину? — чёрная бровь саркастично изгибается. — Не чувствую никакой вины. И я люблю учитывать женские желания.

Его голос подхрипывает, напоминая о происшествии в архиве и вызывая волну жаркого смущения.

— Про якобы вину звучало мило, Ксани, но тут я предвзят. Лучше даже не начинай спор.

«А то получишь быстрый и убедительный ответ», — безмолвно завершает его взгляд.

На лице Натана острое любопытство: что же такое случилось в архиве (хотя сдаётся мне, он догадывается), но через секунду он меня выручает.

— Так что насчёт моей просьбы, Адди?

— Нет. Только сумасшедший решится просить у меня в помощники Ксанию... ради несерьёзных намерений.

— А с чего ты взял, что они несерьёзные?

Они неисправимы! В гневе и шоке разворачиваюсь, шаря взглядом по сторонам, думая, куда бы мне деться от этих двух петухов. Спор мужчин заполняет лёгкие расплавленным волнением, даже голова кружится.

— Поговорим не при Ксании, — сдавленно шепчет НК, заметив моё состояние и Андриан зловеще отзывается:

— Поговорим.

Достаточно с меня прогулки! Я срываюсь с места и устремляюсь к маячащему впереди

долгострою. Серое здание вдруг становится очень привлекательным. Не желаю больше ничего слышать!

— Ксания! Нет! — кричит первым отреагировавший на моё бегство Андриан, и в его голосе паника.

Андриан

Любой долгострой — зрелище угнетающее. Откуда только взялся тут этот, в конце парковой аллеи понятия не имею. Будь я владельцем данного объекта, съёс бы его, не раздумывая. Дешевле, чем восстанавливать, и позора меньше. Когда-то белые, а сейчас серые стены пестрят проплешинами осыпающейся штукатурки, во многих местах «украшены» многочисленными подпорками. Подпорки ощутимо шатаются и скрипят. Пустые окна тарашатся тёмными провалами. Справедливости ради стоит сказать, что кое-где маячат стёкла, но здание от этого привлекательней не становится. Дом ненадёжен. Даже широкий арочный вход, очевидно, задуманный как парадное, выглядит началом таинственной глотки. Провалом в неприятности. Повторюсь: дом ненадёжен. Но Ксания, конечно же, мчится прямо туда. Не глядя.

— Ксания! — заорал я, до смерти напугав стоящего рядом Натана.

Но девушку мой вопль не остановил. Только ускорил. Я успел увидеть, как исчезает в пыльном сумраке стройки яркое платье. И как быстро Ксания бежит! Проклятье. Догоню — убью. Не раздумывая, срываюсь с места. Бежит ли следом НК не прислушиваюсь, изо всех сил сокращая расстояние. Лишь бы успеть. Бестолковая, отчаянная, самонадеянная Ксания! Её на цепь надо посадить. Меня злит эта ситуация. И не меньше, чем от бегства к дому, бешусь от прелюдии. За то, что сцепился при девушке с Натаном, показав свою уязвимость. За нашу прогулку втроём. За то, что мне хотелось тихонечко смеяться, когда щёки Ксании заливало румянцем при мыслях о поцелуе... Хотя нет, эти мысли дарят блаженство. Хорохорилась, поцелованная моя, но я-то видел, что она о нашей ласке думает. Специально дразнил её, шёл рядом, чтобы при любой возможности наши тела соприкасались. И отдавал себе отчёт, что таким образом обозначаю «территорию», и показываю её Натану. Тот, правда, тоже дал мне понять, что не отступит.

Рычу на бегу. Всерьёз задумываюсь кузена обратно. Скучает по тебе Австралия с кенгуру, милый родственник, пора возвращаться. Но ведь не улетит теперь. Ни за что не улетит! Лучше бы я искал специалиста здесь, в Америке.

Меня злит собственная беспомощность. То, как быстро кузен и Ксания нашли общий язык. Болтают, смеются, договорились гулять вместе. Когда успели? Из офиса чуть ли не под ручку вышли. Ксания так очаровательно улыбалась, а Натан спрашивал её о всяких милых пустяках, что зависть брала. Мне так с вредной девчонкой ни за что не пообщаться. Милые глупости — недоступная для меня тема. Не об акциях же с Ксан говорить.

Воспоминание о том, как Ксания и Натан смотрелись вместе (отлично смотрелись), сорвалось с губ недовольным стоном. Хорошо, что рефлексировать было некогда. Мысли мелькнули в голове за долю секунды, без ущерба погоне. Пробежки по утрам принесли ощутимую пользу: я летел. И Ксанию нагнал в потрескивающем, устроенном куполом парадном. Вихрем ворвался за ней в жуткий дом, хватая беглянку за плечо. Осталось развернуть и дотащить к выходу. Долгострой словно ждал этого.

Сверху оглушительно затрещало, ухнуло, пара балок звонко лопнули, разлетаясь щепами, и стена справа ощутимо просела. Вход покосился. Я успел увидеть, как ломаются

очертания арки, и рванул дальше, вглубь. Интуитивно почувствовав, что выход хоть и близко, но нас не выпустит, как бы дико это не звучало. Уронит каменные глыбы на головы. Ксания завизжала, прикрываясь руками.

— Ксания, навверх! — рывкнул я, надеясь достучаться до её сознания.

Давай, девочка, ты же быстро соображаешь! Мне ли не знать. Одновременно увидел ведущую на второй этаж лестницу. Отлично, оттуда будет легче выбираться. Но Ксания, конечно же, не ищет простых путей. В панике она бросается в сторону и влево, заметив серый, манящий своей обманчивой простотой коридор. Летит в него очертя голову. Я за ней. Поздно менять направление. По ходу нашего бега от перекоса здания лопаются за спиной стёкла, осколки летят в разные стороны, звонко разбиваются о стены, и Ксания шарахается от каждого «взрыва» болезненно вскрикивая. Огромный осколок задевает меня по плечу, вызывая дополнительное желание убраться из этого места, но пиджак спасает. Сзади бабахает.

— Не смотри назад! — рычу, так как чувствую, что вход за спиной схлопывается на глазах.

Видеть такое девушке не стоит. На этот раз Ксания меня слушается и, прерывисто всхлипывая, продолжает бежать. Чудо, нас ещё не завалило! Увидев впереди крепкую на вид дверь, бросаюсь туда, одновременно хватая малявку за руку.

— Сюда!

Ташу девушку за собой. Там, где мы только что пробежали, с потолка падают штукатурка и камни, но дверь должна выдержать. Подскакиваю. За дверью обнаружилась приличных размеров комната. Буквально впихиваю внутрь Ксанию и захопываю дверь, отсекая нас от кошмара. В комнате, где мы оказались, немногим лучше: всё трещит и скрипит. Но сверху пока ничего не падает.

— Ксания, иди сюда! — не успокаиваясь, тяну её дальше, неким наитием выбирая правильное место.

Можно выдохнуть. Относительно. Ксания боится. Прекрасные глаза блестят, дыхание лихорадочное. Она готова бежать ещё, но нам в любом случае некуда. Мы замираем, глядя друг другу в глаза, и слушаем, как ухает и проседает дом, не затрагивая «нашу» комнату. Она просторная, но без окон. Дверь я захопнул лично, и, судя по перекосившемуся проёму, её успело изрядно завалить с той стороны. Ужас на лице девчонки — это нечто.

— Натан, — едва слышно шепчет она, имея в виду, пострадал ли при обвале мой австралийский брат, но я заметно качаю головой.

— Не думаю, что он сюда успел.

Прокручивая в голове случившееся, убеждаю себя, что НК в доме нет. Я стартанул гораздо раньше, а дом начал рушиться практически сразу. Так что мы тут одни. И мы в западне.

Наше тяжёлое дыхание повисает в полумраке. Здесь не темно, свет просачивается из щелей, позволяя разглядеть покосившийся потолок, просевшую дверь, держащуюся на честном слове, дальнюю от нас стену и как-то по-особенному душно. Заметив, что одна стена опасно наклонена, я потянул Ксанию в противоположную сторону и тут увидел, в каком диком приступе расширены её глаза. Зрачки растеклись на всю окружность радужки, лицо побледнело, блестит бисеринками пота, а зубки периодически постукивают. Как затравленный зверёк, она озирается по сторонам, судорожно поворачиваясь в поисках выхода, и я вспоминаю про её фобию.

— Ксения?

Она тяжело дышит. На висках пот становится крупнее, и я прямо-таки физически ощущаю, как захлёстывает её волна паники. Бедняжка с силой стискивает пальчики, дыхание становится поверхностным. С усиливающимся беспокойством я подступил ближе.

— Тут слишком темно. Страшно! — дико шепчет она, и мне тоже становится страшно от её загнанного вида.

Как помочь? Обхватываю ладонями лицо, заставляю смотреть себе в глаза:

— Эй. Мы выберемся.

Только истерики не хватало! Но Ксения молча мотает головой.

— Нет, — изрекает она наконец, и взгляд, словно провал в бездну.

— Это всё страх. Иди сюда. — Снова тяну её за руку туда, где в щели проникает серого света больше. — Нас будут искать. Натан видел, как мы сюда забежали. Он сделает всё возможное для спасения. — Говорю уверенно, подпуская в интонации управляющие нотки. — Мы тоже будем пытаться выбраться изнутри.

Оглянувшись, я прицелился к нагромождению камней в одном месте, где возможность выбраться казалась мне наиболее осуществимой.

— Станем подавать сигналы.

Тяну с шеи Ксении лёгкий платок. Красивый клочок шёлка, пусть выполнит не только декоративную функцию. Девчонка мне эту вольность позволяет: коснуться и взять её вещь, тогда как в другое время наверняка покусала бы. Под внимательным взглядом девушки привязываю платок на найденную тут же длинную палку и подсовываю импровизированный шест в дыру. Толкаю наверх, надеясь, что над ним есть хоть сколько-нибудь свободного пространства. Искренно рассчитываю, что наш «флаг» заметят. Ксения смотрит скептически.

— Это поможет?

— Не знаю, — честно признаюсь я. — Но попытаться стоит.

— Можно ещё кричать.

Девчонка облизывает пересохшие губы и оглядывается по сторонам более осмысленно. Я усмехаюсь. Честно говоря, радуюсь, что моя напарница по злоключению сумела взять себя в руки. Нас заблокировало в этом доме, но не стоит терять надежду. Вытаскиваю мобильник. Связи, конечно же, нет. Но лично я на сто процентов уверен, что Натан сейчас полгорода разнесёт, однако до нас доберётся. Ксения читает мои мысли:

— Это ведь хорошо, что Натан был с нами и всё видел, да? — хрипло говорит она. — Он нас спасёт. Верно?

Я киваю.

Если надо, НК и спецтехнику пригонит, вопрос только во времени. Сколько выдержит в замкнутом пространстве Ксения? О себе не думаю. Подхожу к месту одного из завалов и откидываю несколько камней в сторону, пытаюсь расширить намеченный для спасения проход. Валуны из слепленного цемента и камней, крупные, обдирают руки, однако я не сдаюсь. Ксения подключается. Помогает, оттаскивает более мелкие камни. Какое-то время мы в согласии трудимся, и вдруг она вскрикивает. С неожиданной силой хватает меня за руку и дёргает на себя, выдирая оттуда, где мы только что находились. И тотчас на то место обрушивается поперечная балка. Увлекает за собой камни, штукатурку. Лавиной сыпется песок и грязь, слышится звон стекла. Ксения стонет. От взметнувшейся пыли практически ничего не видно, мы кашляем, но как только пыль начинает оседать становится

понятно, что наше убежище уменьшилось вполосину. Однако нам повезло: уцелевшая часть выглядит прочной. И стало темнее.

Ксания

Сначала я заметила шатающиеся над головой Андриана камни, а затем боль обожгла руку. Я отпрянула, в суматохе не разобрав, что случилось, и думала лишь об одном: если моего Демона тут завалит, мне тоже не жить. Мысль о том, что останусь в руинах одна — невыносима. Не хочу, чтобы он умирал! И сама умирать не хочу. Но в следующее мгновение от резкой боли немеет рука и становится сухо во рту. Тихонько скулю, опускаясь на пол. Андриан одним прыжком оказывается рядом.

— Ксания! Ксания!

Он тормозит меня, перепугавшись не на шутку. Глаза огромные, беспокойные, особенно тревожные на посеревшем лице, скулы заострились. Целый щемящий миг он не может выдавить из себя ничего путного, а на меня боль действует таким странным образом, что, оторвав плывущий взгляд от каменного пола, я поднимаю его на босса и выдаю:

— Вы крышесносно целуетесь.

Глаза Алмазова темнеют.

Действительно, кто бы мог подумать, что больше похожий на сухарь Зазнайка умеет ТАК ласкать губами. Да и руками, чего уж там! Должно быть, не зря он такой буйный. Активен и в проявлении гнева, и в ласках: темперамент не спрячешь. Чувствую, как тёплая струйка крови течёт у меня между пальцев, и я изо всех сил её ловлю, сдерживаю. Боль действительно влияет на меня непонятным образом; вместо того, чтобы смутиться от брякнутой бестактности, продолжаю без тени стыда смотреть на Андриана. Правда, вижу его сквозь туман.

— Ксания, ты меня пугаешь, — отвиснув от шока, заявляет Андриан и смотрит пристально-пристально. — Повторим, раз понравилось, но сейчас ты должна показать мне, что с тобой случилось.

Обещающие нотки в его голосе такие убедительные! Ничуть не сомневаюсь в повторе поцелуя и его сводящем с ума влиянии, но то, что дом трещит и крикает над нами — отрезвляет. Отрицательно мотаю головой.

— Ксания, я не причиню тебе боли.

Бессовестно врёт.

— Лучше потом.

— Сейчас.

Он настойчив. Старается говорить как можно более мягко, и... Я поддаюсь. Заставляю себя расслабиться и поворачиваюсь к Андриану раненной рукой, позволяя взглянуть. Алмазов тихо ругается сквозь зубы.

— Всё так плохо?

— Осколок... Застрял. Нужно вытащить.

— А дома никак? — жалобно прошу я, и взгляд мужчины наполняется сожалением. Я вижу это даже в полутьме.

Андриан

Спокойно, Андриан. Ты мужик. От вида глубокого кровотокающего разреза на руке

девушки хочется ругаться последними словами. Сдавленно матерюсь, глотая половину неприличных фраз. То, что я вижу, ужасает. На границе короткого рукава платья, испачканного во время нашего бега по дому, набрякший красным участок ткани. Рукав уже до плеча пропитался кровью. И кровь тонкими струйками течёт вниз, пробиваясь сквозь пальчики девушки. Ксения пытается прикрыть рану ладонью. Однако рука у неё дрожит, и я сразу понимаю, что насчёт не причинения боли нагло вру: над пальчиками Ксан вижу поблёскивающий в полутьме осколок. Даже два. Должно быть, её зацепило, когда обрушилась балка, и слышался звон разбитого стекла. А меня вид этих тонких пальчиков в алой крови пробирает до дрожи. И, конечно же, Ксения не верит мне про боль: глазищи огромные, с затаившимся в них своим мнением, но пораненную руку всё-таки доверяет. Как бы мне ещё оправдать это доверие. Дом снова стонет, а я смотрю на алые струйки.

— Ну что... Всё не так уж и страшно, — говорю, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Рана неглубокая, крови много. Это хорошая новость. Значит, порез очищается. А плохая в том, что осколков в ране два. Их надо вытащить, Ксани. Потерпеть тебе всё же придётся.

Срываю с плеч такой же перепачканный, как и платье девушки, пиджак. За ним рубашку. Она чистая и я отрываю от неё щедрый клочок ткани. Ксения застенчиво отводит от моего голого торса взгляд.

— Смущаете...

Я фыркаю.

— Можно подумать, ты что-то видишь тут, в этой темноте.

Она не отвечает, но удивительно: мне кажется, что в окружающем сумраке я тоже умудряюсь видеть её румянец. Да не так уж здесь и темно! Мне безумно нравится звать красавицу так интимно: Ксани. Само рвётся. И ещё одно. Радует, что возня с «царапиной» отвлекает малявку от клаустрофобии. Стараюсь не думать о моменте, когда страх вернётся.

— Сюда. — Пересаживаю Ксанию на место, где сероватого света больше всего.

Она присела, не говоря ни слова, позволяя хозяйничать.

— Готова?

Слабо кивает. Глубоко дышит. Сжимает пальцами мне плечо. Девчонки не мужчины, они боятся боли. Да что уж там говорить! Многие мужчины тоже.

— Так, надо удалить ткань.

Поддев пальцами рукав, рванул, ощущая себя подлецом. Будто до полной наготы раздеваю. Ксения вздрогнула. Посмотрела глазами испуганной птицы.

— Вот о чём ты подумала, — шепчу. — Я без задней мысли, Ксани.

Ситуация не располагает, да... Она кивает, закусывая губку, готовясь терпеть.

Твою мать.

Первый, самый большой осколок выдернул быстро, моментально зажав пальцами рану, не давая крови вытекать бесцельно. А вот чтобы вытащить второй, нужно постараться. Коварная стекляшка вошла глубоко, наружу торчит очень маленький край. И чтобы ухватить, придётся раздвинуть пальцами порез. Дьявол. Ксения с хриплым вздохом повисла у меня на плечах, уткнулась лбом в грудь. Она учащённо дышит, и я не понимаю, страх это или боль. Я крепко прижал её к себе.

— Ещё один, — хриплю.

Девушка дрожит. Я больше почувствовал, чем понял, как через несколько секунд Ксения взяла себя в руки. Выдохнула, попыталась отстраниться, приготовилась к новой боли. Я же прижал её к себе крепче, сожалея, что это единственный вид анестезии, доступный нам

сейчас. Повернул боком, чтобы видеть фронт работ. Девичья щёчка была подозрительно влажной, когда я решительно погрузил пальцы в рану и дёрнул. Ксания закричала, напугав меня до одури, а затем резко обмякла.

— Ксания! — я затормозил её, сходя с ума. — Только не отключайся!

Отбросив окровавленный осколок подальше, быстро обмотал порез приготовленным клочком рубашки и затянул, проверяя, чтобы не было слишком туго. Моя Ксания приоткрыла глаза. Хорошо, она не отключилась. Но боль явно спровоцировала новый виток клаустрофобии; бедняжка смотрит на меня, словно не узнаёт. Или будто меня тут нет.

— Душно, — шепчет она таким голосом, что мурашки ползут по спине. — Нечем дышать. Дверь... Дверь заперта...

Мне немедленно хочется вскочить и выбить с ноги эту чёртову дверь, чтобы обеспечить приток кислорода, была бы она ещё здесь! Нашу безбожно перекосило и Ксания не может об этом не знать.

— Дверь заперта, — продолжает твердить малявка. — Стены давят. Тут так тесно и жутко и я одна... — Она горько заплакала. — Меня закрыли, чтобы я к ним не вышла. Я тут совершенно одна!

До меня доходит, что моя девочка говорит о каком-то случае из своего прошлого. Боль закинула её туда. И фобия родилась тогда, убить бы всех, кто в ней повинен! В срывающемся девичьем голосе столько страха, вырвавшегося на свободу, что от него зубы сводит. А от сказанного дальше шипы в моей душе встали дыбом:

— Мама и папа... Настоящие. Они сегодня погибли. Стены давят... Меня закрыли, чтобы я не видела. Я не могу выйти! Тут так холодно и одиноко! Я одна. Стены сужаются, я одна, одна...

Её судорожные бормотания переходят в сдавленные стоны, и я стискиваю Ксанию в объятиях.

— Тише, тише! Есть я, — так же судорожно шепчу в ответ.

От глубины разверзшейся бездны нечем дышать.

Баюкаю Ксанию, покачиваю, как маленького ребёнка, а она всхлипывает, уткнувшись носом мне в грудь. Глажу тоненькие пальчики, с неожиданной силой вцепившиеся в плечи, и девушка постепенно приходит в себя.

— Ксания, расскажи мне что-нибудь, — прошу я, в надежде переключить её с боли, отвлечь от страшного.

Взгляд красавицы проясняется. Достаточно для того, чтобы осознать, что она не в прошлом, хотя настоящее ненамного лучше.

— Не буду я Вам ничего рассказывать, — бурчит Ксания недовольным тоном, обхватывая меня за талию. Кажется, скоро она начнёт сожалеть о своей вспышке откровенности и близости; возможно даже станет сопротивляться, но пока отказаться от моих объятий не может. — Хитрый какой!

Я улыбаюсь.

Ксания

— Не буду я Вам ничего рассказывать, — ворчу на Андриана, тогда как внутри каждая косточка плавится от желания довериться и рассказать. — Решили выведать все мои тайны?

Ох, Боги, простите меня. Какая же глупая Ксания Милан! Стоит мне чуть расслабиться, как мой язык тут же болтает практически без участия сознания. Недаром говорит тётя: что у

других на уме, то у меня сразу на языке. В голове по-прежнему плывёт, мне дурно, однако дикий приступ от замкнутого пространства неведомым образом отпустил, отведя от меня свои когти. Должно быть, тоже устрасился Андриана. Этот Демон кого угодно напугает... Хотя сдаётся мне, приступ растаял от его нежности и понимания. И как он интимно звал меня: Ксани. Мне понравилось.

Андриан улыбается. В его улыбке явное облегчение.

— Тебе полегчало, раз споришь со мной.

Против такого нечего сказать. В полутьме рассматриваю Алмазова, невольно любуюсь. Красивый! Высокий. Поджарый. Телосложение как у греческого Бога. На лице Андриана залегли усталые тени, по запястьям пролегли багровые полосы, кисти рук расцарапаны, но ему невероятным образом это идёт. Подчёркивает резкую хищность черт. В карих глазах словно сконцентрировался весь мир, от них невозможно оторваться. Я смотрю, ладонями ощущая сильные мышцы мужской спины. Запоздало соображаю, что обнимаю Андриана — сама! — и ёрзаю, пытаюсь отодвинуться.

— Всё ещё страшно? — спрашивает Андриан, по-своему расценив моё поведение, и меня тянет кивнуть.

Страшно. Ещё как! А завтра будет ещё и стыдно. Но мне было бы несоизмеримо страшнее, окажись я тут одна. И я безумно благодарна Зазнайке, за то, что он бросился за мной в этот дом.

— С Вами не так жутко, — сознаюсь честно и фыркаю.

Ну, всё, зазнается сейчас. Зазнайка зазнается. Говорю ему об этом, и Андриан улыбается. А затем, не сдержавшись, просто смеётся.

— Тебе нужно лучше узнать меня, прежде чем такое говорить, — сообщает он, и у меня мурашки бегут от его бархатного голоса.

О-о, какая у него улыбка! Даже в полутьме завораживает. Алмазов собственнически удерживает меня возле себя, едва не посадил на колени (наши бёдра соприкасаются) и даже в полутьме я вижу, как тревожный свет его глаз с почти чёрного меняется на нормальный, спокойно-карий. Я разглядываю скрытое выражение в манящих зрачках, пытаюсь угадать, о чём он думает.

— Когда выберемся, — словно само-собой разумеющееся говорит Андриан, — сразу поедem знакомиться с родственниками. Хватит откладывать. Моя бабушка и остальная семья будут рады познакомиться с тобой, Ксани. Да и твоим родным потребуются объяснения, едва ты покажешься перед ними в таком виде. Я смогу обеспечить безболезненное выяснение отношений, достоверно изложу факты. Возьму на себя скандал. Мир?

— Мир, — ворчу я, слишком измотанная, чтобы спорить.

Вот ведь хитрый, непрошибаемый Зазнайше! Вроде не рычит, не требует исполнить приказание под страхом смертной казни, но к цели прёт напролом. Я настороженно вздыхаю: в конце концов, мы ещё не выбрались. Как знать, что придёт ему в голову там, наверху.

— Мы всё ещё взаперти, — на всякий случай напоминаю, и он кивает.

Какое-то время мы молчим, чутко прислушиваясь к звукам над головой, надеясь услышать среди них спасительные, но пока тихо. Сообразив, что мы в этой тишине слишком близко, я потихоньку съезжаю на попе в сторону.

— Куда? — обманчиво ласково произносит Андриан.

— Я тут... На другом камушке посижу.

— А кто разрешил?

Я насупливаюсь. Демон бессовестный! Теперь и посидеть вдалеке нельзя что ли?

— Я всё ещё жду твоих рассказов, — напоминает он.

— Вы будете смеяться.

— Никогда.

Глаза у Зазнайки честные-честные. А я ведь и так слишком много открыла ему сегодня. Тот же факт, что в голове по-прежнему кружится и плывёт, ясно сигнализирует, что болтать мне вообще не стоит. Алмазов терпеливо молчит, не торопит, и я вдруг начинаю рассказывать. Обо всём. Рассказываю про свою жизнь, про сестру, тётю, про то, что люблю сладости и даже умею их готовить. Чем и занимаюсь при малейшей возможности.

«Сладкое лечит от депрессии и плохого настроения!» — сообщаю я диабетику, и Андриан усмехается, тихонько поглаживает меня меж лопаток.

Он слушает внимательно-внимательно, и я понимаю, что никогда ещё мне не болталось так комфортно, даже с сестрой. Незаметно пускаюсь в перечисление других вкусовностей, любимых мною. А потом, вспомнив, что у Демона диабет, и он понятия не имеет какие на вкус все эти сладкие изыски, начинаю описывать их, увлекаясь всё больше.

«Я обязательно приготовлю Вам торт без сахара!» — обещаю, вдохновлённая собственной речью. «Его вкус от мёда ничуть не станет хуже, а вреда Вам не причинит и капельки!»

«Буду ждать», — отзывается Андриан.

А затем я незаметно начинаю рассказывать про маму и папу. Про то, что они умерли, когда я была совсем маленькой и что меня удочерили близкие родственники. Да-да, семья мне не совсем родная, но и не чужая. И сестра. А настоящих родителей я с тех пор представляю звёздами. По ночам часто смотрю на небо, чтобы поговорить с ними, и с этим ощущением намного проще жить, чем с полной пустотой внутри... Руки Зазнайки на минуту напрягаются, а затем он продолжает поглаживать меня по спине, побуждая говорить дальше. А мне так страшно в этих стенах! Я готова на что угодно, даже болтать о сокровенном, потому что звук собственного голоса кажется успокаивающим. Но самое главное успокаивающее в окружающей темноте, это, конечно же, ОН. Его горячие ладони, тёплая грудь, стук сердца, плавные поглаживания — они единственные ориентиры в мрачном царстве, дарят спасение. Вытаскивают из тьмы своим существованием. Размеренные движения рук Андриана умиротворяют. И когда я снова начинаю плакать, запинаясь на каждом слове, он притягивает меня к себе крепче, а я шмыгаю носом, утыкаясь лицом ему в шею. Втянула носом мужественный, терпкий запах и пропала. В голове снова начало плыть, дыхание застопорилось.

Андриан

Ксания отключается. Меня очень тревожит её состояние. Мысленно подгоняю Натана: ну где же ты, брат? И тут до нас доходят звуки. Точнее до меня, потому что малявка практически не реагирует. Дыхание поверхностное, даже в объятиях похолодела. Мы слишком долго в замкнутом пространстве, чтобы она была в порядке. Тормошу девушку:

— Ксани! Ксани, не отключайся! Нас нашли.

Голос НК слышится очень чётко, всё-таки быстро он сориентировался, и я кидаюсь в сторону звука:

— Сюда!

— Адди!

Никогда ещё я не был так рад слышать собственное прозвище.

— Ксания, побудь здесь, — говорю девушке и осторожно укладываю её, почти бесчувственную, возле камня.

Бросаюсь помогать Натану разгрести завал. Показываю, где мы изнутри. Хорошо ещё, что для освобождения НК выбрал немного другое место; не там, где произошло обрушение, но я всё равно стараюсь действовать осторожно. Сколько времени прошло? По ощущениям уже вечер. С НК специальная техника и очень быстро меня просят отойти, проход расширяется, и нанятые рабочие ловко расчищают его уже вручную. Хватаю Ксанию на руки и несу на выход. Лицо Натана при виде потерявшей сознание девушки и её окровавленной, замотанной обрывком рубашки руки нужно видеть! На улице после духоты завала прохладно, темно, но я с удовольствием вдыхаю одуряюще свежий воздух, продолжая шагать. Он как поток студёной воды после заточения. Нежно поправляю голову Ксании у себя на плече. Хочу, чтобы ей дышалось удобней. С рук красавицу не отпускаю. Шагаю прямо с ней, не чувствуя веса.

Возле почти сложившегося пополам дома мигает огнями неотложка, стоит мой джип (Натан позаботился), и я направляюсь к нему, намереваясь разместить там свою невесту.

Ксания

В голове по-прежнему пльвёт. Сплошной туман. Сквозь него я слышу голоса, чувствую прохладу, понимаю, что мы спасены, но сил открыть глаза и радоваться у меня нет. Слышу НК. Тут же Андриан. Они переговариваются и в их голосах больше нет недовольства друг другом, как раньше. Становится холодно. Озноб сотрясает от макушки до пяток и тепло идёт только от тела Андриана, который куда-то меня несёт. Чувствую размеренное биение его сердца и понимаю, что не спутаю его ни с чьим другим. Кто-то ещё тянет ко мне руки, но я инстинктивно обхватываю жениха за шею, не собираясь отпускать. Он такой горячий, без него я замерзаю.

— Сам донесу, — отвечает Андриан кому-то.

Сквозь дурман чувствую, как он сажает меня в машину. Голова клонится, снова посторонние голоса рядом, но я не улавливаю.

— Ксания... — руки у Андриана подрагивают. Теперь трясёт его? До губ дотрагивается прохладный край бокала. — Пей лекарство, — требует он. — Пей хоть каплю!

Я машинально глотаю. Нечто терпко-горькое разливается по языку.

— Ксания, ты как?

Начинаю радоваться факту спасения. Шепчу что-то, но меня не слышно. Улавливаю вибрацию машины и осознаю, что мы уже едем. Алмазов меня везёт куда-то? И тут вспоминаю, как он планировал предъявить меня своей семье. Ещё до заточения хотел. Как бы не воспользовался моей слабостью! Увезёт, а я и сделать ничего не смогу.

— Домой... Меня домой, — слабо прошу я, а потом до меня доходит, что Андриан не знает адреса. — Улица... — язык ворочается еле-еле.

Только не в особняк Алмазовых! Не могу предстать там в таком виде. А Демон ведь притащит, с него станется!

Андриан

Кажется, время прикинуться слепым и глухим. Глядя на Ксанию, испытываю острое

желание утащить её к себе домой. И так ведь славно всё складывается: отключилась, не спорит, в целом в порядке. Выспится у меня, доктора приглашу, с семьёй познакомлю. Мне же нужно заботиться о невесте! Но Ксения шепчет адрес даже в полубреду, очевидно, догадываясь, о чём грежу я.

Вздыхнув, выворачиваю на другую трассу.

— Да знаю, знаю я твой адрес, — ворчу не оставляющей попыток высказаться девчонке. Дом же купить хотел... Купил.

Ладно, доктора я, допустим, и в её дом приглашу. Набираю семейного врача прямо из машины. Не стану волновать Ксанию заселением ко мне в таком состоянии. Зато с её семьёй я прямо сейчас с удовольствием познакомлюсь. Прищурившись, хищно ухмыляюсь. О, да!

Глава 9. Пробуждение

Ксения

Тёплые лучи солнца скользили по подушке, по лицу, согревали лоб, щёки, уютно путались в волосах. А ещё нахально проникали сквозь веки, гоня сон. Я пришла в себя от этих ставных тёплых «поцелуев», и некоторое время лежала, не открывая глаз, наслаждаясь расслабленной истомой. Как славно! Как тепло! Уютно, мягко. Такое бывает только в собственной постели. Чуть приподняв ресницы, я убедилась, что действительно нахожусь в своей спальне. Лежу, закутанная в одеяло, как в кокон. И от этого вдвойне хорошо: я в гнёздышке. Не нужно никуда спешить. Нет ощущения холода и сдавливающих стен.

Стоп.

Я дома? А как же обрушение здания? И мы, запертые с Зазнайкой в каменном мешке? И... работа же ещё должна быть. Вроде как. Организм тоже резко проснулся и напомнил о естественных потребностях. Живот громко заурчал, а также было бы неплохо посетить ванную комнату.

Из своего убежища я выскочила пулей. Ощущения не обманули: я точно дома. Над кроватью покачиваются собственноручно подвешенные пластиковые «серебряные» звёзды — напоминание о папе и маме. Глядя на них, я вспоминаю настоящих родителей всегда, не только любуясь на ночное небо. А со следующим ударом сердца до меня доходит, что сегодня выходной. О работе можно не переживать. И... Зазнайка меня всё-таки послушался. Я дома. Дома! Он привёз меня сюда, а не к себе, как я боялась. Умиротворённо вздыхаю. Горячая признательность заливает душу. Андриан... Оказывается, он умеет быть понимающим, когда хочет.

Через секунду улыбка слетела с лица. Память стало заполнять событиями ужасного вечера. Наш сумасшедший бег по рушащемуся зданию, темнота, духота, страх. Звон стекла и обжигающая боль. Струйки крови. На руке ощущаю давление. Кошусь туда и вижу чистый бинт. Он заменил клоч рубашки Андриана, и мне... жаль. А потом взгляд падает на прикроватную тумбочку, и челюсть сама собой отвисает. На ней, к моему огромному удивлению, под прозрачным пластиковым колпаком на белоснежной тарелке красуются изысканные сладости. Марципановые шарики, крошечные пироженки дивной красоты, украшенные свежими ягодами и капельками разноцветного шоколада. Засахаренные дольки цитрусовых; конфетки явно ручной лепки — я такие только в дорогущих магазинах видела! Всего понемножку, а в целом роскошный набор фееричных десертов. Ещё лучи солнца так дразняще скользят по аппетитным сладостям. Рот наполняется слюной, из глаз вышибает слёзы.

Я шмыгаю носом. Вчера, когда от боли и страха болтала без остановки, я рассказывала Андриану о своей любви к сладкому. Неужели... Дыхание останавливается. С другой стороны, так позаботиться обо мне могла сестра, устроив вкусное пробуждение. Вот только сладости не простые. Даже если бы я не знала их цены, в нашем районе таких просто нет! Да и к чему Стефании покупать такую дорогую визну, когда она прекрасно готовит? Пусть не так красиво, но вкусно. Она скорее бы торт испекла, а не купила. Смотрю на необыкновенные сладости так, будто они прибыли с Луны.

— Думаешь, отравлены? — в комнате неслышно появляется сестра и улыбается, лукаво подмигивая. Стефи выглядит взбудораженной и одновременно довольной. Делает большие

глаза, указывая взглядом на блюдо под колпаком. — Ты боишься их есть?

— Сестра, они... — с трудом сплываю, комкая конец фразы. У меня язык не поворачивается спросить, откуда они. Кто их принёс.

А Стефанию уже несёт дальше, она возбуждённо шепчет, присаживаясь на кровать рядом.

— Ты вчера так напугала нас, Ксан! — заявляет она, легонько шлёпая меня кончиками пальцев по лбу. — Чертёнок! Когда мистер Алмазов заявился с тобой, бесчувственной, на руках, и застыл на пороге, шагнув из ночи, тётю чуть инфаркт не хватил. Она дышала, как рыба, выброшенная из воды. Всё не могла опомниться. Потом гналась за ним до нашей комнаты, потому что он тебя с рук так и не отпустил. Стонала, не случилось ли с тобой чего плохого. Твой босс на неё ТАК посмотрел, ну ТАК посмотрел, что она на полуслове поперхнулась. И даже в комнате тебя никому не отдал. Положил на кровать, сидел, врача ждал. И комнату нашу всё осматривал.

— О-о-о...

Стону. И стыдно, и приятно. И босс может ТАК посмотреть, верю.

— А потом что было?

— Потом тётя освоилась и попыталась начать вопить в своей обычной манере. На всю улицу. Ну, ты знаешь. Так он сказал ей что-то тихонько, что именно я не разобрала, меня как раз за водой на кухню отправили, и тётя замолкла окончательно. Побледнела, как снег. Она даже оправдываться перед ним начала, представляешь? Ну а потом мистер Алмазов заявил, что он твой жених.

— Что?! — я поперхнулась, не донеся крохотную пироженку со взбитыми сливками и карамельными «нитьями» до рта. Как раз в этот момент соблазнилась, вознамерилась попробовать. Грех не оценить особенные сладости, что простой семье не по карману. Пластиковый колпак со звоном грохнулся на пол.

— Угу. — Стефи хихикнула. — Лицо тётки после бледности стало багровым. И заулыбалась, как шёлковая. Когда переспросила и убедилась, что не ослышалась.

— А Заз... В смысле, мистер Алмазов. Он ещё что-нибудь сказал?

Я хрипло прокашлялась.

— Сказал, что свадьба будет на этой неделе. Честно, Ксан, к чему такая спешка? Вы же не...

— Что? Нет! — яростно воскликнула я, заливаясь краской. — Просто он такой... Быстрый. Погоди, — до меня дошла оговорка, произнесённая ранее. — Ты сказала: он при всех заявление что жених, сделал. Кого ты имела в виду?

— Так он настоял, чтобы тётя позвонила маме и папе, не взирая на ночь. Повторил то же самое для них. Сегодня они приедут.

Ооо... Ууу... Я злюсь или в ауте? Этому Демону только волю дай! На один вечер... Всего один раз потеряла сознание, а он уже все делишки за моей спиной обтяпал! Я буквально ошетибилась от ярости. Рано, ох, рано я испытала к нему благодарность. Да ещё умиление при виде сладостей почувствовала! Я засопела, нервно засовывая выбранную пироженку в рот. И конфетку. И вот эту дольку. Ммм... Мгм. Мрррр... Да за такие сласти убить можно! Сестра, насмешливо улыбаясь, подсунула блюдо мне под нос. А я, в отместку, пристроила ей в рот другую пироженку, покрытую кофейным кремом и посыпанную фисташковой крошкой. Стефи в блаженстве закатила глаза.

— Знать бы ещё, что Андриан сказал тётке, — задумчиво проворчала я, дожёвывая

следующее пирожное и чувствуя, как с каждой секундой добрею. Волшебное влияние глюкозы! — Тётя у нас та ещё скандалистка. Чтобы она, да вот так просто угомонилась?

— Ты зовёшь его Андриан? — в свою очередь подловила на оговорке сестра и хихикнула. — Красивое мужское имя. Кстати, постояльца тоже можно ко всем узнавшим новость отнести. Вот только... — Стефания задумчиво потёрла переносицу. — Влас видел, как мистер Алмазов в дом пришёл. Был со мной рядом на кухне в тот момент. А потом у него живот скрутило. Так и упал на пол, держась за него руками. Там и корчился. Потом всё завертелось, закрутилось, я про него забыла на время. А когда вспомнила и на кухню прибежала, адвоката там уже не было. И в комнате его с тех пор нет. Странно...

Сестра нахмурилась, а я подумала, что состояние квартиранта меня волнует меньше всего.

— А мой... жених потом ещё приходил? — сумрачно поинтересовалась я, косясь на оставшиеся сладости. Нет, не могу. Больше в меня не влезет.

— Ты знаешь, утром....

Пронзительный звонок не дал Стефании договорить. Звонили папа и мама, уже из поезда. Волновались. Спрашивали, как у нас дела. В основном про меня спрашивали. И я из понимаю, не каждый раз младшая выходит замуж быстрее старшей, да ещё так спешно. Держу пари, они подумали о том же, о чём сестра. Некоторое время мы говорили, я успокаивала родителей, рассказывала о женихе. Хвалила его, конечно. И вдруг поняла, что Андриан Алмазов всё-таки ворвался в мою жизнь, перевернув в ней всё с ног на голову. Сестра, родители, тётя — все знают о нём. Наверняка и соседи в курсе, за кого я выхожу замуж. Теперь назад пути у меня нет, как бы я не надеялась. Демон добился своего. Даже моя девичья спальня, одна на двоих с сестрой, и то свидетельница явления Андриана.

Спальня... В свете последних событий пришло в голову, что я её вижу последний раз. Ну, или последние разы. Ещё несколько денёчков и всё. Как только я выйду замуж за Демона, стану ночевать в другом месте, а сюда приходить редко. Родной дом станет для меня чужим, и я буду в нём гостьей. С трудом сглатываю и покачиваю головой, не зная, как реагировать.

— Ксания, я думаю, тебе повезло, — шепчет сестра. — Ох, как решительно заявил твой босс, что на тебе женится! Мало таких мужчин. А смотрел как!

Я краснею. Чего-чего, а решительности Алмазову не занимать. Упрямый карий взгляд всплыл из подсознания, словно мало мне было мук совести. Я с трудом улыбнулась сестре. Сладости в горло больше не лезут, и я начинаю метаться по комнате, соображая, почему вчера не слышала ни звука разборок. Неужели так глубоко отключилась? Или в лекарстве, что дал мне Зазнайка, было снотворное? Ppp! Как узнать?

Стефания уносится хлопотать по хозяйству, а я, вместо того чтобы помогать, беру блюдечко, накладываю на него самые симпатичные сласти и бреду во внутренний дворик. Нужно обдумать своё положение. Мама и папа... Едут. Тётя пошла на рынок. Стефи наводит чистоту. Ох, Ксани, заварила ты кашу! А в памяти яркими вспышками сигналият воспоминания из-под завала. И обнимала его, и что целуется хорошо выболтала, и вообще! В отчаянии хочется постучаться головой о стену. Я тихо стону и влезая на крышу нашего маленького домика. Есть у нас такая возможность. Внутренний двор оснащён широким крыльцом. Над ним низенькая крыша, на которой мы сушим перец и яблоки, и к ней приставлена лестница. Влезть на крышу — дело одной минуты. Устраиваюсь поудобнее, нервно размещаю на коленях блюдечко со сладостями. Ну спасибо тебе, Андриан Алмазов!

Уже в родном доме от тебя покоя нет!

Не сразу замечаю, как во внутреннем дворике оказывается мужчина. В руках огромный букет алых роз; мужчина оглядывается.

— Там она, там, — слышу голос сестры, скрытой в доме. — Проходите. Вы от Андриана Алмазова цветы принесли?

— Причём тут Адди? — жутко знакомым голосом удивляется гость. — Я от себя букет принёс.

Обращаю взгляд вниз и вижу НК. Тот тоже меня заметил и с изумлением взирает на мою примостившуюся на последней ступеньке лестницы особу с земли.

— Ксания, ты что там делаешь? — с неподражаемыми интонациями вопрошает он.

А у меня конфетка шлёпается обратно на блюдец.

— Натан? Но как?

Андриан

Ветер шелестит листвой, колышет ветвями деревьев, гладит тёплыми струями лицо, словно пытается успокоить. Я глубоко вдыхаю, радуясь, что глаза скрыты за стёклами солнцезащитных очков. Может, мне не стоит спешить сейчас? Дать время домашним Ксании подготовиться, привыкнуть к мысли о скоропалительном замужестве девушки. Но одна мысль о том, что малявка уже проснулась (доктор обещал, что её беспмятство продлится лишь до утра) и прямо сейчас выпытывает у сестры, что было вчера, заводит не на шутку. К чёрту приличия! Я уже почти муж. Испытываю законное нетерпение, хочу видеть свою невесту. И держать ситуацию под контролем, разумеется. Вчера дело пошло не так, как я изначально планировал, однако изменения к лучшему. Ксания ещё будет жить у меня в особняке, а вот со своими домашними знакомить меня строптивца не торопилась. Но мы славно пообщались без неё. Я усмехнулся, припомнив, чего достиг.

Вместе со мной в машине Айдана и Селиван. Селя за рулём. Бабушка, мать Селивана и её муж едут в следующем авто, чему я рад. Никто не охает, не возмущается несдержанной молодёжью, и не корит сына за неподобающее поведение. Мол, не ценит материнских усилий. Это я о Селиване сейчас. Его выступление сделало вчерашний вечер, превратив его в фейерверк. Брат взорвал бомбу! Заодно от меня внимание отвлёк и от моего заявления, что завтра мы всей семьёй едем сватать мою невесту. Ксания хотела сватовства по правилам? Будет! Бойтесь своих желаний, как говорится, будущая миссис Алмазова. Я злорадно усмехнулся.

Бабушка от моих скоростей впала в ступор.

Кошусь на Селивана и понимаю, что не я один тут нетерпеливый такой. Брат бурчит что-то, витая в своём мире, очки поправляет, в руль вцепился до побеления пальцев. Напряжённо смотрит на дорогу. Вчера, услышав моё заявление о сватовстве, он сразу заявил маме, что тоже женится. И не успела его родительница обрадоваться, предположить, кого же сын наконец-то выбрал, как Селя поведал ей о своей Любви. Мол, его избранница из простых. Из той же семьи Милан, куда мы поедем за невестой для Андриана. Девушка настолько покорила его сердце, что кроме неё он никого не мыслит. Реакцию матери Сели нужно было видеть. Сообразив, что невеста из простых, она долго кричала и хваталась за сердце. Пыталась демонстративно уйти из дома, где к её мнению никто не прислушивается, и все увещания со стороны домашних не имели никакого эффекта. Разве может охладить женщину жалкое: «Ну, мам!» со стороны сына, если у человека пошли прахом долго

пестуемые мечты!

Селивана я поддержал, обещал же брату. Но даже с моей поддержкой скандал разгорелся нешуточный. В итоге столковались на том, что ехать в любом случае надо. А обиженная и насупившаяся мать Сели заявила, что на девушку она посмотрит. Пристально посмотрит! Звучало, как угроза. Но Селиван чуть до потолка не запрыгал. Утром он встал наравне со мной и теперь рулил, костеря задержки на светофорах. Надеюсь, я не выгляжу таким же дёрганым и нетерпеливым.

— Что там, Сель? — недовольно буркнул я, когда машина ощутимо притормозила.

— Снова светофор, брат. Скоро поедем.

Айдана смотрит на меня выжидательно. Моё заявление о сватовстве и скоропалительная женитьба вопросов не вызывают. Подозреваю, что бабушка рассказала ей всё. Но вот моё поведение сестру волнует.

— Андриан, может быть, ты зря так торопишься? — тихонько произносит она. — Всё так внезапно.

— О чём ты, сестрёнка?

— В последнее время столько всего случилось. Ты, Селиван. Селя собрался знакомить нас с девушкой, и он совершенно точно влюблён. Но влюблён ли ты? И та девушка, что ты выбрал...

— Моя невеста в курсе моих намерений, если ты об этом.

— Уверена, она чудесная девушка. Но я не хочу, чтобы ты женился из чувства необходимости, а потом пожалел об этом.

— Я никогда не жалею о своих решениях, сестра.

— Да, ты даже в детстве был весьма самоуверен, — согласилась Айдана. — Но брак — это не бизнес. Это навсегда, братик. Будешь ли ты счастлив всю оставшуюся жизнь потом?

В памяти всплывает вчерашний вечер и исповедь Ксании, поведанная о родителях и звёздах. Меня потрясла глубина её горя, скрытая под маской весёлой девчушки. Я ведь подумать не мог, что в этом мире есть кто-то, кто чувствует подобное также, как я. Может меня понять. Айдана смотрит сочувствующе, гладит по руке. Она тоже понимает, мы с ней сироты, воспитанные бабушкой. Долгие годы я претендовал на исключительность в силе своего горя, но Ксания... Ей также отчаянно больно, и пустоту не заполняют мелькающие дни. Я ощутил с ней родство... Однако додумать не успеваю.

— Точно так же ты торопился свершить свою месть несколько лет назад, — напоминает сестра. — Я помню, какой ты вернулся тогда. И сделал из нашего дома фабрику.

— Из бывшего дома, — с нажимом на слове «бывший» проговорил я. — И ни разу не пожалел об этом. Это всего лишь камни, сестра. Наш новый особняк больше соответствует званию дома. И скоро под его крышей начнётся новая семья. Две семьи, — уточнил, взглянув на Селивана.

Сестра покачала головой, оставаясь при своём мнении. А я впервые вспоминал не то, как отомстил за смерть родителей (всякий раз, когда заходила речь; подобные мысли дарили удовлетворение), а о Ксании. Удивительно, она осветила мою жизнь новыми красками. Я даже всерьёз поразмыслил: не влюблён ли? С рациональной точки зрения выбор правильный, однако откуда такие краски? Есть ощущение, что со вчерашнего вечера я по ней уже... скучаю. Определённо. Но я ведь без сантиментов, не так ли? Мне просто в новинку. Наверное.

Уставившись в окно, я с удовлетворением отметил, что мы приближаемся. И начал

вспоминать, что творил вчера. Будь невыносимая пигалица в сознании, она бы мне не позволила. А так я приблизил момент нашей свадьбы максимально. Ну а чего тянуть! Тётя Ксании в итоге осталась довольна.

...Моё появление с Ксанией в объятиях произвело эффект взорвавшейся бомбы. Ночь. Я в дверях. На руках обмякшее тело. Две женщины — старая и молодая — застыли соляными столбами, и долго не могли слова вымолвить. Которая из них тётя, а которая сестра сообразил быстро. Окинул взглядом Стефанию. Так вот она какая, избранница Сели. Скромная и тихая, ему как раз. Брат не ошибся, влюбившись. А затем я прошёл в комнату. Кстати говоря, на мгновение мне показалось, что в доме ещё есть мужчина. Взгляд выцепил плотную фигуру, смутно знакомую. Но когда я посмотрел в ту сторону, там никого не было.

— Где комната Ксании? — громко спросил, имея в виду спальню.

Женщины по-прежнему пребывали в шоке. Догадался сам. Шагнул к спальне и думал, что Ксания совсем не подходит этому дому. Она другая. Словно чужая здесь. И чувство несоответствия усиливалось с каждым шагом. Пластиковые звёзды над кроватью немного примирили меня с действительностью: Ксания определённо любит этот дом, украшает, но, когда заголосила опомнившаяся тётя, завёлся с пол оборота. Не тронул ли я девушку? Ха! У неё нет права выпытывать такие подробности. А вот я могу и потребую отчёт за кое-что содеянное в прошлом.

— Кто додумался закрыть Ксанию в подвале много лет назад, когда погибли её настоящие родители?

Женщина бледнеет. Про подвал это я наугад спросил, заключив по всхлипам Ксании о холоде. Но, судя по всему, в точку попал.

— М-мистер... Сэр... — дородная тётя волнуется. Заикается. Колыхается пышным телом, не зная, как ко мне обращаться. Взгляд бегаёт. — Но она же никогда не жаловалась. Не рассказывала никому.

— А мне рассказала, — отрезал я, чувствуя, что вправе требовать за девчонку. То есть, в семье даже не подозревают, до какой фобии они её довели?! Скрежещу зубами. — Ещё раз подобное повторится, голову оторву! — рычу, не думая о последствиях.

А у самого в голове крутится: как хорошо, что в моём особняке у меня огромная спальня. А раздвижные двери выводят прямо к бассейну. Там Ксания точно не будет испытывать клаустрофобии.

Селиван с довольной физиономией жмёт на клаксон, и я возвращаюсь в реальность. Приехали. Наконец-то!

Глава 10. Женихи

Ксения

На Натане сегодня другие футболка и джинсы. Джинсы стильные, с рваными коленками; футболка яркая, как и вчера. А ещё модная куртка с множеством молний, карманов и воротником стоечкой. Парню идёт, как и причёска небрежной лохматостью. В руках Натана роскошные розы. Они завораживают бархатными насыщенными лепестками, сияют алыми точками в руках гостя.

— Но как? — удивляюсь, имея в виду, откуда НК знает мой адрес.

Натан светло улыбается.

— Я приехал к больной! — радостно сообщает он, и покачивает букетом роз, неотрывно глядя на меня снизу вверх. — Вчера ты отключилась, ничего не видела и не слышала, а я хочу засвидетельствовать своё счастье по поводу твоего спасения. И какое же счастье без букета, м?

Он шутливо приподнимает брови.

НК такой позитивный, добрый, весёлый. Демонстрирует цветы, привлекая к ним внимание, и я невольно смеюсь, восхищаясь, как он удерживает весомый букетище одной рукой. Тяжёлый же! Или все мужчины в клане Алмазовых изумительно сильные? Подбираю выроненную ранее на блюдечко конфетку и откусываю.

— А где мистер Алмазов? — вырывается прежде, чем успеваю прикусить язык.

— Понятия не имею. Может быть в офисе. Хотя, когда я уезжал из дома, он был ещё там. Просматривал бумаги. Вот пусть бумагами и занимается. Глава корпорации он или кто?

Натан шутит, и я снова смеюсь, понимая, что НК не допустит несерьёзного отношения ни к своей работе, ни к работе брата. В этом я уже успела убедиться вчера.

Засунув букет подмышку, Натан решительно подступает к лестнице и берётся за перекладину. Начинает поднимается ко мне.

— Натан, осторожнее!

— Я буду приворожен... — пыхтит он. — То есть, сорри: осторожен!

Летят в стороны алые лепестки, лестница качается, я взвизгиваю, едва не теряя равновесие, а Натан замирает. Почти не дышит, глядя мне в глаза. И своей неподвижностью выравнивает лестницу и нас. Умудрившись при этом не уронить букет.

— НК, ты пожалеешь!

— Пожалеем о том, что пришёл к понравившейся девушке и принёс ей цветы? Да никогда!

Ещё один шаг и он сравнивается со мной в росте, хотя стоит на несколько перекладин ниже. Вручает букет.

— Это тебе.

Ух! Тяжёлый! Едва удерживаю в полу-обнимку, сохраняя на коленях и блюдечко со сладостями. От Натана пахнет свежестью, восторгом, а когда я слегка шатаюсь, теряя равновесие, он выравнивает меня, деликатно придерживая за талию. В глазах молодого мужчины светится настоящее счастье.

— Я вообще-то твоего кузена имела в виду, — шепчу, и НК хмыкает.

— Даже если получу от него по голове — не пожалеем, — весело отвечает он. — Ксения, мужчина должен быть последовательным в своих действиях, иначе он не мужчина.

И разве девушке может быть интересен парень, который легко предаёт сердечные привязанности?

От почти-признания, сказанного шутливым тоном, мурашки ползут по спине.

— Так получается, мы сейчас ни за что не держимся? — интересуюсь, аккуратно меняя тему.

Мои руки на букете, руки Натана — на моей талии, а сжатыми коленями я удерживаю блюдечко.

НК осторожно кивает.

— Как слезать будем?

Слезть надо. Помимо двусмысленной ситуации оставаться наверху просто опасно, вряд ли лестница рассчитана на двоих. Словно в подтверждение она содрогнулась, и я в страхе вцепилась в плечи Натана. А ему, по всей видимости, это очень понравилось. Парень замер, с удовольствием прислушиваясь к ощущениям. Однако ради моего спокойствия НК покосился вниз.

— Ксения, я бы тут ещё немного позанимался... То есть позагорался... Прости, позагорал, — сказал он, прикидывая, как лучше слезть. — Но, если ты хочешь спуститься, мы начнём. Я буду шагать первым, а следом ты. Я не дам тебе упасть.

Как по мне, то ему стоит забрать у меня букет, спуститься самостоятельно первым, однако сказать это не успеваю. В голову приходит шальная мысль, что как бы мы не решили спускаться, это нужно делать скорее. Не ровен час, до полного комплекта Демон объявится. И он точно не будет счастлив, увидеть нас в таком положении.

Как накаркала! Очевидно, в способностях Алмазова разделяться с документами за секунды. Он уже здесь. Снизу доносится грозный рык:

— Ксения! Что ты там делаешь?!

Животрепещущий вопрос, конечно. В резких интонациях Андриана столько кипящего гнева, что хоть ножом режь. Сконцентрирован до плотной ненависти. Кошусь вниз и вижу своего жениха, сжимающего кулаки и застывшего под лестницей. Ооо... Мог бы не торопиться с визитом!

— Натан? — Андриан почти рычит. — Почему я вижу тебя рядом с Ксани?

— Так это... — мямлю в ответ. — Он не виноват. Я сюда сама залезла. Тут думается лучше. А НК он... Он просто цветы принёс.

— Слезайте немедленно!

Вот только, глядя на перекошенное от злобы лицо Алмазова, хочется наоборот: залезть повыше. Крыша — отличное место для прятков от ревнивцев, не находите? Ну, как вариант я прикидываю раствориться в букете роз, что принёс Натан. Спячу в бутонах лицо и всё, я в домике.

— Надо слезать, — шепчу, понимая, что затягивать не стоит. Андриан мечется под лестницей. И чем дальше мы наверху, тем он злее. — Он не кусается.

— Это, положим, спорный вопрос, — таким же шёпотом отвечает мне Натан, и я готова с ним согласиться.

Алмазов ну очень многообещающе выглядит! И злится очень убедительно. Даже с высоты видно, как мрачно мерцают глаза, а ноздри свирепо раздуваются. Наши перешёптывания его только бесят, и когда Натан начинает аккуратно перемещать руки по моей талии, Андриан не выдерживает.

— Руки от неё убери! — рывкает он, и грохает кулаком по перекладине.

Вся конструкция трясётся вместе со мной и Натаном. Лестница шатается, я визжу и крепче вцепляюсь в плечи австралийского брата, а он в меня. Алые розы дождём сыплются на взбешённого Демона, а тот лишь головой встряхивает, избавляясь от цветов.

— НКее-ей! — рычит он.

— Но как? — восклицает в ответ Натан. Он изо всех сил балансирует, возвращая лестнице равновесие. — Если я отпущу, Ксани упадёт. И я упаду.

— Ты можешь падать! Тебе прямо-таки НАДО упасть! Меньше от меня достанется. — беснуется Алмазов. — А ты, Ксани, какого чёрта продолжаешь там сидеть?!

— На крышу перебраться? — невинно интересуюсь и Алмазов всерьёз задумывается. Похоже для него главное, чтобы я была подальше от другого мужчины. — А вообще не знаю, — продолжаю честно. — Просто цветы жаль бросить. Остатки букета ещё у меня.

Зря напомнила. Лицо Андриана снова становится яростным. От очередного содрогания лестницы на него сыплются остальные цветы и сверху шлёпается блюдечко. Андриан замороженно смотрит на него, и на конфетки, живописно украсившие землю с розами.

— На счастье, — шепчет НК. Вид у него беспшашный и отчаянный.

Ох, что сейчас будет! Попадёт нам двоим за посиделки на крыше! Случайно бросив взгляд в сторону парадного крыльца, я приободряюсь: а, может, и не попадёт!

С высоты отлично видно, как возле дома останавливается роскошный автомобиль. Хищный джип — авто Демона — уже стоит. Алмазов прилетел раньше, а этот только подъехал. И из автомобиля выходят нарядные гости. Мужчина и женщины в возрасте. На улице их поджидает молодая, очень приятная внешне девушка, слегка прихрамывающая на одну ногу, и Селиван. Его я знаю, видела в офисе.

— Это... Это что? — шепчу побелевшими губами, уже зная ответ.

— Свататься я приехал, — ехидно доносится снизу. — Ты же хотела? Спускайся, дорогая. Начнём.

К собственному изумлению, догадываюсь, что прихрамывающая красавица — родная сестра моего Демона. Он упоминал о ней однажды. И пожилую женщину я уже видела, только со спины. Не узнать эту царственную осанку и благородную седину невозможно. Бабушка Андриана! По сути, не знаю я только двух: мужчину и женщину, вставших рядом с Селиваном. Его родители? А они-то тут зачем? Алмазов действительно подошёл к делу ответственно: собрал всю родню. Даже Натан его кузен. Он бы ещё умерших предков из могилы поднял! Кругом обложили!

От потрясения я чуть не кувыркнулась с лестницы. Хорошо, НК удержал.

— Натан! — реакция жениха не заставила себя ждать.

— Окей, Адди, мы спускаемся, — бодро отвечает НК, и я нервно сглатываю.

Натан не боится. Вижу по его посерьёзневшим глазам, по спокойным движениям, демонстрирующим уверенность. Что до меня, то я бессовестно трушу. Что будет, когда мы окажемся на земле? Андриан зол очень убедительно! Смотрит пристально, цедит взглядом каждый шаг, и я не знаю, какие силы удерживают его на месте. Мне было бы спокойнее, если бы Натан хоть немного боялся брата, пасовал перед ним; тогда внизу можно было бы как-то сгладить ситуацию, а так... Последствия непредсказуемы.

— Андриан, милый, — прошу, впервые таким образом называя Демона, и Алмазов на секунду замирает. — Там ваша семья. Я... увидела... Сверху. Не могли бы Вы пойти к ним?

— Идиота из меня не делай, — так же вкрадчиво отвечает он. — Никуда не уйду, пока не спустишься.

Ему не хочется делить меня с Натаном. Натан тоже не хочет, но ему приходится. Оба мужчины вынуждены вести себя мирно, хотя вовсе не счастливы от этого. Нервозность нарастает. На помощь приходит Провидение. Под нашим двойным весом трещит ступенька, и мы с австралийским кузеном дружно валимся на землю. Точнее, валится НК, успев отпустить меня и не потянуть за собой, а я, вскрикнув, лишь секунду балансирую в воздухе. К лестнице в то же мгновение подскакивает Андриан, подставляет руки, и я падаю к нему в объятия.

— Так-то лучше, — выдыхает он, с шумом втягивая воздух возле моего лба.

Даже глаза прикрывает от удовольствия. Кажется, он сам удивлён собственной реакцией и в следующий удар сердца Андриан уже не прижимает меня к себе, а встряхивает, словно куклу.

— Тебе на месте не сидится? — напускается на меня он. — Мало было вчерашнего? Зачем на крышу полезла, когда во дворе воздуха и без того с избытком? Ещё раз так сделаешь — под замок посажу. В комнате с большими окнами! А ты, — он резко поворачивается к кузену и даже пальцем тычет для убедительности. — Не смей больше подходить к Ксании!

Натан прищуривается.

От немедленного скандала ситуацию спасает Стефания. Разумянившаяся, не понятно по какой причине счастливая, она выскакивает во внутренний дворик и зовёт нас.

— Ксания, мама и папа подъехали! А Вас, мистер Алмазов, — учтиво добавляет она, — ищет бабушка. Говорит, что Вы сейчас должны находиться вместе с семьёй.

Андриан скрипит зубами, но двигает к выходу. Натан замедляет шаг, чтобы оказаться рядом со мной, однако Алмазов возвращается с половины пути, и вклинивается между нами.

— НК, ты интеллектом обделён что ли? — тихо рычит он. — Сколько раз повторять?

— Она ещё не твоя, не забыл? — шепчет в ответ НК, а я предпочитаю делать вид, что ничего не слышу.

В доме мои родители. Приехали! Пусть они приёмные, по крови родные лишь Стефи, они всегда относились ко мне с добром.

— Мама! Папа! — я бросаюсь к ним.

* * *

Скривившись, Влас хмуро наблюдал из-за угла, как семья Алмазовых подъехала к дому. Скромненький домик семьи Милан сразу стал казаться ещё меньше по сравнению с застывшими рядом с мощными автомобилями. Высыпавшие на улицу жители ближайших домов с удовольствием оценили контраст. В шёпоте вездесущих соседей звучал миллион предположений — от фантастических, до вполне соответствующих истине. А улыбающиеся лица визитёров и их праздничные одежды не оставили сомнений: свататься люди приехали! Забирают одну из девочек. А, может быть, сразу двух. Парней-то молодых два и машин тоже две! Тётушка Милан счастливица, такие женихи!

Лживый квартирант с ненавистью уставился на машины, чьи номера знал наизусть. Алмазовы! Такое же чувство сокрушительного поражения он испытал вчера, когда на пороге дома среди ночи объявился Андриан и заявил, что он жених Ксании. Перед Власом словно пропасть разверзлась, и он в неё ухнул. Красавчик холостяк Андриан! Гордец. Гений бизнеса. Надменный спесивец, которого он всегда ненавидел. И который по

совместительству приходится ему шурином. Да, на его родной сестрёнке Айдане он, Влас, женат. А точнее, женат на её деньгах, только хромоножка об этом не подозревает. Он обрабатывал её долго и тщательно, когда узнал, что девушка носит фамилию Алмазова. И брат ей ни в чём не отказывает. Против Андриана не попрёшь. И этот гордец сразу выкатил тяжёлую артиллерию: сваты! Кто бы мог подумать, что сексист Алмазов, помешанный на работе, так стремительно соберётся жениться. Он всё делает стремительно. И девушку у такого не отберёшь. Влас кожей чувствовал, что конкуренция не в его пользу. Настоящий удар под дых. Нокаут от Алмазова. Как жаль, что он не слышал имени, когда Ксения шептала сестре о женихе! Адвокат в ярости ударил кулаком по стене дома, к которому прижимался, скрываясь от посторонних глаз. Упустил! И тут же болезненно зашипел и сморщился, баюкая ушибленную руку. Очень хотелось клацнуть зубами, как разъярённой гиене, но он заставил себя смотреть, наблюдая, как сваты входят в дом. Да, Андриан времени даром не теряет, будь он проклят.

Квартирант хорошо рассмотрел каждого из своих «родственников». Равнодушно отвёл взгляд от прихрамывающей супруги. Девушка была недурна, но воспринималась им лишь как источник дохода. Мужские восторги от её прелестей давно улеглись, и ему хотелось другую, которая вот-вот будет принадлежать сопернику. Проигнорировав жену, Влас внимательно изучил разнаряженную в пух и прах маму Селивана. Та сверкала золотом, словно новогодняя ёлка. Никак не просто так к свадебному кортежу присоединилась. Недовольна, дует губы, в отличие от улыбающейся Айданы и гордящейся бабушки. Селиван смущённо топтался на месте и при этом сиял так, словно ему был обещан праздник. Томно поглядывал на окна.

Но Селиван и подробности его интимной жизни Власа интересовали мало. Какая разница! Главное, что Ксанию сейчас отдадут Андриану, ведь таким женихам не отказывают. А он, Влас, потратил на семейку Милан столько сил. Улыбок, лести. Змеёй пробрался в дом. Долго обхаживал громогласную глуповатую тётушку, по шажочку подбираясь к её прекрасной племяннице. И предвкушал момент, когда Ксения попадётся в сети... Всё пошло прахом. Нужно что-то сделать, но что? А ещё Ксения, войдя в семью Алмазовых, может разоблачить его. Скрываясь за спинами соседей, Влас прямо из-за угла набрал номер жены, наблюдая, как расцвело в улыбке лицо супруги, когда она увидела, кто звонит.

— Моя Королева, — лъстиво пропел он, не испытывая от искренней радости Айданы ни капли счастья; только лишь раздражение.

С приятным открытым лицом, доброй улыбкой, огромными глазами и в дорогих одеждах, Айдана действительно смотрелась на простой улочке королевой, но Влас не ценил подарка судьбы. Вся его энергия вылилась в досаду, когда семья встала, задерживаясь на крыльце, ожидая, пока она поговорит. Зато Андриан рванул в дом.

— Моя Королева, меня только что вызвали в командировку и меня долго не будет, — привычно наврал он.

— О, — уголки губ девушки скорбно опустились, подарив ему злое торжество. — И на сколько дней?

— Точно не знаю. Но ты меня жди, ладно?

— Конечно, любимый!

Хромоножка (про себя он часто называл Айдану грубее) была набожна. Так пусть постится и голодает, пока он думает, как отвертеться от разоблачения. И как хоть

мизинчиком дотянуться до Ксании!

Ксания

Обе семьи расположились на стульях в нашей скромной гостиной. Вежливо, издалека приступили к разговору. Недоумение мамы и папы, их вчерашнее удивление по поводу моего скорого замужества было моментально углублено лукавой просьбой бабушки Алмазова присмотреться к её второму внуку.

— Наш Селиван ничем не хуже Андриана, — озорно добавила она, весело улыбаясь при этом. — Он очень надеется, что вы доверите ему свою Стефанию в качестве спутницы жизни.

— Да, да. Мой сыночек достоин только лучшего, — немедленно вклинилась в разговор блистающая золотом родительница Селивана. — Не мешало бы проверить качество. Хочу сказать, что в этом доме...

— Мы присмотрели сразу двух девочек для наших мальчиков! — дипломатично выруглила бабушка, награждая мать Селивана кипящим взглядом.

Та вынужденно замолчала, сердито поджимая губы. Бедная Стефи! Судя по лицу её будущей свекрови, женщина совсем не то собиралась сказать. Но... Селиван? Когда они с моей сестрой успели? Моё удивление не знает границ. Однако оно меркнет на фоне жаркого румянца, расцветающего на щеках Стефании. Бедняжка зарделась, как майская роза, глядя на Селивана. Их счастливые, смущённые и очень красноречивые взгляды, устремлённые друг на друга, показывают, что эти двое действительно умудрились друг другу понравиться. Родня сверкающего очками Сели радостно улыбается, кроме разнаряженной мамы, конечно. Наблюдает за «тайными» переглядками. Даже суровый Андриан усмехнулся. Уголкем губ. Словно нечаянно. При этом Зазнайка сидит на своём стуле, словно на троне, и посматривает на меня очень хищно. Будто я его до кончиков ногтей. Глаза мерцают. А у меня мурашки по позвоночнику величиной с кулак бегают.

— Глядя на молодых понимаю, что дело слажено, — весело заключает старшая женщина семьи Алмазовых, и я с трудом соображаю, что это она о Селиване и Стефи.

Чтобы отвлечься, во все глаза смотрю на бабушку. Сразу ясно, от кого Андриан унаследовал властную красоту. С поправкой на мужской пол, разумеется. Черты пожилой женщины полны величавости и аристократизма. В молодости она наверняка была невыразимо хороша собой. Так же и Андриан: глядя на него вышибает разум и потеют ладони. Как можно быть настолько красивым и мужественным? И как не стыдно быть одновременно таким вредным!

Рядом Андрианом сидит девушка, оказавшаяся его родной сестрой. Демон поглядывает на неё тепло. Чувствуется: оберегает по жизни. А мне остаётся удивляться, как родные брат и сестра столь не похожи характером. Они как день и ночь! Покраснев, отвожу взгляд от Айданы, получив в ответ добрую ободряющую улыбку. Сосредотачиваюсь на ответе своей мамы.

— Кто мы такие, чтобы перечить зову сердец молодых, — с трепетом проговорила она, и все заулыбались. — Но... — голос моей родительницы дрогнул. — Где мы. И где вы... — Трепеща, она начинает намекать на социальное положение. И разряженная в пух и прах мать Селивана довольно кивает.

— Вот и я о том. Как приятно, что вы осознаёте! Где мы и где вы. Это как облако пытаться скрестить с...

— Тётя! — теперь уже сестра Андриана сгладила углы, положив ухоженные пальчики на руку склочницы. — Тётушка, нам очень правильно сказали: кто мы такие, чтобы перечить зову сердец молодых.

Мягкая укоризна в её словах, словно печать. При всей своей мягкости Айдана умеет настаивать не хуже брата. Рванувшая с места в карьер женщина замолкает. Снова недовольно поджимает губы. Кажется, дело о замужестве моей сестрёнки можно считать решённым! Потом речь зашла обо мне, и мне стало не до Стефании. Нашу свадьбу с Зазнайкой взяли обсуждать как само-собой разумеющееся. Сколько гостей, какие блюда предпочтительней, в каком доме брачная ночь... Я краснела и бледнела. Возмущённо пыхтела. Вертелась на стуле. Поглядывала на жениха, но тот только ухмылялся самодовольно. Оно и не удивительно, всё-точки всё у него вышло! Прямо как по писанному! Алмазов к тому времени от приключения возле лестницы остыл, взгляд посветлел, однако время от времени Андриан напряжённо щурился. Будто ждал, что я выкину нечто эдакое. В глубине карих глаз мерцали настороженные огоньки. А я... Какое мне возражать! Я даже слова против вставить не могу, как бы не хотелось. Угрозу Алмазов выполнил, дом купил. Начни я протестовать, он проявит себя во всей красе.

Натан тоже здесь. Однако смотреть на него я боюсь. Поднимаю взгляд не выше ямочки на подбородке. Таким очень мужественном подбородке; который выглядит сейчас так, будто Натан изо всех сил стиснул челюсти. Всего лишь раз я отважилась встретиться с парнем взглядом (Алмазов сразу потемнел) и поймала растерянность в добрых глазах. Похоже, Натан единственный из семьи не знал, что сегодня Андриан ко мне сватается. И мне почему-то стыдно, словно я его обманула. Как сквозь вату слышу, обсуждение меня и Андриана. Свадебных нюансов. В голове ничего не задерживается, потому что я то тону в довольном, лучащемся удовлетворением взоре, то ловлю растерянный взгляд НК.

Разумеется, моему замужеству мама с отцом сильно не сопротивлялись. Ошарашенные предложением ещё вчера, они до сих пор в оторопении перед такими сватами. Тётя ратует за брак с Алмазовым больше всех. И очень скоро было всё закончено. Меня отдали Демону, и даже посмеялись, когда Айдана задала мне вопрос, а я не расслышала, не в силах отвести глаз от довольного лица жениха.

— Ай да Андриан, заморозил малышку! — фыркнул отец Селивана, поднимая волну смешков.

— Не смущайте девочку, — заулыбалась бабушка Алмазова. — Погляди, внук тоже с трудом отводит от неё взгляд.

— Молодые! Кровь у них горячая!

— Никак наглядеться не могут.

— Давайте выпьем чаю, — громогласно предложила наша тётя, и мы со Стефанией умчались на кухню.

Спрячем там свои пылающие щёки. Не знаю как Стефи, а я буквально лопатками чувствую провожающий меня взгляд Демона. У-у, злодеище! Искрится весь. Не сомневался в своей победе. Чтоб под ним стул подломился! Но ведь нет, слишком строен для этого. Добился всего, чего хотел и теперь улыбается. Может, мне его белоснежную рубашечку чаем облить?

Мы с сестрой хозяйничаем на кухне. Действуем быстро и споро, а я не забываю, что Андриану нельзя сахар, хотя киплю от гнева. Стефания шепчет:

— Ксани, получается мы теперь обе невесты? Будем замужем за братьями?

Сестрёнка мечется по кухне, пылающая как факел. Прижимает ладони к щекам, а выглянуть из кухни и посмотреть на своего благоверного боится, хоть ей и хочется. Я же выглядываю. Осторожненько. Как раз вижу, как Натан собирается подняться с места и последовать за мной, но Андриан его опережает. В нарушение всех приличий встаёт и молча направляется ко мне. Цепляет взглядом. Я немедленно отпрыгиваю назад, но уже поздно. Он с ума сошёл?

Обе родни немедленно переполошились.

— Дорогой, куда ты? — суетится тётя.

— Воды попить, — явно выдумывает Андриан, не собираясь останавливаться.

— Сейчас крикнем девочкам, они принесут, — подключается моя мать, но разве танк остановишь? Прёт вперёд. Небрежно машет рукой:

— Я сам.

— Там же Ксания, она нальёт, — несколько неуверенно тётя косится на гостей, а затем на моего жениха. Чем же он так запугал её?

— Да, пусть Ксани сделает, — на ходу зловеще соглашается Андриан. И продолжает движение.

Опять всё по-своему проворачивает! Тётя окриком торопит Стефанию, и сестра убегает с чаем. Не удалось нам пошептаться. Зато сестра снова пылает под нежным и мечтательным взглядом Селивана. Вот это я понимаю, терпеливый мужчина! Столько выдержки. Ждёт, как положено. Мой же уже на кухне. Глаза сверкают, ухмылка радостная. Но мне нужно разлить новую порцию чая, и я отворачиваюсь от созерцания довольного Алмазова.

— Спасибо за сладости, — бурчу я, думая, что нужно как-то поддержать его появление. Создать разговор. И сладости в самом деле чудесные были. — Очень вкусно.

— А с чего ты взяла, что их я принёс? — неожиданно заявляет жених.

Андриан

— Не Вы?

Ксания ошарашенно переспрашивает и моргает. Вид до того забавный, что я усмехаюсь.

— Нет.

— А тогда кто? — она зачем-то беспомощно оглянулась на гостиную с родственниками, затем повернулась ко мне и нахмурилась. — Вы меня разыгрываете!

Я сложил на груди руки и насмешливо посмотрел на неё. Чёрта с два я признаюсь! Она почти поверила и это было... Ну, не знаю. С одной стороны весело, что Ксани такая доверчивая. С другой стороны, не очень. Будто я подарить ничего не могу. Но признаться, что вчера нашёл в Интернете адрес лучшей кондитерской, и примчался туда с утра... Ладно, раньше, чем с утра. Магазины же в десять открываются. В восемь самые ранние, а я в пять встаю. Владельцу я звонил, в общем. Ради меня кондитерскую открыли досрочно и испекли кое-что сверх нормы. Короче говоря, не поворачивается у меня язык признаться. А покупая сладости получал удовольствие от самого процесса, даром что мне их нельзя. Затем приехал сюда, чем поразил тётю девчонок до икоты, а потом потребовал от Стефании хранить тайну максимально долго. И поставить вкусняшки рядом с кроватью Ксании. Собственноручно.

— Курьер принёс, — небрежно повёл бровью я, всё же не в силах отдать лавры появления сладостей кому-нибудь другому. А то решит моя ненаглядная, что их Натан купил. Не перенесу. — Дал такое приказание. Уж не считаешь ли ты, Ксания Мíлан, что я

лично стану тебе сладости к постели носить?

Сказал, и прикусил язык, впиваясь взглядом в лицо девушки. Ой, дурааак... В лице Ксании нечто неуволимо изменилось, словно погасло. Девушка отвернулась, грустно поправляя выбившуюся из причёски прядь волос.

— Конечно, не считаю, — буркнула она едва слышно, но я, тем не менее, расслышал.

Как же мне захотелось отыграть всё назад и признаться! Во всём признаться. Принёс. Поухаживал. Что запомнил всё до единого словечка, из рассказанного в рухнувшем доме. Возможно, тогда получил бы награду: необыкновенный свет глаз в ответ. Так Ксания смотрела на меня под завалом. Когда я её баюкал, утешая боль. Тогда она вряд ли осознавала, у неё всё плыло в голове, а сейчас посмотрела бы осознанно. Но было поздно. Насупившись, моя невеста сосредоточенно занялась чаем. Молчание затягивалось, и я не выдержал. Подступил ближе, засовывая руки в карманы. Сжимая подрагивающие пальцы в кулаки. Как есть дурак. Умеешь ты брякнуть. Давай, Алмазов, исправляй положение.

— Тебе понравилось сватание? — спрашиваю, и Ксания зло шипит, стискивая зубы.

— Оч-ч-чень. Просто словами не передать!

Не обманешь, моя красавица. На самом деле ты в бешенстве. Я усмехаюсь.

— Андриан Алмазов никогда не проигрывает. Запомни это.

Малявка, развернувшись, опалила меня диким огнём своего медового взгляда.

— Как бы Вам об этом не пожалеть, великий и ужасный Андриан Алмазов, — язвительно процедила она. И мило-мило улыбнулась, словно острый шип мне под ногти загнала. — Бойтесь своих желаний, знаете ли! Лучше передумайте жениться сейчас и отпустите меня. И дом отдайте. Точнее, я его у Вас выкуплю.

— Выкупишь? — невольно улыбаюсь во все зубы. — Каким образом, интересно?

В девчонке столько апломба, что это заводит. А ещё фраза про желания. Я ведь подумал так же, когда собирался свататься к ней. Наши мысли удивительным образом совпадают, и это ещё один повод для размышлений. Вытянув из кармана руку, касаюсь волос Ксании. В тёмных роскошных прядях запутался яркий лепесток розы. Он злит меня, напоминая о Натане, и в то же время пальцы зудят дотронуться, погладив при этом. Ксани не шарахается, позволяет. Только косится зло.

— Заработаю.

Сказав это, дёргается в сторону, чтобы уйти. Но я шагаю одновременно с ней, преграждаю путь. Ещё и рукой на стену опираюсь, чтобы наверняка.

— Насчёт отпустить...

Ксания

Демон преграждает мне путь. До этого стоял, засунув руки в карманы, чуть покачиваясь на мысках стоп. Он так делает время от времени, когда о чём-то напряжённо размышляет. Кажется, я даже начинаю любить эту его манеру. Несмотря на независимость, в привычке какая-то... уязвимость что ли.

— Лучше передумайте и отпустите меня, — шиплю, раздосадованная его лёгкой победой со сватанием, а потом брякаю, что дом выкуплю.

Алмазов улыбается. Конечно, ему ли не знать, сколько и где я зарабатываю! Он мне зарплату платит. Но я сейчас слишком зла. Он папу с мамой вызвал, своих родственников подключил, меня в ловушку загнал. Всё предусмотрел. Кроме того, что я молчать буду. Хочу уйти, а он преграждает мне путь.

— Не понимаю, почему ты так упорно цепляешься за вариант, в котором я от тебя отказываюсь? — задумчиво произносит он. На самом деле задумчиво. — Практически бросить призываешь. А я вот думаю: разве может быть интересен мужчина, который сначала обещал, а потом передумал? Такой недорого стоит. Ты в любом случае скоро станешь моей, так что у нас нет необходимости говорить о расставании.

Подвисяю на зрелище как двигаются мужские губы, произнося уверенное: «станешь моей». Ух, аж до дрожи! Красиво. Проникает в глубину сердца. И даже присваивание не бесит. Наоборот, теплом разливается под кожей. Только потом до меня доходит, что Андриан сказал почти то же самое, что и Натан, только другими словами. Но как по-разному реагирует моя душа! Почему? И вот эта... Упертость эта мужская — она у них семейная получается?

— Я смотрю, Вы никогда не отказывайтесь от своих идей, — ворчу, и снова порываюсь уйти. — Дело в Вас. Вы слишком напираете.

Хочу выйти из кухни, но Алмазов препятствует. Всем телом путь преграждает. Руками не касается, но от того ощущение крупного тела рядом ещё острее.

— Ты обещала мне поцелуй, — вдруг нахально заявляет он, и я замираю. Попадаюсь в ловушку мужского взгляда.

— Когда это?!

— Когда сказала, что я крышесносно целуюсь.

Андриан не сдерживает самодовольную улыбку.

— Я была не в себе.

— Ну же, Ксани, — подначивает он. — Тебе понравилось тогда и понравится снова.

С опаской гляжу на него, пытаюсь предугадать мужские действия. А ну как сейчас горячая кровь в голову ударит, и он опять целоваться начнёт? И ведь я не то чтобы против! Но там, в гостиной, сидят гости. Алмазов правильно расценил мои колебания.

— Нас не видно. Иди сюда, я никому не скажу, что раньше времени пристаю к невесте.

И с места не двигается, змей. Ждёт, чтобы я сама подошла. А я едва не шагаю, отвечая на зов. Да я с ума сошла! Вцепляюсь в столешницу, удерживая себя на месте. Смотрю, как Алмазов следит за мной. А ведь он напряжён! Прищурился, словно хищник.

— Не сейчас, — отвечаю к собственному ужасу.

Карие глаза лучисто вспыхивают. Так он проверял меня?!

— Вечером, — утверждает немедленно.

От вспыхнувшего негодования отвлекают крики в гостиной. Что-то там пошло не по плану. Среди гомона голосов громче всех звучат гневные вопли матери Селивана, растерянные бормотания самого Селивана, другой мужской голос, увещающий. Строгие интонации бабушки Андриана, нашей тёти... Мне мерещатся всхлипывания сестры. С Алмазовым мы переглядываемся, и вместе бежим в гостиную.

Если бы на этот день просто закончился, было бы хорошо. Инцидент в гостиной был быстро улажен, скандал погашен, свадьбы ни у кого не сорвались. К огромному расстройству родительницы Селивана, которая пыталась сделать именно это. Но меня напоследок ждал откровенный разговор с Натаном. Разумеется, подспудно объяснений с парнем я ждала. Симпатий он не скрывал, розы подарил. Да и не из тех Натан, кто проглатывает подобное молча.

Австралийский брат улучил момент и подошёл ко мне, когда все были в доме. Даже Андриан. А я выскочила на крыльцо подышать, не зная, куда себя деть от смущения. Я

пообещала Демону поцелуй, находясь в здравом уме и ясной памяти! Как могла?! Алмазов такого не упустит. Обязательно припомнит, как только представится возможность. Или он сам её создаст. Второе даже более вероятно.

Натан вышел, встал плечом к плечу, и вид у него донельзя смущённый.

— Я сейчас не увижу ничего запрещённого, что не для мужских глаз? — пошутил он, имея в виду моё нарушаемое уединение, и я помотала головой, невольно улыбаясь.

— Нет.

НК отозвался доброй улыбкой. Запустил пятерню в волосы, провёл по ним, сбрасывая напряжение.

— Прости, Ксания, я не знал, что сегодня ты будешь просватана, — честно заявил он, настолько серьёзным, не характерным для него тоном, что мурашки бегут по спине. — Если бы знал, не пришёл бы с букетом, чтобы не компрометировать тебя. Хотя нет, всё равно бы пришёл!

Я вздыхаю. Натан не раскаивается, у него такое выражение лица, что мне его почти что жаль. Почти — потому что не могу подобрать слов, чтобы охарактеризовать своё состояние. Жалость присутствует, но в ней есть нечто большее, скрывающееся под слоем эмоций. Какой же Натан классный! Жаль, что воспринимается исключительно как друг.

У нас мало времени, чтобы пообщаться — из дома доносятся приближающиеся голоса — и НК торопится.

— Извини. Я думал, у меня в запасе есть время. А так...

— Я тоже не знала, — признаюсь я. — Не знала, что сватовство состоится именно сегодня. Андриан провернул всё настолько быстро...

Некоторое время НК серьёзно смотрит на меня.

— Что ты будешь делать? — шепчу, переходя на дружеское «ты», и Натан замечает это, улыбается.

— Не знаю. Какую-нибудь глупость.

Удивительно, но он понимает, что я говорю не о сиюминутном.

— У меня нет причин уступать тебя Андриану, — вдруг предельно откровенно заявляет он, и я холодею.

Смотрю НК в лицо, ставшему таким решительным, на стиснутые челюсти, напряжённые скулы, ямочку на подбородке, чуть прищуренные глаза... И боюсь этого выражения.

— Тебе нужно домой, — с участием прошу, пытаюсь переменить тему. — Отдохнуть, ты же недавно прилетел из Австралии. Возможно даже лечь спать.

Натан какое-то время обдумывает мой вариант.

— Думаешь, я смогу?

— Нет, — вздыхаю. Боги, почему этот славный парень не встретился мне чуть раньше? Не удержавшись, поглаживаю его по руке, отчего в глазах Натана мелькает блаженно-мучительное выражение. — Так что же ты...

— Теоретически то, что сказала ты. А практически... — НК усмехнулся. — Приеду в особняк Алмазовых, засяду за ноут. Взломаю парочку другую программ, спалю чей-нибудь сервер, хакну сайт обороны — меня давно просили, теперь я дозрел до этого свершения, поразмышляю, как мне не повезло встретить девушку, которую выбрал для себя мой брат. И... буду делать всё, чтобы ты изменила своё решение.

Глава 11. Ты говори, говори. Не стесняйся!

Ксения

Прошло два дня. Семьи Алмазовых и Милан с головой погрузились в предсвадебные хлопоты. Мама и папа не уехали, как собирались сначала, а остались в Бостоне и даже посетили дом жениха с визитом вежливости. Вернулись под впечатлением. Я в дом будущей родни намеренно не поехала, хотя звали. Застеснявшаяся Стефания тоже осталась дома. С сестрой всё было ясно: будущая свекровь её открыто невзлюбила. Отпускала язвительные шуточки, многозначительные намёки, ждала оплошности со стороны Стефи, лишь бы прицепиться. А меня остановили сверкающие хитрыми искорками глаза Демона. После успешного сватовства Андриан Алмазов пришёл в хорошее расположение духа, и явно нацелился на нечто эдакое. Но я ему такой радости не доставлю! От родителей наслушалась хвалебных отзывов о доме жениха, хотя правильнее будет назвать эту громаду дворцом. Ну, или особняком. Да.

— Ах, дорогая, ах! — бесконечно восклицала тётя, делясь впечатлениями с матерью. — Дом огромный. Боже ж ты мой, и он при этом в идеальной чистоте! Столько света! Колонны в холле будто отполированные, так и сверкают. Повсюду диваны и кресла. Обивка у большинства под цвет стен. А у некоторых на контраст, как же это красиво! Наверняка дизайнера нанимали. Мне особенно небесно-голубой уголок понравился. А ещё, мыслимое ли дело, в доме собственный бассейн!

Я хмыкнула, воочию представляя себе обстановку. А ещё почему-то Андриана Алмазова, по-хозяйски развалившегося на небесно-голубом. И ухмылочка такая! Яростно встряхнув платье (как раз взялась за разборку, чтобы отвлечься), я сложила его к остальной стопочке. Тёте даже чай в богатом особняке показался вкуснее, чем у нас. Ppp!

— Мы отдаём девочек в хороший дом, дорогая, — продолжила тем временем восхищаться тётя. — Пусть у них всё сложится на новом месте, а жизнь будет счастливой!

— Да, да, — скромно кивала мама, соглашаясь дрожащим голосом. В отличие от тёти визит в богатый дом вверг её в уныние. Настроение совсем не напоминало радость. — Семья очень богатая. Важная. Но тебе не показалось, что та женщина... Мама паренька в очках. Селивана. Что она нашу Стефочку... Невзлюбила.

Последнее слово мама выдохнула едва слышно.

— Конечно, заметила, — тётя тоже понизила голос и задумчиво пожевала губами. — Будем надеяться, что всё образуется. Со временем она обязательно увидит, какая хорошая у нас девочка. Стефания очень терпеливая. Она сможет найти подход. Это Ксения сущий чертёнок. Так ведь и жених достался ей под стать, не так ли? Огонь! — хихикнув, тётя подтолкнула заулыбавшуюся и покрасневшую маму.

Платье выпало у меня из рук. Что?! Неужели опять! Я даже в отсутствие Алмазов напоминания о нём получаю! Мало того, что он без того маячит в моей голове! И что это говорят мама с тётей? Он — огонь?! Так впечатлил? Демон он! Демон!!! Злой жар опалил щёки. Ужасно обидно сознавать, что мама и тётя решили, будто Андриан мне подходит. Что мы с ним друг другу под стать. Я оскорблённо засопела. В воображении возникла картина гордого черноволосого мужчины, укрощающего «чертёнка». Меня, то бишь. Да перетопчется! Муж... вот этот. Господи, помоги! Моя семья просто не знает, какой он на самом деле тиран. И самодовольный тип. Каким образом тянет меня замуж. Если бы

знали, не радовались. И так бы не шутили. И ненавидели бы его, как я, если бы были в курсе, что дом, в котором мы едим, спим, дышим, уже не наш дом. Да, о выходке Алмазова с покупкой нашего жилья я родственникам не сказала. Решила побережь их нервную систему, раз уж на замужество уже согласилась. Подобрала с пола платье, я гордо удалилась в дальнюю комнату, не желая больше слушать восторгов об Андриане. Нравится он женщинам всех возрастов, вот ведь мерзавец!

Предсвадебная суэта последних дней включала в себя не только подготовку меню, выбор ресторана побольше (две свадьбы одновременно всё-таки), колец и украшений, а также проведение вечеринки, цель которой знакомство с будущей роднёй. И определённая репетиция выхода образовавшихся пар «в свет». Вечеринку я ждала с испугом, понимая, что отвертеться и улизнуть мне никто не даст. Сестра отправится на неё с Селиваном, а я... с Алмазовым.

Стефи вся светилась от радости, предвкушая романтическое свидание с женихом, и я не могла не радоваться, глядя на неё. Они были такими милыми с Селей с их застенчивыми переглядками и тайными улыбками, не отводили друг от друга глаз, прямо сердце таяло, а вот наша «пара»... Я не знала, куда спрятаться от прожигающего внимания Андриана. Этот, как Селя, не смущался. О нет! Никакой робости. Мой Демон смотрел жадно, пристально, словно собирался пробуравить во мне дыру. И в то же время задумчиво, будто раз за разом прокручивал некую мысль и не мог прийти к очевидному завершению.

Пропустив мимо ушей, что на вечер требуется роскошное платье, я с трепетом думала о том, что мне и Андриану придётся всегда быть рядом. Нас и за стол посадят бок о бок. Придётся говорить, улыбаться, кушать (кусочек в горло не ползет!), и всё это под пристальным вниманием босса.

— Эй, Стрекоза, ты на работу не опоздаешь? — донеслось из-за двери, и я заторопилась.

Действительно, как бы не опоздать со всеми этими мечтами-страданиями!

Ожидая свадьбу, я продолжала ходить на работу. Алмазов не протестовал. Как начальник он мой рабочий график не менял, сам в офис являлся исправно, и Натан тоже ходил на работу. Надо сказать, что между ним и Андрианом установилось временное перемирие. Мужчины общались, будто не было происшествия с букетом, но больше всего подобное затишье было похоже на рывок перед бурей. От меня они оба держались подальше, исключительно официально, однако стоило появиться в поле зрения одному, как тут же рядом возникал второй. Окидывали друг друга напряжёнными взглядами мартовских котов. Натан смотрел горячо, жадно, однако границ не переступал. А Андриан, чувствуя себя вольготнее на законных правах жениха, приноровился раздавать указания. Особенно он расходился к середине дня. Заваливал меня просьбами принести документы, бланки, то кофе требовал, словно я секретарь.

Я лавировала между его приказов как могла. Пытаясь избежать встреч; один раз даже спряталась. Но Демон ловко нашёл меня, не поленившись выбраться из кабинета. И так строго посмотрел, когда нашёл, что душа перевернулась.

«Ксания?!» — этот непередаваемый тон никогда не забуду.

Больше за стойкой ресепшена решила не прятаться.

А однажды подумала, что обхитрю его. Кофе, требуемый начальником, исправно приготовила, а принести его попросила идущую в кабинет секретаршу. Мол, всё равно по пути, как раз бумаги на подпись несёшь,хвати и кофе, пожалуйста. Так Демон развернул

её, заявив, что кто готовил, тот пусть и носит. Да ещё бушевал потом с полчаса. Н-да, Зазнайце умел добиваться своего.

Прибежав на работу, я убедилась, что не опоздала и с лёгким сердцем принялась за дела. Между прочим, недавно в «Андрвис» у меня случилось повышение. Почти муж одарил новыми обязанностями, язвительно сообщив, что он в меня верит. И я обязательно справлюсь, невзирая на то, что девушка. Очевидно, что-то такое произошло в его голове, раз с разборов завалов в архиве он повысил меня до копирайтера.

Новая работа была не с Натаном, как просил австралийский брат (для кузена Андриан выделил в помощь шуплого паренька), однако весьма интересная. Смирившись с мыслью, что не стать мне аналитиком по исследованию компьютерных программ, я с головой погрузилась в новое дело.

— У нас прямо-таки переломный момент, — шутил НК, когда узнал, на какую должность Алмазов меня назначил. — До этого Адди считал, что женщины работают плохо. Все презентационные тексты всегда писали мужчины. Всегда.

— Я и сейчас так считаю, — как-то вяло отозвался Андриан, потирая переносицу. Конечно же, он был рядом и всё слышал. — А ты, если немедленно не замолчишь, будешь переживать этот переломный момент в своём кабинете. Не здесь отираться.

Натан засмеялся, парируя, что откуда угодно может работать. Но Андриан шутки не оценил.

— Вот и работай, — рыкнул он.

Разъярился, того и гляди пар из ушей повалит.

— А Ксания-то согласна? — додумался уточнить НК, так как меня на самом деле никто о согласии на повышение не спросил.

— Конечно, согласна! — жизнерадостно ответила я, покосившись на Зазнайку. — Это невероятная уступка с моей стороны, мистер Алмазов. Ведь в бизнесе нужно делать всё, чтобы достигать целей.

Андриан хмыкнул.

А если серьёзно, то тексты рекламного характера, презентующие идеи «Андрвис» давались мне легко. Природная склонность, очевидно. Проработав около часа, я стала свидетельницей странного происшествия. Оно нарушило установившийся ход вещей, и перемирие между НК и Демоном.

— Натан! Зайди ко мне в кабинет! — сходу рявкнул Андриан, едва ворвавшись в офис.

Его голос разнёсся по всему этажу, и сотрудники мигом уткнулись носами в мониторы, изображая бурную деятельность. На меня Алмазов едва посмотрел, когда пролетал мимо, и сердце замерло, предчувствуя недоброе. Со своего места я наблюдала, как в прозрачный кабинет босса зашёл Натан, и австралийский брат тоже покосился на меня, прежде чем зайти. Усевшись друг напротив друга, они начали разговаривать. Я же утратила покой. Что случилось? Почему Андриан в таком настроении? Всё же хорошо было, разве нет? Едва осознавая, что делаю, поднялась с места и стала подбираться ближе. Дверь была приоткрыта, из неё просачивались голоса. Пока мне не были слышны детали. Я видела, что Андриан говорит, а НК слушает. Вдруг Натан неожиданно подскочил, его кресло грохнулось на пол, и он во все глаза уставился на Алмазова.

— Ты уверен? — в его до странности сиплом голосе зазвучат ехидные нотки. — Может, мне ещё нужно что-нибудь сделать?

В интонациях австралийского брата кроме ехидства — потрясение, злость, сомнения.

Они доносятся до меня и опаляют важностью происходящего спора.

— Ты давай, говори, не стесняйся! Сразу говори, чтобы я примерно представлял, чего от тебя ждать!

Теперь в голосе Натана только злость, и чёрные брови Андриана сердито сходятся на переносице.

— Не зарывайся.

— И в мыслях нет. Почему именно я?

— Ты будешь убедителен в этой роли, — на лице Алмазова непробиваемое упрямство.

— Знаешь, что... — Натан шипит несколько слов на неизвестном мне языке. — Ты хоть представляешь, как это выглядит со стороны? Такое не прощают. Просто, чтоб ты знал!

— Просто не надо об этом распространяться.

— Не думаю, что такое можно удержать в секрете.

— А ты попробуй.

Андриан уже кипит. На его скулах вздуваются желваки и начинают ходить ходуном, взгляд становится опасным. Однако НК это не останавливает.

— Да я... — не глядя, он тычет рукой в сторону, невольно попадая в моём направлении. — Ты не подумал, что я буду делать всё по-настоящему, мой дорогой, не слишком умный брат Адди?!

Мой желудок ухнул куда-то в пятки, когда Андриан стремительно вскочил и бросился к Натану.

— Только посмей! — зарычал он, встряхивая того за грудки. — Я не терплю угроз!

— Ну, надо же. Я тоже!

На щеках австралийского брата лихорадочный румянец. Некоторое время мужчины смотрят друг на друга, тяжело дыша. Затем, так же не глядя по сторонам, Андриан отталкивает Натана, и прихлопывает приоткрытую створку двери. До меня больше не доносится ни звука. Не слышу ничего, но зато вижу, как братья орут друг на друга, всё больше распаляясь. Пять минут? Десять? Кажется, что целую вечность. Мурашки страха, превратившись в ледяные царапки, бегают по спине. И угораздило же меня стать свидетельницей их разборок! Интуиция кричит, что речь идёт обо мне.

Сама не своя, закусываю костяшки пальцев. От очередного аргумента Андриана Натан не выдерживает, и пулей вылетает из кабинета, саданув на прощанье дверь. Внутри что-то с треском разбивается, падает.

— Ты дождёшься от меня только настоящих действий! — в ярости кричит НК из коридора. — Всё будет по-настоящему, Адди, так и знай! Ты сам дал мне на это карт-бланш!

Андриан рычит, резким движением руки отправляет собственное кресло в кувыркающийся полёт... Снова что-то разбивается, усиливая хаос в кабинете, а сам Алмазов зло стискивает кулаки, едва не бросаясь за Натаном. Взъерошенный НК умчался в противоположном направлении, не заметив меня, зато Андриан, пылая гневом, сталкивается через стекло взглядом. Какое-то время мы смотрим друг на друга, а затем он отворачивается, обрывая нить взгляда.

— Не пускать ко мне сегодня этого программиста, — по интеркому командует Алмазов секретарям, не называя НК по имени, и мне кажется, что это плохой знак.

Андриан

Потрясённый и испуганный вид Ксании не выходит из головы. Я видел её практически с самого начала, хоть и не подал вида, и знал, что многого она не услышала. Не поняла ничего. Но эта пигалица... Она догадлива. Наверняка чувствует, что речь была о ней. Так что же мне теперь делать? Маскироваться и идти на попятную после того, как высказал свой приказ Натану уже невыносимо. Да я и не хочу. Знаю, что не прав, но желание не выходит из головы. Я должен это выяснить. И почему с некоторых пор мне так необходимо знать подноготную её чувств и мыслей? За золотистыми переливами чудесных глаз скрывается целый мир... И я хочу туда. Новым.

Отвернувшись от ошарашенного лица невесты, я отдал приказ не пускать ко мне Натана. Какое-то время. Мне нужно остыть. После выяснения отношений на повышенных тонах хочется убить кузена, как врага! И я, яростно выдохнув, буквально заставляю себя заняться делами, тогда как перед глазами пляшут огненно-бардовые всполохи. Натан, Натан! Он меня взбесил.

Подняв с пола опрокинутое кресло, усаживаюсь за стол. Нужно сделать распоряжения насчёт ресторана, а потом по поводу вечеринки. Тут у меня таится собственный корыстный интерес, так как бьюсь об заклад: Ксания пропустила мимо ушей, что на вечеринку требуется вечернее платье. Селивану напомню; пусть стеснительная Стефания заранее чувствует себя комфортно. Полагаю, Селя захочет одеться с невестой в одном стиле, и для этого в Бостоне есть специальные бутики. А вот моей Колючке будет сюрприз. Давно хотел посмотреть, как она будет выглядеть в роскошном наряде. Отчасти это похоже на маленький заговор против и для Ксании, и подобная мысль несколько улучшает настроение.

Кроме хлопот об аренде помещения, договора с клининговой компанией и фирмой, украшающей зал, дел ещё много. Закуски, напитки. И как хорошо, что сестра согласилась мне помочь. В первую очередь с пригласительными. Её странный муж исчез в очередной командировке, и она грустит. Пусть развеется заодно. А мне всегда было непонятно, как у простого адвоката по гражданским делам разъездов больше, чем у меня. Н-да.

Я привычно подавил негатив к Власу, напомнив себе, что счастье сестры превыше всего. Айдана счастлива с этим человеком. Открыто я не одобряю лишь методов сестры выражать любовь. На этот раз бабушке чудом удалось отговорить её от очередного изнуряющего поста для мужа. Голодать Айдана принималась всякий раз, стоило только вертихвосту отъехать из дома. Постилась за благополучное возвращение супруга. А я... Убейте меня, не понимаю, как голодовка может поспособствовать возвращению кого бы то ни было. Ну или ещё там чему. Однако бедняжка живёт чувствами. Сантименты, сантименты и ещё раз сантименты. Я же чистый рационал. Прекрасно знаю, что нужно для дела, где и как это достать, а вот то, чего хочу лично, часто понять сложно. Довольно тонкая грань, но она ощутима, сказывается в каждом вздохе. Я не умею доверять чувствам и незнакомым людям. Не тону в мыслях о будущем, не смотрю на звёзды, представляя иное развитие ситуации, как любит Ксания. Во многих ситуациях даже не успеваю разобраться «почему». Зато сразу спрашиваю «что». Что нужно делать, чтобы решить проблему, какие предпринять шаги. От меня веет конкретикой, мне нужны результаты. И, возможно, поэтому меня так потянуло к одной строптивой девчонке, потому что в ней я увидел возможность наконец-то получить результат в недоступной для меня сфере: сфере чувств. Я вздохнул. Всё-таки хорошо, что Айдана занялась организацией праздника.

Словно отзываясь на мои мысли, зазвонил телефон, и на экране высветилось: Айдана.

— Да, сестра, — по возможности ровным тоном проговорил я, успокаивая остатки

ярости.

— Адри, я разослала всем приглашения, как ты и просил, — отчиталась она. — Но знаешь... — сестра замялась. — Я первый раз делала это по электронной почте, и... Ты только не сердись.

Понимаю, что что-то в электронной рассылке пошло не так.

— В чём дело?

— Братик, не будь строг. Для ускорения процесса я зашла в почту под твоим логином и выбрала автоматическую рассылку от компании.

— И что? — я всё ещё не понимаю.

— Дело в том, что в сотрудниках рассылки числится Ирма Торрес. Я в курсе, что ты с ней расстался и женишься на Ксании, но она вместе со всеми сотрудниками получила приглашение на вечеринку. И даже прислала ответ, что обязательно будет. С подругой. Мне неудобно отказывать ей после такого. Некрасиво получится. Получится, будто я ошиблась, и теперь выделяю её... Негативно.

Я морщусь. Только Ирмы на празднике не хватало! Айдана горестно дышит в трубку, и я прямо «вижу», как она делает жалобное выражение лица. Приподнимает брови, скорбно изгибает губы. Она всегда так делает, когда виновата и не знает, как попросить прощения.

— Адричек?

— Не думай об этом, — взвесив все «за» и «против», наконец, отвечаю.

Вряд ли случится что-то сильно ужасное, если Ирма явится на вечеринку. В конце концов, попрошу охрану присматривать за ней. А если вздумает устроить сцену — ей же хуже.

— Торрес я как-нибудь переживу, — сообщаю своей вздохнувшей с облегчением сестре и после двух минут её уже весёлого и беззаботного чириканья положил трубку.

Оглянулся, глядя сквозь прозрачные стены кабинета. Как раз вовремя. Мой австралийский брат, сияя улыбкой, стоит возле Ксании и что-то ей рассказывает, взмахивая руками. Судя по их лицам, нечто забавное. Ксания смеётся, а НК то и дело извиняется, когда путается в словах. Ксани его исправляет. Вся она такая светлая, искрящаяся, солнечная. Хохочет от оплошностей кузена. А мне приходит в голову, что Натан допускает огрехи в произношении нарочно. Ловко же! Изящный способ завладеть вниманием девушки. Злюсь. И одновременно зависаю на любовании невестой, словно во сне глядя на её ясную улыбку. На сияющие глаза, нежное личико, губы, по движению которых можно прочесть слова, настолько внятно она их произносит, стараясь для Натана. Какой-то неправильный у меня брат! Хочется съязвить, выдать нечто эдакое, чтобы эти двое так не радовались.

— Совсем страх потеряли, — бурчу сквозь зубы, наблюдая за пасторальной картиной. — Милуются тут!

Ничего недопустимого Ксания и Натан не делают, просто разговаривают. Умом понимаю это, но мне аж нервы выворачивает от сладости картины. Решительно направляюсь к брату и невесте. По существу или нет, но вмешаться в их разговор необходимо, иначе я за себя не ручаюсь.

Глава 12. Приличия и подарок

Ксения

Рык демона какое-то время разносился по офису. Всех разогнал, в том числе Натана, заставив работать. А потом он просто взял меня за руку и на глазах многочисленных сотрудников повёл за собой. И я... Пошла. Как загипнотизированная, отчего сейчас на себя злюсь.

— Садись в машину, — непрекаемым тоном заявил Андриан, распахивая передо мной дверцу джипа.

Неприметный служащий, увидев босса, быстро подогнал к ступенькам «Андрвис» мощного белого красавца и быстро исчез, предпочитая не попадаться на глаза. Я бы тоже с удовольствием спряталась, но у меня нет такой возможности: Андриан рядом и бдит. Похоже, умный Зазнайка сделал из нашей беседы с НК свои выводы и решил... Отобратить? Покраснеть не успеваю, так как наравне со смущением меня начинает разбирать злость. И последней определённно больше.

— Почему Вы вмешались? — яростно интересуюсь. — Мы разговаривали! Теперь весь офис будет судачить о вашем странном поведении!

— Мне всё равно.

— Мне это не нравится, — не сдаюсь. — Что люди подумают?

— Что ты моя будущая жена.

— А Натан? Мне перед ним стыдно! Получилось так, будто я выказала ему своё пренебрежение, уйдя, не прощаясь.

Андриан упирается ладонями в машину по бокам от меня.

— Возможно, — улыбается он, обдавая жаром своего тела и хитрым прищуром. — А возможно, он так не решит. Но какая разница, если теперь ты моя. Тебя не должен беспокоить какой-то парень, приехавший из Австралии.

Он опять не называет НК по имени, и меня это беспокоит.

— Он ваш брат, — строго напоминаю.

Мне приходится прижиматься к машине спиной, чтобы держаться от Андриана подальше, но даже так я чувствую исходящие от него флюиды власти и раздражения. Что же такого случилось между ним и НК в кабинете, из-за чего Алмазов до сих пор сам не свой? Почему Натан выскочил, как ошпаренный? А Андриан бесился. Столько вопросов, ответов нет.

Андриан на моё замечание морщится, бурчит что-то неразборчивое, и подпихивает к открытой дверце автомобиля:

— Садись, поехали.

— Куда?

— Сюрприз. — Вид у него по-прежнему недовольный. — Не будем больше говорить о брате. Это не та тема, которую я хочу обсуждать. И я до сих пор на него зол за случай с букетом.

О том, что они орали друг на друга полчаса назад, Зазнайка умалчивает. Я тоже прикусываю язык, хотя так и тянет сказать, что видела их новую ссору. Но Андриан это и без того знает; застал же меня на месте «преступления». Если молчит, лучше так тому и быть. Задвигаю случай с криками подальше в память и бросаюсь на защиту Натана, зацепившись

за фразу о букете.

— Он не хотел ничего плохого. Просто...

— Ухаживал. — Лицо мужчины темнеет. — В том и проблема.

— Да, но...

«Натан хороший, но мне не нужны его ухаживания», — сам собой рождается ответ, однако я не пускаю его на волю.

— Вы тогда вели себя очень страшно. Я тоже испугалась.

— Вот как? — Андриан кровожадно ухмыляется. — Не бойся, тебя я в любом случае лишь попугал бы. А вот брату дома перепало по полной.

— Ничего себе «попугал»! Я от разрыва сердца чуть не скончалась.

Со стыдом ловлю себя на чувстве облегчения. Андриан практически прямым текстом сознался в ещё одной ссоре с Натаном, о которой я не знаю. А я вместо того, чтобы переживать за НК, радуюсь, что на меня Демон злился не всерьёз.

Настроение, как мираж. Андриан пристально смотрит на меня, и мне от его взгляда то жарко, то холодно.

— По тебе не скажешь, что ты тогда чего-то боялась, — хмыкает мужчина, и кивком головы указывает на распахнутую дверь авто. — Едем уже, Ксани.

В машину всё-таки сажусь, хотя Зазнайка так и не сказал, куда и зачем мы едем. Что за сюрприз среди бела дня, о котором нельзя сказать? И почему мне от него заранее не по себе. Утешаюсь мыслью, что в последних фразах Андриан назвал-таки Натана братом. Не «тем программистом» или «парнем», подчёркивая безликое отношение, и это уже хорошо.

Видя мою послушность, Алмазов смягчается. Почти улыбаясь, обходит авто спереди, садится за руль. Точно что-то задумал.

Не смотря на не самое ласковое начало, в машине повисает уютная тишина. Она удивительно тёплая, комфортная, и мне совсем не хочется нарушать её, тогда как обычно в таких случаях я болтаю без умолку, не вынося молчания. Андриан с явным удовольствием погрузился в вождение. Сразу видно: любит рулить. Ловко ведёт джип, лавируя среди плотного потока машин. А мне легко и приятно с ним таким, сосредоточившимся на дороге.

Говорят, можно многое понять о человеке по тому, как он водит. Я согласна с этим утверждением на все сто. Придерживаюсь его, на собственной шкурке испытал разную манеру езды тётиных знакомых, которые приходили нам на помощь для перемещения на дальние расстояния. Некоторые водили аккуратно. Так, что наслаждение ехать даже по забитым дорогам. А некоторые по свободным катили так, что желудок к горлу подпрыгивал, и потом половину дня голова не на месте. Брутальное авто Демона, конечно, не чета драндулетам тётиных знакомых, но принципы работают те же. Андриан без усилий управлялся с огромной машиной. Вёл не задумываясь; естественно, как дышал и переключался молниеносно, когда нужно было перестроиться из ряда в ряд или нырнуть во внезапно образовавшийся просвет. При этом он умудрялся ехать плавно. Иногда чуть замедлял ход, когда для того вроде и не было нужды (а потом впереди начинали сигналить и ругаться), и я, как пассажир, погрузилась в подобие нирваны. Бывает же такое. Даже поймала себя на мысли, что могу и помолчать, не испытывая неловкости от тишины.

Отключившись от мыслей, я погрузилась в созерцание мужского профиля. Точёные скулы, классические черты. Роскошный рот, невероятно мужской. Губы жёстко и чётко очерченные. Сейчас сосредоточенно сомкнуты, но я знаю, как они умеют целовать и какими могут быть мягкими. Покраснев, оторвала взгляд от лица и заскользила им ниже.

Руки сильные, крепкие. С чуть выступающими венами на предплечьях. Это хорошо видно, потому что рукава рубашки закатаны до локтей. Очень красиво и тщательно. Ещё одна привычка жениха, которую я заметила. Верхняя пуговица рубашки расстёгнута, демонстрируя смугловатую кожу. Сразу захотелось дотронуться и погладить. Если смотреть ещё ниже... Нет, зрелища мужских бёдер я не вынесу. Краснею, встретившись в зеркальце заднего вида с ответным взглядом Андриана.

— Нравлюсь? — хриловато и как-то напряжённо спрашивает он.

Эээ... Что ответить? Подловил за разглядыванием. Что смотрела будто бы сквозь него, теперь не соврать.

— Сами знаете, что выглядите хорошо, — ответила сдержанно, и Андриан усмехнулся уголком рта. Ждал явно не этого.

— Приехали.

Оглядываюсь по сторонам. Совсем не успела понять, как добрались сюда. Мы на другом конце города. Вперёд тянется широкая улица, выложенная брусчаткой, а не асфальтом, и по обе стороны от неё сверкают шикарные витрины дорогих бутиков. Каких тут только нет! Подобное я лишь в глянцевых журналах видела. Наш джип застыл возле салона с фасадом цвета слоновой кости и входом, обрамлённым выступами ложных колонн. Справа и слева стеклянные окна-витрины впечатляющих размеров: от земли до крыши. Над дверью полупрозрачный козырёк, и мелодичный колокольчик сбоку. Без сомнения это очень стильный и дорогой салон, от которого прямо-таки веет эксклюзивностью. А Алмазов уже вышел из машины и тянет меня к нему.

— А-андриан, — заикаясь, произношу я, ощущая как от восторга и трепета слабеют колени. — Вы точно адресом не ошиблись?

Андриан

От увиденного брови Ксании ползут вверх, буквально встают домиком. На лице такое потрясённое выражение, что трудно удержаться от улыбки. Маскирую её, покусывая щёку изнутри. Боюсь, получается плохо. И отлично, что Ксания не смотрит на меня, целиком поглощённая видом. И ведь не догадывается, для чего мы здесь. Но, маленькая умница, ощущает особенную ауру. Делает выводы. Как же приятно её удивлять! А вот к дальнейшему поведению невесты я оказался не готов.

— А-андриан, — соблазнительно тянет она. — Вы точно адресом не ошиблись?

И пятится, пятится подальше от бутика.

Нет, я хотел именно сюда. Но сказать, что мы на нужном месте не успеваю. Неугомонная отступает за джип и пытается сбежать.

— Я пешком пройду! Не буду заходить в такое место!

Успел поймать её за руку.

— Спокойно, Ксани. Мы там, где надо.

— Нет. Нет-нет-нет! — мне определённо не верят. — Это не для меня. И мне не по карману.

Дьявол. Кто бы мог подумать, что возможность окунуться в сказочное содержимое, милое любому женскому сердцу, Ксанию отпугнёт. На лице девушки настоящая паника.

— Мне по карману, — успокаиваю уверенно.

Цены в этом бутике однозначно космические, но для меня не проблема. Оно того стóит. И, каюсь, специально привёз невесту сюда, чтобы насладиться её реакцией. Порадовать

хотел. А ещё салон подкупал тем, что располагался далеко от «Андрвис». Значит, минимален риск встретить возможных знакомых. А также салон специализировался на обслуживании vip-клиентов. То есть, можно заявить: «Мы надолго», и на двери для всех остальных появится волшебное: «закрыто». Этого я тоже хотел.

— Мне тут не нравится, — упирается Ксения.

— Интересно почему, если ты даже не заглядывала внутрь?

Моя невеста очень упряма. Кому как не мне знать такую её черту? А потому, взяв девушку на руки, вношу в салон. Колокольчик звякает, нас окутывает полумрак и нега холёного, дорогого места. Ароматизированная прохлада, чётко рассчитанная пленять. К нам немедленно подсакивают девушки-консультантки, с порога распознав во мне платёжеспособного клиента. Обе расплываются в вежливых улыбках. А от фразы: «Нам нужно нечто особенное», на двери появляется то самое «закрыто». Салон с этого мига предоставлен нам целиком.

— Девочки, у нас очень важный клиент, — из глубины салона к нам спешит ещё одна женщина.

Эта в возрасте. Ухоженная, с цепким взглядом. Вышколенная версия: ни один мускул не дрогнул на улыбающемся лице, когда женщина увидела, как Ксения стесняется и пытается спрятаться за меня.

— Присаживайтесь, — женщина вежливо ведёт рукой в сторону мягких диванчиков и стеклянных журнальных столиков перед ними. На последних каталоги и образцы дорогих тканей. — Чай? Кофе? Лимонную воду?

Ксения притихла, как мышка. Затравленно оглянувшись по сторонам и увидев, что ей не сбежать, она смирилась. Но от напитков отказывается, отрицательно мотает головой. Едва не смеюсь: бойкость моей невесты временно парализована! Незаметно сжимаю тонкие пальчики.

— Мне кофе. Моей невесте чай.

— Прия, сделай.

Одна из молоденьких девушек мгновенно исчезает.

Подпихнув Ксанию в заботливые руки администраторши (теперь точно не сбежит), я опустился в отдельно стоящее кресло, с блаженством ощутив его особенную мягкость. Внутри всё кипит, благо повод имеется: не часто я провожу время в подобных салонах, но сегодня готов уделить процессу покупок максимум внимания. И на Ксанию буду смотреть. Женщина рядом с ней понимающе улыбается:

— Что именно Вы хотели?

— Платье, — заявляю, не раздумывая. — Роскошное.

Ксения

От слов демона меня разбивает временный паралич. Алмазов переодеть меня решил? С какой стати? Наверное, я должна на него рассердиться, однако от потрясения язык не поворачивается. А этот... жених! Ещё улыбается так коварно. Неотрывно смотрит прямо в глаза. Зато милейшая женщина-администратор не теряется и, пока я пребываю в шоке, берёт меня в оборот.

— У нас самые лучшие платья, — нежно улыбаясь, сообщает она. — Мари, каталог.

Вторая девушка бросается к журнальному столику и выхватывает из стопки толстенный талмуд, умудрившись при этом окинуть восхищённым взглядом развалившегося в кресле

Алмазова. Это приводит меня в чувство. Да, Демон уселся в кресло, предпочтя его вместительному дивану, и теперь сидит там, словно король, широко расставив ноги. Его поза до того вопиюще мужественна, что даже смотреть неудобно. Однако ему не мешает. Откинулся на спинку и наслаждается.

— Есть какие-то особенные пожелания к платью? — учтиво спрашивает администратор, поводя бровью.

— Длинное, — немедленно отзывается Андриан, окидывая меня пристальным взглядом. — Но не в пол. У моей будущей жены не должно быть никакого риска наступить на подол и свалиться... Например, с лестницы. Широкая летящая юбка, потому что мы будем танцевать. Верх, обтягивающий по фигуре. Декольте... мм... Пожалуй, не надо. — Мои щёки заливают румянцем от пристального взгляда всех на это самое декольте. — Но вырез на спине обязателен. Элегантный, глубокий, чтобы подчеркнуть изящество её спины. Сексуальный, — глаза Андриана чернеют.

А мне кажется, что у меня пылают уже не только щёки, но и всё тело.

— Цвет насыщенный. Можно чёрный. Моей будущей жене подойдёт. И ещё... — уголок рта Алмазова коварно вздрагивает. — Всё, что полагается под платье — тоже.

Я глухо охнула. От последнего нахального заявления захотелось провалиться сквозь землю. Кажется, неудобно стало не только мне. По крайней мере девушка с именем Мари, поглядывающая на Алмазова из-под полуопущенных ресниц, порозовела и уставилась в пол. А женщина-администратор понимающе кивнула.

— Модели разные?

— Да, пожалуйста.

— Я принесу образцы, — пунцовая до корней волос Мари умчалась, а следом за ней степенным шагом удалилась моя «кураторша», сказав, что отберёт подходящие под заказ платья.

Я, красная как рак, осталась с чудовищем наедине.

— Что Вы себе позволяете?! — зашипела, подсакивая к нему и нарушая густую, словно патока, тишину. Боюсь, я была не в себе, потому что чуть не вдарила ему по плечу. А, может, и заехала, не помню. — Что Вы творите? Вы мне ещё не муж, чтобы покупать бельё и платья!

— Дай тебе волю, и ты явишься на вечеринку в сарафане, — невозмутимо парировал изумительно владеющий собой Андриан. — Я прав? Ты ведь не думала о наряде? Бьюсь об заклад, забывала бы о нём до самой вечеринки. Саботаж!

— Почему это саботаж? — смущённо забормотала я, выведенная из строя догадкой Андриана. — Я просто забыла. Не намеренно. Так с платьем вы в этом смысле? Чтобы на вечеринке соответствовать? — я слегка выдохнула. — Но Вы всё равно не имели права командовать.

— Не Вы, а ты, — снова поправил меня Андриан. — У двери ты назвала меня по имени и мне понравилось. Остановимся на подобном обращении. И с платьем я просто помогаю, да. Не благодари.

— Ммм. Вы от вопроса-то не увиливайте! А это как назвать? — язык уже не поворачивался произнести слово «бельё». — Также «помогаю»?

Я ткнула пальцем в стоящий в углу манекен, наряженный соответствующим образом.

— Угум.

— Вы ведь ничего не понимаете в этом, если отбросить факт неприличия!

На лице Андриана появились хищные тени. Взгляд насмешливо вспыхнул, скользнув по моей фигуре, и я отпрянула, припоминая глубокий, обволакивающий тон, которым Алмазов говорил о платье. Верю, что в другом он тоже разбирается.

— Ксания, мужчины прекрасно разбираются в бюстгальтерах и трусиках, — усмехнулся он. — По крайней мере, они точно знают, чего хотят видеть на своей женщине. Я не исключение, — на его лице засияла многообещающая улыбка.

И прежде, чем я успела попросить его замолчать, Андриан выдал:

— Могу просветить. Красный — это тон дикой страсти. Закомплексованный мужчина сбежит от женщины, предпочитающей такие комплекты, через пару дней. Не потянет темперамента дамы. Чёрный — цвет секса, ассоциирующийся у нас с возделением. Белый — цвет невинности. Она возбуждает мужчин до предела. Учти это, когда станешь выбирать.

— В таком случае мне красный! — необдуманно брякаю я, от злости не соображая, как превратно может истолковать мои слова Андриан. И чтобы Демон точно не радовался, уточняю: — Чтобы ты сбежал!

— Я люблю красный.

Довольная усмешка растеклась по мужскому лицу. В ней наслаждение от оплошности, которую я допустила (и которая дошла до меня задним числом; я с испугом зажала себе рот рукой), и личное «ты». И сам факт постановки ответа, где на интимный подарок я фактически согласилась.

— И я точно не сбегу, — мурлыкает Андриан, вгоняя меня в ещё большую краску. — Бери все три цвета, Ксани. Под настроение.

В этот миг в комнату врывается Мари с каталогом шокирующего меня нижнего белья. Я зажмуриваюсь. Возвращается первая девушка с кофе и чаем. А через минуту входит женщина-администратор с коробками. В них наверняка роскошные платья.

— Точно такого же выреза на спине, как Вы заказали, у нас нет, мистер Алмазов, — сообщает она, пристраивая длинные коробки на журнальном столике. — Однако у этих моделей тоже очень элегантные силуэты. Я думаю, на вашей будущей супруге они будут смотреться изумительно. С такой дивной фигуркой это легко. — Она снимает с коробок крышки. — Взгляните сами: вырезы на спине чуть шире требуемого, однако при наличии должных аксессуаров...

Андриан смотрит на меня, а я, опустив взгляд, восторженно ахаю. Не могу удержаться. Одно платье — муаровое, охристо-золотое с радужными переливами цвета, пушистой юбкой и полностью отсутствующей спиной, где вырез компенсируется невесомыми ленточками-искорками, идущими от плеча к плечу. И это называется «чуть шире требуемого»?! Платье шикарно, но вряд ли я смогу такое надеть. Второе чудо цвета айвори*, невесомо-воздушное, с двойной юбкой, где по нижнему, более плотному слою узкими клиньями идут кружева, перекликающиеся с вышивкой вокруг глубокого выреза на спине. А третье... Тону в мерцающем шёлке взглядом.

— Оно тебе нравится, Ксани? — спрашивает Андриан, безошибочно уловив мой интерес. — Примерь.

К этому моменту у него в руках уже дымится чашечка кофе, а обе консультантки не сводят с мужчины влюблённого взгляда, хотя Андриан не пошевелил в их сторону даже бровью. Не успеваю опомниться, как оказываюсь внутри примерочной. Ткань чувственно шелестит, облекая плечи и бёдра, материал окутывает меня, словно тёмное облако и расправившееся на фигуре платье выглядит волшебным! Никогда не думала, что подобное

возможно: из зеркала на меня смотрит совсем другая Ксания. Не девушка среднего класса в скромном платье, а скорее такая, как Андриан Алмазов. Даже собственный блеск глаз с этим платьем смотрится иначе. Увереннее.

Шёлк переливается, ластится к телу, даря небывалое удовольствие, и я поворачиваюсь из стороны в сторону, рассматривая наряд. Платье чёрное, юбка у него тоже двойная, как у второго, но по-другому. Верхняя заканчивается на уровне бёдер, окружая их пышным цветком, а нижняя матово струится почти до пола. На лифе поблёскивают едва различаемые стразовые «дорожки», плечи приспущены и из-за края своеобразных рукавов выглядывает тончайшее кружево. Оно больше похоже на паутину, целомудренно прикрывающую оголённую кожу. А верх платья с помощью массивного ожерелья крепится к шее. Ожерелье сверкает крупными, прозрачными камнями. Virtuозно скрывает за собой откровенную зону декольте и часть плеч. Контраст чёрного и серебряного завораживает. Если б не ожерелье, я бы чувствовала себя нагой... Впрочем, я и так чувствую. Прекрасный наряд оставляет спину наполовину свободной, как Андриан и хотел.

Не успеваю опомниться, как девушки выводят меня из примерочной, чтобы показать Андриану. У Алмазова чернеют глаза, пальцы впиваются в подлокотники кресла.

— Это, — сиплым голосом сообщает он, прикрывая на мгновение веки и шумно вздыхая. — Остальное можно убрать.

Андриан

Следующие полчаса платье подгоняют по фигуре, хотя как на мой вкус — оно село идеально. Действо происходит за закрытой шторкой, и я извожусь, не видя Ксанию. Мне бы это сказочное видение ещё раз... Когда её выпускают ко мне для последнего вердикта, не выдерживаю и притягиваю девушку на колени. Не могу отказать себе в таком удовольствии! Совершенно новая Ксания: сногшибательная, крышесносная красавица — вот кто она сейчас. Хотя я всегда видел, что она красива. Она и элегантна, и изящна. В ней есть всё, что не отпускает внимание. Ловлю себя на этой мысли и почти не удивляюсь. Одновременно получаю тактильное удовольствие от того, что закрученная примеркой Ксания не сопротивляется. Она послушно опускается мне на колени, а сунувшаяся было к нам одна из девушек ойкает, и скрывается обратно внутри примерочной. Ксания порывается встать, но я её удерживаю.

— Понравилось? — как можно более невинным тоном интересуюсь я.

Кивает. Прикусывает в смущении губку. Ох, уж эта её прикушенная губка! Заметив мой взгляд, Ксания начинает нервно возиться, пытается держаться прямо, однако от этого лишь глубже сползает ко мне на колени. И я... Как бы это... Кхм. Усиленно смотрю в потолок.

— Ксани, не ёрзай на мне, — сообщаю суровым тоном, и она краснеет. Судорожно сдвигается на край колен.

— Так лучше?

— Нет, — честно вырывается у меня, и тут же исправляюсь. — Да. Подойдёт.

Давлюсь смешком, наблюдая, как округлились её глаза. А сам продолжаю восхищаться девушкой. О, это платье действительно изменило её. А уж искренний восторг Ксании бархатом проходит по моим нервам, даря удовлетворение. Я доволен, я очень доволен, что смог порадовать её.

— Спасибо, — смущённо благодарит малявка, и мне от её смятения хочется тихонько рассмеяться.

Раскрываю объятия. Она что-то ворчит, но ей настолько хорошо, что она приходит ко мне. Приникает к груди, и я с жадностью втягиваю аромат её волос.

— Совершенно не за что, — шепчу в ответ, понимая, что именно на такую благодарность рассчитывал. — Считай это подарком к нашей предстоящей свадьбе.

Ксания собирается возразить, но не успевает. От её близости у меня сносит голову, и я перемещаю руки на нежные бёдра, вожусь со складками ткани, чтобы забраться ей под юбку. Делаю это и обнаруживаю, что она в чулках с подвязочками. Так Ксания одела комплект! Дыхание сбивается с ритма, и я хрипло дышу, представляя, какая она под одеждой. Веду пальцами другой руки по боку платья, ощущая шёлк ткани. Я эту тряпочку вмиг порву, добираясь до вожделенного! Сдерживаюсь чудом. Ксания с пылающими щеками смотрит мне в лицо, но не двигается.

— Ксания, ты разожгла во мне вулкан! — тихо рычу, пробираясь ладонями уже по спине и касаясь в вырезе обнажённой кожи. Что я там говорил про символику цвета? Бред нёс. Ксания меня в любом цвете возбуждает. Прекрасна всегда. Единственное, что отравой проходит по венам — это поручение, которое я навязал Натану. Стараюсь не думать о нём сейчас, и мне удаётся. Переместив руки на бёдра девушки, осторожно подтягиваю её ближе, толкаюсь вверх. Чёрт с ними, с моими душевными терзаниями, выдохнуть бы... И не захлебнуться в собственном стуке сердца. В нежном вскрике Ксании.

В примерочной начинают нарочито громко переговариваться, и Ксания вскакивает с моих колен, оправляя платье. Отбегает на безопасное расстояние. Жаль. Я только-только вошёл во вкус. То, как невеста реагирует на меня — обнадеживает. Можно сказать, вдохновляет! Но надо расплатиться и ехать на работу, а Ксанию отвезти домой. Моя красавица пунцовая до корней волос, взъерошенная, смотрит круглыми глазами, а я, прежде чем выйти из салона, диктую адрес администраторше. Приказываю доставить платье туда. «Аксессуары» тоже, и женщина понимающе улыбается.

Ксания

Расхаживаю по дому сама не своя. Делаю что-то, разговариваю с сестрой, а сама вспоминаю происшествие в салоне. Стыд вперемешку с чем-то восторженным, бурлящим, хмельным кружит голову. Что мне делать?! Ругать себя или летать, как требует сердце? Носиться по дому, раскинув руки. Мой Демон, он за мной вроде как... ухаживает? Невыносимый Зазнаище. От его прикосновений хочется петь. И как он бёдрами-то... Ооо. Горю.

Пять минут назад доставили платье, и я показываю его Стефании. К нему полагаются туфли-лодочки. А к длинной коробке с нарядом приложен пакетик с откровенным комплектом, что ощутил на мне и даже частично пощупал ошалевший Алмазов. Внутри ещё и второй, от которого я не смогла отказаться; благо девушки помогли выбрать. Они такие ловкие, предлагали так искусно, что я почти не краснела, тогда как до этого думала, что обязательно сторю от стыда. Стефания посмотрела на подарки расширенными глазами, едва не упав в обморок от комплектов.

— Очень красиво, — одобрила она платье, а на пояс с чулками взглянула опасливо. — Оденешь?

— Нет! — я залилась краской, совсем как в салоне. — Не знаю, что на меня там нашло. Я его уберу, и буду хранить. Может, любоваться время от времени.

— Главное, чтобы тётя не нашла, — резонно заключила Стефи и подмигнула. —

Оденешь, когда переедешь к мужу. Мужчина будет любоваться. Хотя не думаю, что Андриан долго выдержит. Он определённо для себя это покупал. — Сестра хихикнула. — Тебя ждёт очень насыщенная семейная жизнь, Ксания! И он балует тебя. Заваливает подарками уже до свадьбы.

Она обняла меня, поглаживая по голове, а меня жжёт желание провалиться сквозь землю. Я снова краснею, вспоминая пробравшиеся под юбку пальцы. Неотвратно и в то же время деликатно. У меня не возникло ни малейшего желания сопротивляться.

«Ксания, ты разбудила во мне вулкан», — вспоминаю горячий шёпот-рык и почти чувствую, как Андриан притискивает меня к себе. Его ладонь вновь скользит по бедру, спине, охватывая и сжимая. Горячо и жадно. Так сладко, что кружится голова, и я теряю нить здравых рассуждений.

Довезя меня до дома, Андриан снова обнял меня, но не поцеловал. На прощанье смотрел странно, будто думал о чём-то. Взгляд тяжёлый, лихорадочный. Он словно сгорает от навязчивых мыслей. Сказал мне быть дома, в офис сегодня не приходите и готовиться к свадьбе.

«Уже скоро», — шепнул он на прощанье и испарился, оставив меня в полном недоумении.

Для вида я отправляюсь с сестрой на кухню и, повозившись там какое-то время, бегу в комнату. Падаю на кровать. Сердце бьётся гулко, рывками. Трепещет каждый нерв. Так кто же ты такой, Андриан Алмазов? Обижал, но в то же время дарит облегчение. Успокаивает и умиротворяет. Верю ему безоговорочно. Он вовсе не робот, как может показаться поначалу, а живой и чувственный. В нём словно уживаются два разных человека, и они едины. Первое время он казался мне очень грубым, а сейчас исключительно надёжным. Его: «Есть я» сказанное под завалом в разрушенном доме, стало для меня спасением и до сих пор теплом греет сердце. Даже в тесные помещения заходить стало не так страшно. Представляю тёплые пальцы Андриана, скользящие по моему запястью и страх отпускает. А ещё наш первый поцелуй... Мне тогда казалось, что он для достижения цели целовал, а сейчас...

— Кто вы, мистер Зазнайка, — шепчу, хотя очень-очень хочется назвать его по-другому.

Внутри этого человека много тайн. Но мужчина, вынесший девушку из разрушенного дома на руках, а потом утром принёсший ей сладости, потому что под завалом она лепетала о них, в любом случае не может быть плохим. Я мельком вспоминаю о Натане, как увильнула от его почти признания на лестнице, и мне становится стыдно. Демону я позволила гораздо больше того. Ох, неужели я...? И Алмазов так странно смотрел перед тем, как уехать.

«Андриан», — напоминает внутренний голос просьбу жениха звать его по имени, и я улыбаюсь.

** Айвори — цвет слоновой кости*

Глава 13. Гадость ваша вечеринка

Анриан

Повернувшись перед зеркалом, я оценил свой внешний вид. Белая рубашка безупречна, отлично сочетается со строгими брюками, а приталенный жилет с атласной чёрной спиной дополняет образ. Лаконично, сдержанно, строго. Всё, как я люблю. Я отвернулся, вставляя в манжеты запонки. Очень хотелось по обычной своей привычке закатать рукава до локтей, освобождая предплечья, но нельзя. По крайней мере, не сразу. Пока не пройдёт хотя бы официальная часть вечеринки; тогда уже будут возможны послабления во внешнем виде. Придётся потерпеть.

Покосившись на часы, я набросил на плечи пиджак и заспешил вниз. Нужно первым добраться до ресторана, который я арендовал для вечеринки, и убедиться, что всё подготовлено как надо. Вообще-то Селиван обещал помогать мне с организацией, но сам с глупейшей улыбкой утонул в телефонных разговорах со Стефанией. Он теперь живёт с мобильником в руках. Только и слышно, что: «Стефи, привет». А дальше многозначительное молчание. Не знаю, что творится на том конце провода, но похоже то же самое. Мама Сели следит за сыном с зоркостью сокола, и возмущённые вопли то и дело разносятся по дому. Негодование щедро разбавлено слезами и жалобами, что её золотого мальчика околдовала нищая ведьма. И что вообще оба мальчика Алмазовых попали под влияние хищных сестёр. Дело нечисто, точно! Где это видано, чтобы шар два раза в одну лузу!

Смеюсь. Шара вообще-то два, и луз тоже. Но сёстры, ага. И братья. Бывает же. Знала бы родительница Сели, как мне, другому мальчику, не терпится лететь на бедную улочку к своей «хищнице»! Которую я еле затащил за себя замуж. Я ей намеренно не звоню. Что мне телефонные разговоры, дразнится только? Я её лично видеть хочу. Трогать. Жду не дождусь, когда дорвусь, как муж. И сдерживаюсь, не набираю Ксанию. Игнорирую хитренькие взгляды бабушки. Но на телефон поглядываю: вдруг моя «ведьма» скажет, что ей чего-то там не хватает. Даже мечтаю, чтобы платье ей немного жало (или ещё там чего), чтобы у меня был законный повод приехать. Но нет, не звонит. Ничего, сегодня уже вечеринка. Скоро увижу строптивицу. В том самом платье. Я тяжело сглатываю.

Дом был непривычно задумчив и тих, когда я стремительно слетел вниз по лестнице. Домашние кто где, и я не ожидал увидеть движение в гостиной. Притормозил, всматриваясь. Оказалось, что это Натан. Брат вышел в холл, и я понял, что не один отнёсся с вниманием к своему внешнему виду. Мой соперник великолепен, и несколько секунд мы с Натаном смотрим друг на друга оценивающе, взирая на внешность, как на камуфляж потенциального врага.

— Отлично выглядишь, Адди, — первым прервал молчание НК, наклонив голову, и я тоже отметил коротким кивком.

— И ты.

Я не врал. Однако если мой сдержано-лаконичный вид был привычным, то Натан ради вечеринки изменил своей любви к джинсам и ярким футболкам. Одел элегантный костюм-смокинг насыщенного тёмно-синего цвета. Я оценил крой и марку портного. Натан не скупился, надо признать. И принять, что он тоже эффектен. Я вдруг как-то заметил, что кузен высокий — раньше не обращал на это должного внимания, и рост у него, по сути, как у меня. И, разумеется, царапнуло, что он для Ксании так нарядился.

— На вечеринку? — спросил я у до неузнаваемости преобразившегося брата.

Тот серьёзно кивнул.

— Да. А ты за Ксанией?

— Отправил за ней машину.

По негласной договорённости мы не упоминаем о ТОМ разговоре, но оба знаем, что мы о нём думаем. Постоянно. И оба понимаем, что каждый из нас рассчитывает провести сегодняшний вечер с Ксани. На лице НК упрямое выражение: он во что бы то ни стало собирается добиться своего — после моих-то слов! — ну а я не готов делиться. Не просто не готов. Не хочу! Приступ дикой собственности захлёстывает с головой. Я уже готов зубами вцепиться в соперника, и меня это поражает. Не подозревал за собой такого. А потом приходит осознание, что на вечеринке все будут смотреть на Ксанию. Потому что не смотреть невозможно, я-то в курсе, какая она будет! Собственными руками платье купил. Натан, другие мужчины — все станут смотреть и пускать слюни. Мысль прострелила, обожгла. Подобное мне раньше не приходило в голову.

— Тебя подвезти? — с трудом узнаю свой напряжённый голос.

— Я сам, — Натан демонстрирует ключи от машины.

Наверняка это он специально: рассчитывает после вечера подвезти Ксанию до дома, но я твёрдо намерен не дать брату такого шанса.

В молчаливом согласии мы выходим из особняка и рассаживаемся по машинам. Я срываюсь с места резко, зло, а Натан плавно. В таком же порядке прибываем к ресторану. Зайдя внутрь, я окидываю обстановку хозяйским взглядом. Но всё идеально.

Скоро начинают прибывать гости. В центре внимания сегодня Селиван и Стефания. Они первыми принимают поздравления, их наряды парные, как я и подозревал. Как только сладкая парочка объявилась, Натан сразу устремился к ним, широко раскинув руки. Громко и весело говорит поздравления, вокруг него искрит позитив. Я так не умею. Расстроившись, поискал взглядом явившуюся на праздник Ирму. Предупреждённая охрана только что доложила, что она здесь. Вот уж без кого вечеринка бы обошлась. Но приходится отдуваться за промах сестры. Ирма действительно тут. Красуется в блестящем синем платье, плотно обтягивающим её выступающие достоинства. И ультра-короткое разумеется, выставляющее напоказ безупречные ноги. Вульгарно. Как я раньше этого не замечал? Ирма стоит в компании женщин, в руке искрится бокал шампанского, ко мне подойти не пытается. Хорошо. Беру на заметку, что она слишком вольно себя ведёт. Юбка едва-едва прикрывает попу, веселье напоказ громкое, а бокал шампанского явно не первый.

Следом за Натаном отдаю долг вежливости Селивану и Стефании. Поздравив их, возвращаюсь к двери, намереваясь дожидаться здесь невесту. К моему огромному неудовольствию НК тоже здесь. Покрутившись среди гостей, он, как и я, вернулся к двери. Понимающе усмехнулся, увидев меня. Чёрта с два я ему позволю приблизиться к Ксании! И тут боковым зрением замечаю, как цепенеет брат.

Поворачиваюсь, и сам едва не падаю при виде дивной красавицы.

Ксания необыкновенно хороша! Она сделала причёску. Блестящие чёрные локоны подняты вверх, подчёркивают стройную шейку, а наряд на её фигуре... Это... Это... Я отключился от звуков мира, видя только её. Меня спасает только то, что я уже видел Ксани в этом платье в салоне. Поэтому выхожу из ступора первым. Стремительно шагаю девушке навстречу.

— Привет.

Ксания замирает, глядя мне в глаза. В золотых омутах столько радостного трепета, предвкушения, что я тону в сладкой глубине без возможности выплыть. Через минуту к нам подтягивается вышедший из клинча Натан, и это меня злит.

Ксания

Зал чудесный. Влетаю в него как на крыльях, понимая, что больше всего хочу видеть одного человека... И тут же оказываюсь в плену его глаз. Растопленный шоколад взгляда Андриана охватывает меня, окутывает теплом, и я тону, тону в разливающейся неге. Как ему такое удаётся? Карий цвет глаз у Алмазова, какие тут могут быть нюансы, но тон постоянно меняется, демонстрируя обуревающие хозяина эмоции. И сам хозяин меняется. Иногда до неузнаваемости. Сейчас взгляд Андриана лучится удовольствием, и я зависаю, не в силах вынырнуть из колдовского выражения его глаз.

Почти одновременно с Андрианом подходит НК, но я его едва замечаю, настолько моё внимание сконцентрировано на женихе. Натан, кстати, выглядит потрясающе. Костюм ему необыкновенно идёт. А вообще оба мужчины возникли рядом так быстро, что на ум приходит мысль о засаде. Они поджидали меня у двери.

— Добрый вечер, — приветствую их сразу обоих.

Андриан что-то ворчит, раздосадованный появлением брата, а НК ничуть не смущаясь, приветливо протягивает мне руку. И тут же убирает её, пронзённый тяжёлым взглядом Алмазова. Андриан хмыкает.

— Как моя сестра и уважаемый Селиван? — быстро тараторю, пытаюсь развеять обстановку. Не хватало только, чтобы эти двое тут подрались, прямо у двери. Я такого позора не переживу! А потому отвлекаю их, переводя внимание на другое.

— Прекрасно, Ксания, — отвечает НК.

Через секунду и сама вижу, что хорошо. Даже отсюда понятно, насколько сестра счастлива: улыбается так, что ослепнуть можно. Рядом с ней такой же сияющий Селиван. Склоняется к ушку сестры, нашёптывает ей что-то, а она заливается румянцем, улыбаясь ещё радостней.

— Ксания, позволь сопроводить тебя к сестре! — активизируется Натан, и всё-таки встаёт рядом, предлагая взять его под руку.

Андриан прищуривается.

— Не стоит, Ксани, — мрачно советует он, и я колеблюсь.

Я и так не собиралась идти с Натаном под ручку при наличии жениха рядом, хоть НК джентльмен и камикадзе, но этот запрещающий тон... В таких случаях мне всегда хочется поступить наперекор.

Оба мужчины напряжённо смотрят на меня, будто доверили делать невесть какой выбор.

А вот фиг вам, мальчики! Бочком-бочком протискиваюсь мимо них в зал.

— Спасибо, Натан, я сама, — дружелюбно объявляю австралийскому брату. Но и оживившегося Демона не радую. Закладываю руки за спину, чтобы не ухватился. — И Вы, мистер Алмазов, не трудитесь. Чего тут идти-то? До центра зала я и сама как-нибудь доберусь.

Игнорирую протянутую ко мне мужскую руку, задираю нос. НК улыбается, Алмазов играет желваками на скулах, засовывает руки в карманы.

— Андриан, Ксани. Андриан, — сухим тоном напоминает он. — Я же просил звать

меня по имени.

— Хорошо, Андриан, — уступаю ему в этом вопросе. — Но самостоятельность мне, правда, не повредит.

Трогаюсь в зал, и оба мужчины со странными выражениями на лицах пристраиваются рядом. Один справа, другой слева, я точно под охраной или в сопровождении — очень мужественном сопровождении! — а потому на нервной почве болтаю без остановки.

— Между прочим, я много чего делаю сама, — делюсь «радостно». — Вот сегодня, например. Мой план — побыть здесь недолго, а затем поехать на попутке домой. Хочу приготовить сестрёнке сюрприз, когда она с вечеринки вернётся.

Андриан и Натан разом останавливаются.

— Нельзя! — хором говорят они и недовольно косятся друг на друга.

— Нельзя, потому что будет поздно, — разумно обосновывает Натан после затянувшегося молчания, когда ни один из раздражённых визави не желает начать говорить первым. — Это небезопасно. Разве можно на попутке одной?

— Разумеется, нельзя. — Андриан мрачнее тучи. Глаза пылают, челюсти сжаты, выдавая негодование. — Я в любом случае не разрешаю.

— Но...

— Нет, Ксани.

— Доеду!

— Отвезу.

— Я согласен с Адди. В данном случае тебе не стоит спорить.

— Вы так единодушны! — бурчу, потрясённая их солидарностью. — В кои-то веки сошлись во мнении!

Оба мужчины гневно косятся друг на друга, но снова молчат. Подозреваю, что затишье ненадолго, а потому мысленно делаю себе пометку посматривать на часы, так как слишком поздно попутки тоже не ездят.

Втроём мы доходим до счастливой пары вечера, и я от души поздравляю Селивана и Стефанию. Их сияющие лица прекрасны, а восторженное настроение заразно. Через немного толпа довольных гостей начинает оказывать на меня прямо-таки гипнотическое влияние. Я смеюсь, радуюсь, как ребёнок, от души наслаждаясь праздником. Шутки, пляски, весёлые инсценировки — они заряжают. Утягивают меня в свой хоровод, и рядом то Андриан, то Натан. При мысли, что скоро доберутся до нас, и мы с Андрианом будем стоять бок о бок, принимая поздравления, как будущие супруги, в груди становится тесно. Это до того волнительно, что хочется пуститься то ли в пляс, то ли в бегство.

Моего Демона бизнес находит даже здесь. К Алмазову то и дело подходят мужчины, пожимают ему руки, перебрасываются короткими фразами, и это всегда про дела. Андриан отвечает кратко и по существу, и мне почему-то очень приятно видеть его таким деловым, собранным. Во время бизнес-пауз кручу головой по сторонам, рассматриваю зал и гостей. Удивительно, но мы с Андрианом выглядим как пара, без дополнительных ухищрений, как у Селивана и Стефи. Одеваясь отдельно, совпали в лаконичной чёрно-белой цветовой гамме, и смотримся дивно в унисон. Моё чёрное платье с неотделимым от него колье перекликается со строгой простотой образа мужчины. Люди улыбаются, отмечая нашу гармонию.

А ещё, крутя головой по сторонам, я отметила, насколько Андриан притягивает внимание. Особенно женщин. Многие не сводят с него глаз. Самые дерзкие наблюдают

хищно, другие — украдкой. Смотрят даже те, что постарше. Любуются, как он двигается, на лицах предвкушение. У меня же от их взглядов разгорается в груди удушливое жаркое пламя. Горячее, вредное. Призывающее прильнуть к Андриану, как к своей собственности, отсечь от него влажные взгляды красоток. Ну, или рывкнуть на них, чтобы смотреть не смели. Такое со мной впервые. Плотный сгусток эмоций пульсирует и делает больно.

Мне тоже достаётся доля внимания. Женщины смотрят на меня с любопытством. Придирчиво изучают колье и платье. Я почти физически ощущаю их зависть и тайный восторг от наряда. А вот мужчины рассматривают меня с восхищением. Некоторые открыто улыбаются, показывая свою симпатию. И тогда Андриан мрачнеет. Похоже, Демон совершенно не выносит других мужчин, предпочитая игры в доминирование наедине. Сузив глаза, он ни на минуту не отходит от меня, и по хищному выражению лица понимаю, что от него не отделаться. Алмазов то настолько плотно рядом, что меня охватывает волна смущающего жара, то на полшага позади, как негласная охрана. Однако я в любом случае чувствую его, всем существом впитывая присутствие. Ещё немного, и он дырку во мне взглядом прожжёт. Это самая невинная моя мысль. А более дерзкая... Мне кажется, будто он сейчас собственнически охватит меня сзади, прильнёт, прижмёт к себе и, закрыв глаза, при всех вопьётся поцелуем в шею. Бёдрами я при этом буду ощущать, НАСКОЛЬКО он сходит с ума.

Натан тоже же не отступает от меня. На мгновение было исчез, а потом появился с двумя стаканами запотевшего апельсинового сока. Качнув головой и покосившись на Демона, сок я всё-таки взяла, а на скулах Андриана после взгляда на НК заиграли желваки. Однако Натан не выглядит удручённым. Он шутит, разряжает обстановку остроумными замечаниями, переговаривается с гостями, только глаза у него при этом серьёзные, внимательные. В них сосредоточенность и огонь, не хуже, чем у Алмазова.

Рядом с Андрианом остановился один из его партнёров и настырно атаковал вопросами. Даже за рукав тянет, завладевая вниманием.

— Мистер Андриан, мне срочно нужно с вами переговорить!

— Мистер Мйттал, а другого времени не будет?

— Боюсь, что нет. Это важно.

Андриан косится на НК. Он решил, что это отвлекающий манёвр с его стороны? Но Натан тоже смотрит недовольно и удивлённо.

— Мистер Мйттал, — кратко представляет Андриан мужчину мне и Натану. — Поставщик эксклюзивных тканей.

Лысоватый товарищ приветственно кивает и снова настырно намекает, что неплохо бы им с Алмазовым отойти в сторонку.

— Тут слишком шумно, — мотивирует он.

Андриан явно не хочет оставлять меня с Натаном, но ему приходится. А я, поглядывая по сторонам, встречаюсь с полным ненависти взглядом одной девушки. Это уже не первый раз, просто я не придавала значения, а сейчас чётко вижу. Девушка — длинноногая красавица. Она среди толпы, но чувство, будто следит за мной. Лицо у неё холодное, злое. Фигуристая красотка смотрит с таким гневом, будто я её при всех оскорбила. Это ещё что такое? Я её знать не знаю! Незнакомка тоже рассматривает мой наряд, но больше с яростью. А когда переводит взгляд на Андриана, смотрит так, будто считает его своей собственностью. Под сердцем леденеет. Для некоторых ситуаций женщинам не нужны слова.

— О чём задумалась? — спрашивает меня оставшийся рядом НК, и я отворачиваюсь от незнакомки, обращаясь к нему.

— Тут девушка одна есть, — не могу устоять и не проверить догадку. — Она так на меня смотрит...

— Где? — Натан поворачивается, но фигуристой незнакомки уже не видно.

— Ушла, наверное.

Вот только льдинка в сердце осталась. Пожав плечами, Натан беззаботно улыбается.

— Ксения, потанцуем?

Словно по заказу по залу льётся тягучая приятная мелодия. Крепкие руки молодого мужчины опускаются мне на талию. Танцевать с Натаном не самая хорошая идея, я до сих пор помню реакцию Андриана на букет. Но, с другой стороны, это же просто танец! Будет невежливо отказать в нём ни в чём не повинному человеку. Тем более НК больше, чем незнакомец. Он друг. Заботится, оберегает. И в танце он ведёт меня так, словно я пёрышко. Двигается легко и плавно; вот уж не думала, что программист Натан такой прекрасный танцор! Его движения исполнены заботливой нежности, в глазах жаркое предвкушение, пламенем от ладоней обдаёт совсем не шуточным.

— Ты очень красивая, Ксения, — хрипло шепчет он, и мне почему-то боязно.

Оглядываюсь на Андриана. Тот поставщик, мистер Мйттал, по-прежнему удерживает его возле себя, тараторя без остановки, вот только Алмазов его не слушает. Он неотрывно смотрит на нас с НК, и чёрные брови сходятся на переносице.

— Натан, — шепчу в ответ я, намереваясь отказать от танца. — Нам не стоит так себя вести!

Но НК улыбается, покачивая головой.

— Мне нужно сказать тебе кое-что, — серьёзно произносит он. — Ксения, я много думал и пришёл к выводу...

Андриан

Со стороны наблюдаю, как Ксения танцует с Натаном. Опаляющая, одуряющая ярость изменяет сознание. Совсем не слышу, что бормочет рядом чёртов Мйттал. Тот будто все проблемы своего контракта решил вывалить на меня. Могу лишь тихо скрипеть зубами, проявляя чудеса терпения. Вцепился в меня, поганец, мёртвой хваткой. Пользуется обстановкой. А я уже готов согласиться на что угодно, лишь бы отстал. Или рыкнуть на него, ради той же цели?

Неотрывно смотрю на танцующую пару. Лицо у Натана такое, что сразу видно: парень поплыл. Такой горячий взгляд на женщину не обманет ни одного мужчину. В моём распалённом воображении НК уже спускает ладони на бёдра Ксении, собственнически притягивает её к себе, и они сливаются жарком поцелуе. Я дёрнулся от чрезмерно реалистичной картины. А ведь брат сказал, что будет делать всё по-настоящему! Австралийское дитя талантов. Дьявол! Неужели сегодня случится мой epic fail? Нет, не смирюсь. Не будет у тебя, Ксения, другой личной жизни. Ни с кем, кроме меня.

Гоня от себя мысль, что Натан и Ксения неплохо смотрятся вместе, я повернулся к Мйтталу, удерживая на языке грубую фразу, чтобы распрощаться с ним. Совсем ополоумел так меня загружать. Вести дела на праздничном вечере! И не беда, что бóльшую часть я пропустил мимо ушей.

— Мистер Мйттал, моя сестра ещё в начале вечера просила передать, что хотела бы

поговорить с вами о последней поставке тканей, — бессовестно вру. — Ей очень понравилось, и она мечтает узнать есть ли такие другие.

Уловка сработала. Прилипчивый партнёр рысью направился к сестре, а я развернулся к притягивающей всё моё внимание паре. Ну, держись, Натан. Ты возомнил, что бессмертный.

**epic fail — сокрушительный провал (англ)*

Глава 14. Я не ревную. Я медленно схожу с ума

Ксания

Руки у Натана горячие, требовательные, прожигают сквозь ткань платья. От ладоней пышет жаром, хотя мужчина не позволяет себе ничего лишнего: ладони чинно лежат на моей талии, ни сантиметра вниз. Однако взгляды и язык тела в танце... НК будто в чувственном сне. Я ёжусь, боясь услышать то, что он собирается сказать. К счастью, начавшуюся фразу заглушает вихрь музыки, сменившей томные ритмы, и бодрый мотив избавил меня от необходимости слушать признание.

Мимо нас промчалась стайка девушек, наряженных в пёстрые одежды, и по пути они прихватили с собой несколько гостей, устремляясь к жениху и невесте. Всё понятно: забавные конкурсы и розыгрыши. Остальные гости двинулись за весёлыми затейницами добровольно, предвкушая зрелища.

Один из обязательных предсвадебных конкурсов — это развязывание лоскуточка ткани на запястье будущего супруга. Задание нужно выполнить максимально быстро и с закрытыми глазами. Так определяется, кто в доме будет верховодить. И вообще, станет лидером в отношениях. Будущий же супруг должен отгадать благоверную по коленке. Тоже с завязанными глазами. Вполне законный путь пощупать чужих девушек при этом! Я смеюсь. Уверена, Демон не пустил бы меня в такой конкурс, чтобы чей-то жених лапал меня за коленку! А также уверена, что сама легко угадала бы его, доведись лапать мне. Странная, не основанная ни на чём уверенность, ведь я Алмазова-то как следует и не трогала (кстати, надо исправить!), но я просто знаю, что определю безошибочно. А пока буду держать кулачки за сестру. Веселясь, я стараюсь не обращать внимания на досаду на лице Натана.

В конкурсе лоскут ткани на запястье Селивана затянула будущая свекровь Стефи. Затянула на совесть. Конечно же для того, чтобы выставить бедняжку в невыгодном свете. Не сумеет — все станут смеяться. А уж сколько поводов для колких замечаний! Не только на празднике, но и потом. Мать жениха показала себя языкастой особой. Поэтому вдвойне желаю удачи, сестра! Справься во что бы то ни стало. С волнением слежу за её тонкими пальчиками. А пока переживаю, мне мерещится, будто чьи-то пальцы касаются и моего запястья. Поглаживают, надеясь найти несуществующую тряпочку. Кошусь вниз. Ох, нет. Не мерещится. Это Натан дотронулся до моей руки, и выражение лица у него самое мечтательное. Осторожно утягиваю руку. Через удар сердца, резким контрастом невесомым прикосновениям НК, на талию собственническим жестом ложится другая рука. Запускает мысль вскачь, а сердце падает в пятки.

— Ксания, ты почему здесь? — знакомый голос иголками проникает под кожу. — Два танца подряд с Натаном — это перебор.

И сцапал меня за локоть, придвигая к себе ближе. Вот ведь... Зазнаище! Натан мрачнеет.

— Ты против? — он говорит вроде бы спокойно, но интонации таковы, что мне не до смеха.

Мне страшно.

Мужчины неотрывно смотрят друг на друга.

— Можно и так сказать. Я думаю, тебе пора уйти, ты уже достаточно натанцевался.

— Достаточно или нет, это я сам решу. Не стоит тебе командовать.

— Ты в прошлый раз чего-то недопонял, НК? — голос у Андриана низкий, с хрипотцой. Угрожающий.

— Я всё понял отлично, Адди.

Мне откровенно жутко. В глазах мужчин ледяное бешенство, а я тихонько кошусь по сторонам, боясь, что мы привлекаем внимание. Что если Андриан и НК бросятся друг на друга? Поубивают друг друга прямо здесь, на празднике? Очень хочется бежать со всех ног к выходу, но нет, я не уйду.

— Натан! Мистер Алмазов! — пытаюсь достучаться до них.

— Позже, Ксения.

Андриан так на меня посмотрел, что стало понятно: действительно лучше позже. Но когда я отступала если мне страшно? К тому же я не позволю, чтобы праздник сестры был испорчен. С Натаном мне всегда было уютно и комфортно. С Андрианом опасно и будоражаще до мурашек, поэтому давя инстинкт самосохранения, встала перед женихом.

— Нам нужно потанцевать. Срочно.

И положила руки ему на лечи.

Оба мужчины в недоумении уставились на меня. Вздёрнутая чёрная бровь Демона без слов сигнализирует об изумлении, но я не отвожу глаз. Смотрю настырно, решительно, и Андриан сдаётся. Шагает ко мне, почти грубо привлекая за талию. Молчит. Злится. Если раньше я думала, что Натан горячий, то теперь понимаю, где настоящий жар. Алмазов почти кипит. Притискивает меня крепче. И его ничуть не смущает, что на нас начинают с улыбками поглядывать гости.

— Что от тебя хотел этот какабар? — с сердитым придыханием выдавил он. — Приставал? Я видел, он к тебе наклонялся.

— Ничего особенного.

Горячие ладони скользят по бокам, в намерении обладать. Андриан сминая ткань платья, хмурится, но двигаться под музыку не перестаёт.

— Не ври мне, Ксани.

Тем временем толпа возле жениха и невесты раздражается громкими криками. Развязывание узелка всё-таки завершилось победой Стефании, не смотря на почти морской узел. Жених, кажется, доволен больше Стефи. А вот его мама не очень. Но всё это я отмечаю лишь краешком сознания. Зал полон томных звуков медленной мелодии и Андриан влил нас в танец настолько горячо, будто живёт им. И я тоже... живу. Обнимает, презирая все правила приличия.

— Вы оттанцевали полный танец и чуть было не пошли на второй, — рычит он.

— Кто-то считает?

— Я считаю! И всё это время он на тебя смотрел.

— В таком случае расслабьтесь и постарайтесь забыть, потому что в танце люди смотрят друг на друга. Касаются, а иногда даже склоняются и шепчут. Это естественно.

Желание защищать Натана у меня не такое уж сильное, но оно есть. К тому же, я не вру. Ничего особенного ведь не случилось! НК не сказал то, что собирался; попросту не успел. Поэтому, если я сейчас и лукавлю, то совсем чуть-чуть.

Однако Алмазова не проведёшь.

— С ним — неестественно. С Натаном ты больше не танцуешь.

— Танцую.

— Нет.

Моя категоричность его совсем не впечатляет. А меня медленно, но верно начинает захлёстывать изменённое сознание и дрожь от горячих мужских рук. А ещё потрясение. Оказывается, сильный выносливый Зазнаище танцует так, что его пластике могут позавидовать бывалые танцоры. Двигается замечательно. Мы вместе двигаемся замечательно, даже спорить успеваем. Всё выходит естественно, как дышать. Потрясённая этой мыслью, я споткнулась, но Алмазова опять не смутило. Обхватив за талию, он прокрутил меня так, что носки туфель прочертили по полу, а затем вжал в себя, наклонил, нависая сверху. Вокруг нас уже пустое пространство: люди расступаются, давая волю разошедшейся паре, но я почти ничего не вижу, кроме лица Андриана. Когда он меня поднял, заботливо поддерживая под спину, я вынужденно уткнулась носом ему в шею. Вцепилась в лацканы пиджака, вдохнула терпкий дурманящий аромат.

Сразу пропала.

— Так лучше, Ксани? — шепнул на ухо непонятно что имеющий в виду Андриан, и я ошарашенно моргнула. — Да, так точно лучше, — ответил он сам себе.

А после и вовсе совершил дикое: приподнял моё ослабевшее тело и поставил к себе на ноги. Теперь наш танцевальный ритм сильно замедлился, но на движениях Андриана это почти не сказывается.

— Ваши ботинки пострадают, — ворчу я.

— Ты лёгкая.

Андриан вроде как успокоился. Наша близость умиротворила его, зато я не могу успокоить собственное сердцебиение.

— Почему Вы третируете Натана? — решила дожать жениха, пользуясь тем, что при всех сбежать от меня (и ответа) он не посмеет. — Почему донимаете?

— О, я даже не начинал!

— Я заметила. У вас постоянно стычки.

— Только не говори, что он стал тебе настолько дорог, после одной минуты танца...

Ксани.

— Ничего он не стал! — я задета тем, как едко звучит голос мужчины. Обвиняюще. И меня это заводит. — Не стал, но Вы удивитесь, когда узнаете, насколько Натан... Какой он... Ммм... — не могу подобрать слов.

— Хороший? — подсказывает Андриан.

— Да! Да, хороший. И ещё добрый. И умный. И...

— Сильный?

— Без сомнения. И... и...

— Внимательный?

— Пожалуй. С ним есть о чём поговорить. Он...

— А со мной, значит, нельзя?

Снова обозлившись, Андриан перехватывает меня ровно в тот момент, когда я соскальзываю с его стоп и пытаюсь сбежать. Хватит с меня! Но Андриан не отпускает. Он задаёт новый ритм, более страстный, и мы снова движемся под музыку, как единое целое, привлекая внимание.

— Вы ревнуете! — догадываясь, выдыхаю я, и Алмазов фыркает.

Андриан

Догадка Ксании в самую точку на самом деле. Сегодняшний праздник просто вечер

открытий. Я поражён. Давай, Андриан, ты же никогда не врал сам себе. Признай, что девчонка тебе нравится! Нравится настолько, что ты ревнуешь. Сходишь с ума, иначе не реагировал бы так на кузена.

Скользу руками по талии девушки, растопыренной пятернёй перехожу на обнажённую спину, и делаю это намеренно медленно. Чувственно. Пристально наблюдая, как Ксания краснеет и дрожит. Пытается выбраться из моих объятий, шипит нечто невнятное, судя по тону — вразумляющее.

...Что-то вроде того, что на нас смотрят.

Плевать.

...Что она устала.

Обнимаю крепче, намекая, что могу и на руках носить.

...Третьим вариантом идёт то, что устал я.

Не устал. О чём прямо и сообщаю. Не отпущу ни на этот, ни на последующие танцы, пусть даже не надеется.

— Чёрта с два я тебя выпущу, — ворчу на ушко невесте, с удовольствием наблюдая, как по нежной коже шеи бегут мурашки. — Твой Демон бодр, полон сил, и отдыхать не собирается.

А про себя думаю: Андриан, какой же ты дурак! И когда эта история с невестой стала для тебя больше, чем вынужденный брак? Сам не заметил. Так хотел добиться цели и обойти бабушку, сохранив за собой компанию, что незаметно угодил в другую ловушку. Посмотрел на свою возмущённую невесту. Взъерошенная, забавная, негодующая. Когда впервые увидел её такую, сразу понял, что сделал правильный выбор. И не желаю видеть других мужчин рядом с ней. Мысль о мужчинах возвращает меня к Натану. Затаённо рычу: никакого НК больше! Но так и хочется спросить, понравилось ли Ксании в объятиях моего брата. Извечное мужское желание быть первым, чтоб его. На эмоциях так прижал девушку к себе, что Ксания тихонько охнула.

К сожалению, приходится прерваться. Мелодия заканчивается, и к нам, сияя счастливой улыбкой, слегка прихрамывая, направляется моя сестра.

— Братик! — её глаза влажно блестят. — Как приятно видеть! Ты был такой красивый сейчас! Я так давно не видела, чтобы ты танцевал и веселился! Ксания, ты определённо благотворно влияешь на Андриана!

Сестра проводит ладонью по моему лицу, как гладила в детстве, а я старательно удерживаю Ксанию подле себя, потому что как только музыка кончилась, девчонка порывается уйти. Отпущу её — и точно сбежит, с неё станется. С вежливой улыбкой выслушав восторги Айданы, Ксани выразительно косится в сторону.

— Куда это ты? — невинно полюбопытствовал я, незаметно усиливая хватку. Что-то творится в последнее время с моими хватательными рефлексам. Руки сами тянутся к Ксании. Стоящая рядом сестра улыбается.

— Воды... Воды попить. — Бормочет моя невеста. — Тут жарко.

— Вместе ходим.

— Я... Я лучше одна.

— Ксани, не спорь, — произношу внушительно. Ксания умная, должна понять.

— Дорогая, Андриан совершенно не выносит, когда с ним спорят, — шутит сестра.

— Я заметила, — с сарказмом отзывается моя ненаглядная. — Но мистер Андриан такой занятой человек! Пытаюсь ему донести, что до воды-то я могу самостоятельно

добраться.

Мрачно смотрю то на сестру, то на Ксанию. Так-то оно так. Не выношу, когда со мной спорят, сразу начинаю заводиться. Где-то я даже согласен с такой постановкой ситуации, но... А потом вижу, как к нам направляются НК и порядком поднадоевший Мйттал. Нет, Натан мне надоел всё-таки больше!

Ксания

К нам подходят Натан и мужчина, что уже говорил с Андрианом. Алмазов закатил глаза:

— Что ещё?

На месте приблизившегося партнёра я бы уже ударилась в бегство, но тот настырный, начинает что-то бубнить, да ещё Андриана от нас с НК и Айданой в сторону тянет, чтобы не мешали. Боссу всё-таки пришлось выпустить мою руку, и я радуюсь обрётённой свободе. После танца с Андрианом внутри всё горит. Душа горит! Скручивается в узел, пугающий своей силой. И я снова благодарна Натану, который как чувствовал, принёс мне сок.

— Тебе это нужно, — грустно усмехается он.

Сок прохладный, апельсиновый, приятно освежает горло и нервы, и я в несколько глотков ополовиниваю стакан. И потихоньку отступаю от образующегося родственного кружка: Айдана что-то спрашивает у НК, тот отвечает, рядом с ними Андриан. А мне нужно срочно побыть одной. Пока у Демона нечто вроде совещания, и пока он прилипчивого мужчину не покусал.

Однако побыть в одиночестве не удалось. Как только я оказалась достаточно далеко, рядом со мной возникла девушка в коротком блестящем платье. Та самая. Взгляд лощёной брюнетки наполнен ядом, и она этого не скрывает.

— Ну, здравствуй, Ксания Милан, будущая Алмазова, — язвительно произнесла она и её заметно передёрнуло, словно даже имя моё ей неприятно. Столько злобы!

— Мы знакомы? — Я напряглась. Таковую злость невозможно испытывать просто так. Я гадала, за что брюнетка меня ненавидит, интуитивно угадывая ответ. — Мы где-то встречались?

— Неет, — тянет длинноногая красотка и прикладывается к бокалу с шампанским.

— Тогда кто Вы?

— Ирма. — Незнакомка нехорошо ухмыльнулась, не став делать секрета из своей персоны. — Разумеется, он не сказал тебе. Моё имя тебе ни о чём не говорит, но у нас с тобой общий мужчина, дорогуша.

Взгляд девушки недвусмысленно указал на высокую фигуру Алмазова. Моего Демона. Ирма даже улыбнулась мечтательно, ведя пальчиком по длинной ножке бокала, словно Андриан был рядом, и она гладила его. А у меня руки сами собой сжались в кулаки. Захотелось вцепиться в безупречную укладку и физиономию этой хищницы. Прости, Господи, я человек довольно мирный, но этой женщине причёска не идёт! Одновременно я начала задыхаться, будто меня ударили под дых. Ждала подобное заявление, но в глазах всё равно потемнело. Сказано было так, словно они до сих пор в отношениях.

«И правда, Ксания, с чего взяла, что нужна ему», — мелькнула горькая мысль. Алмазов не скрывал, что женится, потому что НАДО. А нежные чувства его, видимо, здесь. Я снова посмотрела на красотку.

— Дошло? — улыбка Ирмы стала приторно-сладкой. Она с огромным удовольствием

наблюдала за моими потугами вдохнуть.

— Адрианчик... Он мой. По крайней мере, был исключительно моим совсем недавно. Как ты умудрилась пробиться в его официальную невесту, я решительно не понимаю. Он ведь никогда не хотел жениться! Ни на ком. Сто раз говорил. Но ко мне прибегал исправно. И вот теперь ты, в этом платье, — Ирма окинула меня взглядом полным кипучей зависти, — и можно подумать, ты вся ему такая пара! Да ещё объявление о женитьбе. Вечеринка, всё такое прочее. Как ты его заставила?

— Я никого не заставляла.

Приступ слабости прошёл и перед глазами плыла багровая пелена. Никогда не чувствовала себя такой кровожадной! Прищурилась под стать Алмазову, едва отдавая себе в том отчёт.

— Ну да, конечно. С чего же он так резко поменял решение? — Ирма пьяно обиделась и слегка качнулась. — Беременность? Или просто не хочешь говорить? Тут что-то не сходится. Но знаешь, что... Я докажу тебе! Я не стану устраивать скандал, потому что Адричек мне этого не простит, но я докажу тебе, что такой мужчина не для тебя. Кто ты такая? — лицо девушки перекосило яростью. — Деревенщина, выряженная в дорогое платье! Всего лишь! Ничего привлекательного. Скромница, с которой до свадьбы даже не поцелуешься, меня в этом не обманешь. У тебя же на лбу написано: целка и недотрога! А Адрианчику всегда нужно было бóльшее! Ещё какое бóльшее, если ты понимаешь, о чём я говорю. Темперамент у мужчины такой. Я могу ему это дать, а ты нет. Так что жди: через пару месяцев он вернётся ко мне, не смотря на любые причины скоропалительной женитьбы!

Ну, всё. Теперь я злая. Мало того, что эта лярва моего Демона коверкая красивое имя называет, так ещё уверена, будто между нами не может быть страсти! И говорит, словно он пожизненно принадлежит ей. Вытянувшись в струнку, я подшагнула к брюнетке.

— Мои отношения с моим почти уже мужем Вас не касаются! — зашипела зло. — Это только наше дело. С кем он был, меня не касается. А то, что к тебе не вернётся, уверена на все сто! Может, ему как раз стал не нужен ваш такой специфический сексуальный опыт?

Внутри стремительно леденело. Я действительно не знаю, зачем Андриан женится на мне. Он не говорил. И замуж потянул шантажом. О его прошлом я тоже не имею ни малейшего понятия. Алмазов как закрытая книга. Подозреваю, что со всеми. А эта девушка намекает на интимные отношения с Андрианом и уверяет, что он к ней теплее, чем к другим.

...Больно, как больно! Всё разрывается внутри. И я даже не могу проверить, правду она говорит или врёт. Но после поцелуя в архиве, после покупки платья, танца... Ох, Ксани, попала ты на крючок мужской ласки! Стоило Демону проявить внимание, и ты растаяла. Но ни за что не покажу глянцевої фифочке, как мне на самом деле плохо! Образ соперницы даже поплыл перед глазами. Так яростно я ещё никого не отчитывала, защищая своё.

Девушка на секунду опешила, а потом засмеялась.

— Андрианчик не обращает на такие вещи внимания, — доверительно произнесла она.

Как же меня бесят эти: «Адричек» и «Адрианчик»!

— Не смей называть его так! — выдала я, уверенная, что имею на требование полное право.

— Ты просто жди, — фыркнула соперница. — У меня обязательно представится случай доказать тебе.

Неожиданно она замолчала, уставившись поверх моего плеча. Я очень хочу надеяться,

что там кто-то посторонний, но знакомые покалывающие иголки по коже сигнализируют, что там именно Андриан Алмазов. Оборачиваюсь. За спиной жених. Стоит, засунув руки в карманы. Вид мрачный, как у дьявола.

— Ирма. — В голосе ни малейшего тепла или намёка на приветствие. Цедит сквозь зубы. — Не подходи к Ксании. Мне. Это. Крайне. Не. Нравится. Не смей устраивать ей неудобства.

— А-адричек! — девушка расплылась в глупой улыбке, не смотря на отповедь.

Алмазов закатил глаза:

— Как же меня бесят эти клички... — прошипел он. А потом произнёс громко и чётко: — Не смей звать меня Адричек!

Это прозвучало настолько синхронно моему недавнему заявлению, что я неприкрыто радуюсь. Меня отпустило. Тугой узел боли распускается. А Ирма, метнув на меня злобный взгляд, нервно отсалютовала мужчине бокалом.

— Хорошо, дорогой. Тогда Адриаша?

Да она тупая!

Повинуясь короткому кивку Алмазова, рядом появляется охрана и девушку аккуратно, но крепко взяли под руки.

— Мисс Торрес в такси и домой, — жёстко командует мой жених. — Ксания, мне жа...

Но я знаю, что когда он повернётся, то не увидит меня. Я стремительно иду сквозь толпу, глотая слёзы и едва сдерживая эмоции. Новый виток боли закручивает и душит. Ох, Ксания, какая же ты глупая, глупая...

Твёрдая рука перехватила меня возле самого выхода. Я думала, это снова Андриан, дёрнулась, чтобы дать отпор, но оказалось, что это НК. Австралийский брат выглядит внушительно: серьёзный. Напряжён. Взгляд внимательный.

— Что случилось, Ксания? — в словах тяжёлое участие. Будто бы всё видел и всё заранее понимает. — Что она тебе сказала?

— Ничего сильно значащего. Просто, когда прошлое наступает, становится неприятно.

— Ясно. — Лицо Натана закаменевшее. — На месте Адриана я бы просто не пустил её сюда.

Мне понятно, что Натан действительно во всём разобрался, но почему-то совсем не стыдно. А он вдруг хватает меня за руку и вытаскивает из зала. Мгновение и мы на широкой террасе, примыкающей к ресторану. Терраса большая, шестиугольной формы, с красивыми балясинами по краям и длинными овальными ступеньками, ведущими на улицу вниз. Она отгорожена от зала не только высокими дверьми, но и огромными окнами с развевающимися шторами молочно-белого оттенка. Здесь тоже слышна музыка, и Натан привлекает меня в объятия, предлагая потанцевать.

— Ксания, — выдыхает он.

Натан что-то говорит, а меня переполняет пламя. Жгучее, яростное. После вчерашнего подарка Демона я летала в облаках, а сейчас жестоко спущена с небес на землю. Ушиблена о камни. Алмазов ни разу ни сказал, почему женится. Я совсем не в курсе его причин, тут черноволосая ведьма абсолютно права, но после горячих взглядов и хозяйского поцелуя по-женски надеялась. Ошиблась. Призываю выкинуть всё из головы. Просто танцевать. Натан... Он замечательный. Вот бы его прикосновения так кружили голову!

— Ты необыкновенная, Ксания, — шепчет Натан, и я улыбаюсь.

Он горячий. Очень горячий. И прежде чем успеваю опомниться, НК подаётся ко мне и

мягко обхватывает лицо ладонями.

— Тихо, Ксани, — говорит, видя, что я, запрещая, покачиваю головой. — У меня мало времени, а я должен сказать.

В его движениях нет наглости, от которой хочется немедленно вырваться из рук и сбежать, но кожей я чувствую, что обжигающий жар его тела — это не жар Андриана. Другой. Чужой. А серьёзный, неожиданно не путающийся в словах Натан трепетно спрашивает:

— Как ты относишься ко мне, Ксания? Впрочем, нет. Не говори. Я и так знаю. Но ответь себе на вопрос: почему ты идёшь замуж за Адди? Есть ли у тебя на то чувственные женские причины? Я вижу, что он заставляет тебя. А я...

С каждым словом Натан, распаяясь, говорит всё горячее, в глазах огонь, и я понимаю, что сейчас он скажет непоправимое.

— Нельзя, — холодею, но он как не слышит.

— Мне тяжело соперничать с братом. Морально тяжело. Но я сделаю это, потому что ты достойный стимул.

— Вы братья!

— В борьбе за любимую девушку скидок на родство нет.

У НК такое выражение лица, что мне его безумно жаль. Отступив, судорожно озираюсь по сторонам, и Натан усмехается.

— О нём думаешь, да? — голос мужчины силен и неузнаваем. — Ждёшь, что сейчас выйдет?

— Я...

А Натан вдруг стремительно подскочил, вновь обнял моё лицо ладонями и начал лихорадочно целовать. Лоб, подбородок, скулы, щёки — он покрывает лицо жадными поцелуями. Всё, не касаясь губ, потому что мне неуловимым образом удаётся уворачиваться, и мои губы ему не достаются. Натан как в бреду, но вряд ли он это осознаёт.

— Ксания, Ксания, — болезненно шепчет он между прикосновениями губ к лицу, сходя с ума. — Почему именно он? Почему Андриан?

Горячие прикосновения становятся требовательными. Натан сильно прижал меня к себе, притискивая, почти как Андриан. Словно перешагнув некую черту, он не может остановиться. Он жаждет большего! А мне вспоминаются другие мужские объятия.

— Натан... Натан... — шепчу, упираясь ладонями в крепкие плечи. — Ты с ума сошёл!

— Да, Ксания, да. Кажется, да... — отвечает он прерывающимся голосом, поглаживает меня по голове. — Давай сбежим! Уедем в Австралию. Мы будем жить там вдвоём, хорошо жить, душа в душу, потому что подходим друг другу, и я обязательно сделаю тебя счастливой. — Добравшись до мочки уха, НК обжёг меня горячим дыханием вместе с поцелуем. — Учти, я отбиваю тебя сейчас у Андриана и хочу, чтобы ты понимала это. Заберу и никогда не отдам!

Я вздрогнула на слове «никогда». В памяти перечёркнутыми возникли взгляд Андриана и то, как он меня целовал. Сердце ухнуло в пропасть, и НК сразу это почувствовал.

— Не хочешь, да? — почти простонал он. — Ты всё-таки влюбилась в него? В такого... — он запнулся.

— Натан, ты замечательный друг...

НК отшатнулся от меня. Запустил пальцы в волосы, с силой провёл руками по голове, сбрасывая напряжение. Добрый, милый, не сдающийся, упрямый, но никак не

воспринимаемый мной больше, чем товарищ Натан. Мне хочется плакать. Он играючи вёл меня в танце. Жизнь с ним тоже была бы такой: лёгкой, безоблачной, но обманывать и обманываться не могу. Не давать необоснованных надежд. Не надо...

Со стыдом шепчу об этом парню, понимая, что властный, не улыбочивый, гордый Андриан совершенно его затмил.

— Насколько всё было бы проще, если... — договорить не могу. Ком в горле.

Натан тяжело вздыхает. Мне заметно, насколько трудно ему взять себя в руки, но он справляется. Отошёл от меня на крохотное расстояние, смотрит серьёзно.

— Ксения, пообещай мне кое-что, — наконец говорит он.

— Да, конечно! Всё, что угодно! — пылко заверяю я, так как мне перед ним стыдно. Натан смеётся, но смех его горький.

— Поосторожнее с обещаниями, Ксения, поосторожнее. Я ведь и... — Он тяжело вздыхает. — Обещай, что если Андриан обидит тебя, то я буду первым, к кому ты придёшь за помощью и всё расскажешь.

В это время в дверях появляется Андриан. Его взгляд упирается в наши фигуры, очень близко стоящие, надо сказать. Останавливается на моих нацелованных щеках, и мне кажется, что он прекрасно понимает, почему они пылают. Алмазов мрачнеет. Нет, даже не так. Его лицо страшно темнеет, словно из бездн ада поднимаются тучи. Руки сжимаются в кулаки. Он очень страшен сейчас, а Натан с вызовом прищуривается и расправляет плечи.

Андриан

Всегда знал, что за свою женщину буду биться до последнего. Драка жестокая. Мы с НК бьём от души, у нас много друг к другу накопилось и почти не слышим криков Ксении, умоляющей остановиться. После очередного удара потекла первая кровь. НК сплюнул на землю тонкую струйку, вытирая разбитые губы, но я недолго испытывал за себя гордость. Его ответный удар рассёк мне бровь, и тёплая липкая жидкость залила глаз, стекая по щетине и капая на рубашку.

— Ты конченный урод, Андриан! — зарычал Натан, в кои-то веки называя меня правильно.

Должно быть, это степень его бешенства так выражается. Но я тоже зол. Выйдя на террасу и увидев такую красивую Ксанию — вся её тоненькая фигурка напряглась, как струна — я сразу понял, что между этими двумя состоялось объяснение. А может быть и не только. Могу только гадать, как далеко они зашли. Как бы не злился, признаю: Натан — достойный соперник. И когда он не отвёл глаз, наше молчаливое столкновение переросло в настоящую драку. И да, я понимаю, что НК имеет в виду, называя меня уродом. Он предельно ясно обозначил свою позицию ещё в наше первое столкновение в кабинете, но я не сдаюсь. Горю... Точнее уже сгораю.

— Андриан, Андриан! — Ксения пытается удержать меня, хватая за руки, не пуская драться, а мне кажется, что так она защищает НК.

— В машину, Ксани, — рычу я, отмахиваясь от неё. — Сначала убью этого аборигена, а потом поговорим!

Мы с Натаном на равных. Снова обмениваемся ударами, нанося друг другу повреждения. Тяжело дышим. На террасе всё разнесли основательно.

— Ты целовал её! — в ярости обвиняю, забывая о собственном недавнем приказе.

И это я не спрашиваю. Утверждаю.

— Да, — не отрицает брат. — И мне понравилось!

Охнув, Ксения закрыла ладонями лицо.

— Да вы просто нашли друг друга!

Снова бросаюсь на Натана. Убью, точно убью! Мы валимся на пол и катимся по ступенькам к земле, нанося удары.

КОНЕЦ первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net